

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

**ОПЫТ РЕШЕНИЯ ЖИЛИЩНОЙ ПРОБЛЕМЫ
В ГОРОДАХ СИБИРИ В XX – НАЧАЛЕ XXI вв.**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

НОВОСИБИРСК
Параллель
2008

ББК 1

Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX – начале XXI вв. Новосибирск: Параллель 2008. 216 с.
ISBN 978-5-98901-043-1

В сборнике изучается опыт решения жилищной проблемы в Сибири в ходе хозяйственного освоения региона. Прослеживается трансформация государственной политики по отношению к жилищному строительству, выявляются особенности решения «жилищного вопроса» в городах и сельской местности, а также в районах нового промышленного освоения, проводится анализ социокультурной адаптации населения Сибири в процессе нарастающей урбанизации.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся историей Сибири.

Утверждено к печати
Ученым советом Института истории СО РАН

Рецензенты
д-р истор. наук *В.А. Исупов*
д-р истор. наук *А.А. Николаев*
д-р филос. наук *Ю.В. Попков*

Редакционная коллегия
д-р истор. наук *С.С. Бужин*, канд. истор. наук *А.А. Долголюк*,
д-р истор. наук *В.И. Исаев* (отв. редактор),
канд. истор. наук *А.И. Тимошенко*

Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Жилищные программы в городах Сибири в XX – начале XXI вв.: опыт реализации и социальная эффективность», № 07-01-00426а

Без объявления

ISBN 978-5-98901-043-1

© Коллектив авторов, 2008
© Институт истории СО РАН, 2008

М.М. Ефимкин

Жилищный фактор в процессе индустриальной адаптации Сибири в XX–XXI вв.

Сложившаяся в Сибири в процессе зарождающейся индустриализации начала XX в. экономическая конъюнктура, с поправками русско-японской войны и революции 1905–1907 гг., значительно повлияла на положение индустриальных рабочих. Номинальная заработная плата в эти годы выросла намного больше, чем в иные периоды истории края. Тем не менее, несмотря на ее более высокий по сравнению с общероссийским уровень, большинству тружеников она не обеспечивала прожиточного минимума. Подобное состояние сочеталось с труднейшими условиями труда и быта, что не в последнюю очередь было связано с суровым сибирским климатом. Фактор – почти или мало учитывающийся в ходе всего индустриально-го освоения сибирского региона.

Первая русская революция заставила правительственные круги заняться рабочим вопросом, в том числе признать ненормальными жилищно-бытовые условия рабочих. В 1906–1907 гг. в различных государственных учреждениях и объединениях капиталистов наряду с прочими обсуждался вопрос о строительстве для рабочих недорогих и удовлетворительных в санитарном отношении жилых помещений. Но никаких законодательных актов по нему не последовало, а с поражением революции об этом вспоминали крайне редко. Жилищно-бытовое положение рабочих Сибири отличалось от положения их собратьев по классу в Европейской России в худшую сторону. Наиболее плохие жилищные условия в сибирской провинции существовали в силу сезонности ряда производств, удаленности значительной части предприятий от населенных мест и большой текучести рабочих кадров. Наиболее наглядно отмеченные особенности отражались на положении промышленных рабочих – ядра индустриального сектора экономики Сибири. Здесь по-прежнему временные бараки являлись основными жилыми и бытовыми помещениями. Нормы площади на одного рабочего были ниже минимального предела.

Примеры равнодушного, а порой и бесчеловечного отношения к трудящимся сибирской индустрии демонстрировали не только мелкие, практически не контролируемые инспекцией, но и большинство крупных предприятий. А если и происходило улучшение жилищных условий, то шло оно, даже по сибирским меркам, крайне медленно и незначительно. Позитивные изменения касались в первую очередь квалифицированных рабочих на предприятиях устойчивых, с передовыми технологиями, стремящимися удержать качественный состав кадров. Нехватка жилья ощущалась даже у штатных железнодорожных рабочих, имевших право на казенные квартиры. Дефицит жилплощади на Сибирской железной дороге в зависимости от ее отделений составлял к 1910 г. от 26 до 45 % ¹. В сравнительно лучших жилищно-бытовых условиях находилась некоторая часть рабочих обрабатывающей промышленности. Предприятия этой отрасли располагались преимущественно в населенных пунктах или рядом с ними. Кадры рабочих пополнялись в значительной мере за счет местных жителей, часто имевших собственное жилье.

Правовая регламентация трудовых отношений между рабочими и нанимателями рабочей силы в России не была всеобъемлющей и планомерной. Рабочее законодательство в послереволюционной стране по сути дела только еще формировалось и не превратилось в систему трудового права, охватывающую весь комплекс вопросов труда и быта рабочих. Поэтому и внепроизводственные отношения между работодателями и рабочими, как в Сибири, так и в России в целом, не подлежали какой-либо всеобщей и обязательной регламентации. В существовавших же усеченных формально-юридических регламентациях внепроизводственных отношений превалировала тенденция к сведению необходимых для рабочих потребностей до минимума. Действительные правоотношения рабочих и предпринимателей не соответствовали даже минимальным, формально установленным. Тем не менее, наблюдались и некоторые частные улучшения, происходившие в жилищно-бытовых условиях, связанные в первую очередь с изменениями в структуре некоторых сибирских производств, повышающих свою техническую оснащенность, что приводило к увеличению численности квалифицированных рабочих, определяющих технологический прогресс предприятия. Споспособствовало этому и длительное эхо первой русской революции.

Понятно, что эти производства пока не определяли технический уровень сибирской индустрии в целом. Общее состояние жилищного вопроса индустриальных рабочих Сибири продолжало оставаться тяжелым, еще более усугубившись в годы Первой мировой войны. Увеличение количества рабочих, особенно в угледобывающей промышленности, привело к невыносимой тесноте проживающих в казенных казармах, которые, как правило, не имели фундаментов, в них просвечивались непроконопаченные стены и вода стояла под полом. В таких условиях в комнатах 15–16 кв. м ютилось по 18–25 человек. В крупных городах росло население бедняцких окраин: в Тюмени – «Кирпичных сараев», в Томске – Черемошников, в Ново-николаевске – Каменки и Затона, Красноярске – Качи, в Иркутске – Знаменского предместья². Отсутствие уличного освещения, канализации, скученность и нищета, непролазная грязь весной и осенью, пыль летом, нечистоты, сваливаемые неподалеку от жилищ, рои мух, разносящие инфекции – такими были эти жилищные окраины.

Милитаризация железных дорог и значительной части индустриального производства, угроза ликвидации отсрочек от призыва в армию и другие меры усилили произвол администрации и владельцев промышленных предприятий, особенно в области соблюдения норм техники безопасности, медицинского обслуживания и жилищного обеспечения сибирских индустриальных рабочих, живших и так в более варварских условиях, чем их собратья в Европейской России. Там еще в конце XIX в. значительный процент рабочих крупных предприятий пользовался дотациями по квартплате, предоставляемыми их владельцами. Как писал академик С.Г. Струмилин, опираясь на обследование 1899 г., охватившее 550 тыс. рабочих, более 71 % из них пользовались помещением от предприятий, в том числе 49 % – бесплатно. Конечно, их владельцы не делали вид, что благодетельствуют рабочим, а включали дотации в общую сумму расходов по заработной плате. В Сибири же подобная категория рабочих была ничтожна и состояла преимущественно из железнодорожных кадров. Практиковалось, правда, предоставление жилья целым группам наиболее квалифицированных индустриальных кадров, «импортированных» из европейской части России на новые промышленные предприятия. В целом же, жилищные условия в Сибири были, пожалуй, одним из основных факторов, сдерживающих процесс адаптации пришлого фабрично-заводского люда и перехода

представителей сельского и кустарно-ремесленного типа населения в промышленную категорию сибирских жителей. Более того, данный фактор, в совокупности с другими, являлся определяющим для оттока наиболее профессиональных кадров в европейскую Россию и Китай. А некоторые из них устремлялись даже в далекую Америку³.

При Советской власти исторически можно выделить три этапа в решении жилищной проблемы. Первый – от ее установления и до Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления народного хозяйства. Второй – от 1957 г. до XXVII съезда КПСС. Третий этап начался в годы перестройки и должен был завершиться в 2000 г. с выполнением задачи, объявленной М. Горбачевым: «каждой советской семье отдельную квартиру».

Конечно, после семи лет мировой и гражданской войн жилищные условия рабочих Сибири были крайне тяжелыми. С первых дней Советской власти началось переселение семей рабочих из подвалов и барачных помещений, но жилищный городской фонд царской России составлял всего 180–200 млн. кв. м общей площади, на 80 % – в деревянных домах и к тому же без элементарных удобств. Понятно, что переселять особенно было некуда. В Сибирском крае, где жилых помещений, принадлежащих предприятиям, имелось мало, а буржуазия количественно была малочисленна и содержала свои жил-апартаменты преимущественно в европейской части России, данный процесс оказался вообще малозаметным. Традиционно жилищные условия рабочих уже советской Сибири были чрезвычайно тяжелыми. Новая власть наследовала, помимо всего прочего, и жестокий жилищный кризис.

Невообразимо тяжелыми жилищно-бытовые условия были в угледобывающих регионах. В 1922 г. в различных районах Кузбасса большинство населения жило в землянках и необорудованных вагонах. Принимались чрезвычайные меры для облегчения жилищно-бытового положения рабочих семей. В апреле 1921 г. Сибревком создал Комиссию по улучшению быта рабочих. Такие комиссии организовывались в губернских городах, промышленных районах, на рудниках и заводах. Они получили право уплотнить малонаселенные квартиры, выселять из заводских домов посторонних лиц. Комиссии имели в своем распоряжении строительные материалы и проводили ремонт жилищ рабочих. В июне 1922 г. Сибревком при-

нял специальное постановление о преодолении жилищного кризиса в каменноугольных районах. В горняцких поселках создавались тройки из представителей райисполкома, райкома профсоюза горнорабочих и рудоуправления, которым предоставлялось право принудительной аренды необходимых для копий строений, а также выселения в административном порядке лиц, не связанных с производством⁴. Однако решить жилищную проблему в целом можно было только с развитием нового строительства. А возможности у молодой Советской Республики отсутствовали. Страна тяжело и мучительно поднималась из разрухи.

Определенные возможности появляются у нее только с завершением восстановительного периода, когда в результате НЭПа Россия вышла по основным показателям на уровень 1913 г. В результате принятых мер в 1924–1925 гг. в рабочих районах жилищный кризис несколько смягчился. Часть рабочих переселили из землянок и железнодорожных вагонов, хотя полностью землянки ликвидировать не удалось. В определенной степени потребность в жилье удовлетворялась развитием частного индивидуального строительства. Сыграла свою роль в смягчении жилищного кризиса и рабочая жилищная кооперация. Первые кооперативы возникли летом 1924 г. в Иркутске, Красноярске, Тайге. Возникшее кооперативное строительство органы центральной власти поддержали и оформили законодательно. В августе 1924 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О жилищной кооперации»⁵. На начальном этапе кооперативы ставили целью ремонт арендованных ими домов, а в последствии стали развиваться уже как строительные. В крупных промышленных центрах по инициативе рабочих комитетов, поддерживаемых властью, начали создаваться комитеты по содействию рабочему жилищному строительству. Через печать велась широкая пропаганда выгоды кооперации для рабочих. Особо отметим, что правящая партия проводила в этом вопросе классовую линию: рабочие имели преимущества при вступлении в кооператив.

К концу 1925 г. в Сибири действовали 148 арендных и 28 строительных кооперативов. В 1924–1925 гг. строительные кооперативы только в рамках Новосибирского, Омского, Томского территориальных округов построили 29 домов с жилой площадью 18,3 тыс. кв. м. Постепенно жилищно-строительные кооперативные товарищества (ЖСКТ) охватывали все большее число трудящихся. На 1 октября

1925 г. в Сибири действовало около 40 ЖСКТ, в которых состояло почти 3,5 тыс. членов, построивших 6,5 тыс. кв. м жилой площади. Развивалась и сеть жилищно-арендных кооперативных товариществ (ЖАКТов), целью которых являлось упорядочение найма жилья, его содержание и ремонт. В октябре 1925 г. таких товариществ было более 100 с 2,3 тыс. членов, отремонтировавших жилья на сумму свыше 20 тыс. руб.⁶. В результате в условиях новой экономической политики, по мере успехов в восстановлении народного хозяйства трудно, медленно, но непреклонно, улучшались тяжелые жилищные условия сибирских индустриальных рабочих, постепенно адаптирующихся к новым социально-экономическим и политическим условиям. К сожалению, данный процесс был прерван губительным разгромом «рабочей оппозиции», знаменовавшим перерождение зачатков пролетарской диктатуры в партийно-номенклатурную, затуханием рабочей инициативы в формировании социально-бытовой инфраструктуры.

Жилищная проблема по-прежнему оставалась самой острой для сурового сибирского края. Являясь важнейшим показателем материального благосостояния сибиряков, она на протяжении всех лет российской адаптации Сибири была главным тормозом не только в ее приспособлении, а, главное, собственном развитии. Промышленная адаптация, существенный рост численности новой категории населения – рабочего класса в годы социалистической индустриализации существенно сдерживались этим основным фактором освоения и развития любого региона, не говоря уже о северо-востоке Азиатской России. По степени обеспеченности жильем городского населения Сибирь находилась на одном из последних мест в стране. В 1926 г., при средней обеспеченности по СССР 5,86 кв. м на человека, в крае приходилось лишь 4,84 кв. м. Предприятия региона предоставляли жилье из собственных фондов, однако возможности их были ограничены. Так, в 1928 г. на предприятиях союзной промышленности 75,6 % рабочих получили жилье, краевой промышленности – 31,3 %, окружной – лишь 17,5 %. Большая же часть рабочих Сибири (свыше 70 %) проживала в собственных домах или снимала жилплощадь в частном секторе. В 1926 г. рабочие занимали только 28,6 % жилплощади общественного фонда⁷. В связи с этим уместно заметить, что в резолюции объединенного пленума ЦК ВКП(б), принятой 23 июля 1926 г., был, в частности сформирован принцип

самокупаемости жилищного хозяйства как исходный пункт обоснования уровня квартплаты. А она в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР «О жилищной политике» (1928 г.) должна составлять в среднем не более 10 % заработной платы. Уровень квартирной платы 13,2 коп. за один квадратный метр жилья, повышенный в 1928 г. в новых домах до 16,5 коп., отвечал указанным принципам⁸.

Повторим еще раз: советское государство проводило в жилищном вопросе строго классовую политику. Вновь строящиеся дома заселялись в первую очередь промпersonалом, рабочим также предоставлялось преимущество в заселении освободившихся площадей. Однако государственное строительство жилья было явно суженным, особенно в области финансирования и производственной базы. Продолжалось дальнейшее расширение сети жилищно-строительных и жилищно-арендных кооперативных товариществ. Но и их возможности оставались невелики. В июле 1928 г. ЖСКТ было чуть больше сотни с 9 тыс. членов, построивших немногим более 22 тыс. кв. м жилья. ЖАКТы выросли численно почти до 200 с 11 тыс. чел., выделив за 1927–1928 гг. 530 тыс. руб. на содержание жилья⁹. Скромными были финансовые возможности большинства сибирских индустриальных кадров. Наряду с государственными и кооперативными видами строительства партийные и советские органы большое внимание уделяли развитию индивидуального жилищного строительства, чем пытались смягчить острую проблему нехватки средств. Индивидуальным застройщикам выдавались ссуды, предоставлялась помощь в обеспечении стройматериалами. Только в Новосибирске трудящиеся построили за 1927–1929 гг. 4550 домов общей площадью 106,2 тыс. кв. м. Строились и первые каменные жилые здания. В целом жилищный фонд нового, бурно растущего индустриального центра Сибири к 1929 г. составлял до 600 тыс. кв. м, что было явно недостаточным. В целом же по Сибири общий объем жилплощади вырос только на 8,1 %¹⁰.

Жилищные условия рабочих Сибири продолжали оставаться тяжелыми, не достигая даже элементарных санитарных норм. В большинстве квартир рабочих отсутствовали водопровод, канализация и другие удобства. Особенно тяжело жилось в бараках: скученность, грязь, отсутствие элементарных удобств были здесь постоянными явлениями быта. Новые кадры, прибывавшие из деревень на пред-

прияття, снимали жилье у частных в близлежащих деревнях и районах самовольной, беспорядочной застройки, постепенно превращающихся в рабочие окраины.

В 1928 г. в Новосибирске работало 5-е краевое совещание по просвещению, которое среди ударных участков культурной работы (терминология тех лет) определило и борьбу за улучшение рабочего быта¹¹. На предприятиях создавались культурно-политические советы, ведущие работу по различным направлениям. Одним из них стал поход за «культурный барак». Это был основной тип жилища рабочих-сибиряков того времени. Вот в таких условиях и проходила индустриальная адаптация в регионе. Например, на «Сибкомбайне» («Сибсельмаше») потребность в жилье в 1930 г. превышала 73 %. В 22 бараках с общей площадью 8095 кв. м размещалось более 3 тыс. жильцов. Помещения, предназначенные для умывания и сушки одежды, занимались под иные нужды. Семейные рабочие жили в общих бараках, пользуясь двуспальными нарами. Санитарная обстановка была ужасной. Поход за «культурный барак» на «Сибкомбайне» начался со «штурма», объявленного 15 сентября 1930 г. Руководила «штурмом» бригада ЦК ВКП(б), участвовали в «штурме» Новосибирский Пролеткульт, редакция газеты «Советская Сибирь», Западно-Сибирская ассоциация пролетарских писателей. В продезинфицированных бараках появились красные уголки и красные столы с литературой и настольными играми, открылась прачечная, рабочие получили чистые матрасы. Подходы к баракам покрыли деревянными настилами¹².

«Штурмы» проводить бесконечно было невозможно. Изменить сознание, сформировать новый менталитет у вчерашних «приходников» на промышленные объекты представлялось более трудным делом. Настилы ломались, прачечные долго не существовали, а чистые матрасы после двух-трех разового употребления пришедшего после тяжелого трудового дня рабочего из цеха или со стройки, пропыленного и прокопченного промышленным смогом, становились вновь неприглядными. В этих условиях основной задачей в области жилищной политики было удержать хотя бы уже достигнутый уровень обеспеченности жильем. Это являлось сложным делом в условиях бурного индустриального освоения края, потребовавшего сотни тысяч новых рабочих рук. Поэтому и в годы первой пятилетки жилищное положение промышленных кадров Сибирского региона

существенно не менялось, а в некоторых местах даже ухудшалось. Пионерам социалистической индустриализации Сибири довелось испытать все трудности первопроходцев. Особенно остро жилищный вопрос стоял в Кузбассе. В Прокопьевске на одного человека в 1930 г. приходилось 1,7 кв. м., в Новокузнецке – 1,4 кв. м. В Восточной Сибири обеспеченность жилплощадью одного жителя снизилась к 1 января 1933 г. в Иркутске с 4,6 кв. м до 3,7 кв. м, Красноярске – с 4,1 до 3,4, в Улан-Удэ – с 3,8 до 2,9 кв. м¹³.

В промышленных городах и рабочих поселках основную долю нового жилья по-прежнему давало индивидуальное строительство. При этом по западносибирскому региону оно достигало почти 70 %, а по восточносибирскому – 59 %. Общественный сектор составлял 30 и 41 % соответственно¹⁴. Ассигнования на жилищное строительство росли медленно и незначительно. В 1931 г. по Восточно-Сибирскому краю на жилищное и коммунальное строительство вместе с транспортом было направлено 32 млн. руб. А в жилищное строительство Западно-Сибирского края вложено за пятилетку 155 млн. руб. Основная масса затрат шла на строительство жилья в города Кузбасса, Черемхово, Новосибирск, т.е. туда, где велось интенсивное промышленное строительство¹⁵. Центр адаптировал (приспосабливал) те территории, которые по своей значимости имели для него преимущественное значение. Жилая площадь в городах и рабочих поселках увеличилась за пятилетие на 1,5 млн. кв. м, или на 37 %. Но даже в этих городах жилье строилось в основном из дерева индивидуальными застройщиками. В Новосибирске в 1932 г. из имевшихся в городе 24 тыс. жилых домов деревянные составляли 91 %. И при этом средняя обеспеченность жилплощадью одного жителя за годы первой пятилетки сократилась и равнялась всего лишь 3,3 кв. м¹⁶.

Стремительными темпами прирастало население основных индустриальных центров. Подавляющее большинство мигрантов стремилось в промышленные «оазисы» с надеждой закрепиться в них, адаптироваться к новому меняющемуся цивилизационному укладу, порвать со старым, ставшим колхозным сельским бытом. Договорная система предусматривала обеспечение рабочих, прибывших на предприятия и стройки, жильем и минимумом бытовых условий, но на практике и это не выполнялось. Государственная политика в условиях интенсивного индустриального освоения сибирского региона,

несмотря на целый ряд директивных указаний, на практике на местах пренебрегала развитием социальной сферы ради производственной. За последнюю спрашивали и взыскивали, за первую спускали на тормозах. Потому-то вопросы жилищного и бытового устройства решались минимальным образом. Задача ускоренной индустриализации оправдывала все трудности и закрывала собой невероятные лишения миллионов ее участников. Человек превращался в часть единого индустриального механизма, заменить которую казалось легче всего. «Первой производительной силы» (В.И. Ленин) было много. Приоритет промышленного строительства за счет сокращения социальных программ являлся утвержденной правительственной политикой. Согласно распоряжениям из Москвы на жилищное строительство разрешалось выделять не более 25–30 %¹⁷. Проиллюстрируем это материалом, не требующим особых комментариев. В октябре 1929 г. на партийной конференции Кузнецкстроя заместитель начальника строительства убежденно утверждал, что мы совершим преступление, если вместо заводских сооружений будем строить... жилые помещения. Нам партия поручила строить завод¹⁸.

А ведь по воспоминаниям участников событий в 1929–1930 гг. Кузнецкстрой утопал в грязи. Мечтой строителей и эксплуатационников являлись дощатые засыпные бараки с нарами в два яруса, с отгороженными, для семейных, углами, рассчитанными на 36 чел., а не набитыми жильцами раза в три больше. На одного проживающего приходилось 2–3 кв. м жилой площади. Но и этого «элитного» для рабочего жилья не хватало. Постоянно прибывающая «рабочая сила» и летом и зимой размещалась в палатках, оборудованных печами, строили землянки, состоящие, как правило, из одной комнаты с железной печкой. К началу 1931 г. на площадке строительства Кузнецкого металлургического завода проживало около 100 тыс. чел., подавляющая часть которых ютились в бараках и землянках¹⁹. Это вначале была еще «сырая сила», как называл ее начальник строительства Кузнецкого металлургического комбината С.М. Франкфурт, – символично, не правда ли? Но именно она стала основой Кузнецкстроя на строительстве, а затем и в эксплуатации завода²⁰. И, самое главное, это были молодые перспективные кадры, определяющие будущее комбината, адаптация которых значительно ускорила бы процесс модернизационных изменений.

Нарастающие темпы жилищного строительства в годы второй и третьей пятилеток в крупных индустриальных регионах не снижали остроты проблемы в процессе адаптации населения к происходящей интенсивной модернизации. Они были столь невелики, что в том же Новосибирске средняя обеспеченность жильем с 1932 г. по начало 1941 г. не изменилась²¹. Конечно, новое жилищное строительство позволило увеличить жилищный фонд, в Восточно-Сибирском крае с 1933 г. по 1937 г. он вырос на 3,5 млн. кв. м, в том числе по городам и рабочим поселкам Красноярского края в два раза, а в Западно-Сибирском регионе – примерно в 1,6 раза. Особенно интенсивно увеличивался жилищный фонд в городах Кузбасса: в Новокузнецке он удвоился, в Кемерово и Ленинск-Кузнецком вырос более чем в 1,5 раза, в Прокопьевске – более чем на четверть. Тем не менее, только 58 % от общего числа горняков были обеспечены жилплощадью за счет предприятий²². Поэтому и в годы второй пятилетки продолжалась практика возведения временных жилых помещений. Можно ли говорить об успешной адаптации человека, когда рядом с громадными индустриальными объектами, строящимися на века, сооружались для него временные жилища. Так использовалась массовая рабочая сила для решения крупных хозяйственных программ. К началу третьей пятилетки жилища временного типа составляли почти половину жилищного фонда угольщиков Кузбасса. В 1936 г. в Прокопьевске имелось 2500 заселенных землянок общей площадью около 4480 кв. м, в Кемерово 76 % всего жилищного фонда составляли стандартные дома, избы крестьянского типа и землянки, в Ленинск-Кузнецке на каменные строения приходилось лишь 7 % всего городского фонда. Жилища индивидуальной застройки по-прежнему являлись основным типом жилых строений в сибирских городах. Несмотря на то, что государственный жилой фонд в городах Западной Сибири вырос к 1939 г. до 4 млн. кв. м, а в Восточной Сибири – до 3,5 млн., уровень обеспеченности жильем оставался в пределах 3–4 кв. м на человека. В Новосибирске он составлял 3,2 кв. м, в Новокузнецке, Кемерово, Анжеро-Судженске – по 3,1 в Ленинск-Кузнецке – 2,45, в Прокопьевске – 3,6, в Красноярске – 2,8, Игарке – 2,5 кв. м²³. Стремительные темпы роста численности индустриального населения требовали выделять на жилищное строительство не менее половины капитальных вложений в индустриальное производство. Этого не происходило, нарастал дефицит строи-

тельных материалов и рабочей силы в отрасли. Сооружение временных жилищ, не выдерживающих испытания суровой сибирской зимой, продолжалось. Планировали на пятилетки, а жили сегодняшним днем.

Тем не менее, именно в годы индустриализации были заложены основы советской жилищно-строительной отрасли народного хозяйства. Формировались производство строительных материалов, строительные подразделения, специализирующиеся на сооружении жилых помещений. Происходили хоть и медленные качественные изменения в жилищном фонде. Строились благоустроенные дома с канализацией, паровым отоплением и электрическим освещением, что позволяло переселять тысячи рабочих семей из полуподвалов, землянок и барачных в благоустроенные квартиры, полублагоустроенные жилые помещения.

Но данный процесс был прерван войной, потребовавшей огромные материальные и людские ресурсы с сибирских территорий, направлявшиеся на обеспечение потребностей фронта и бесперебойную работу сибирского тыла, превратившегося вместе с Уралом в основной арсенал страны. Война еще больше обострила жилищную проблему. Испытывая острую нехватку жилой площади, сибирские города и рабочие поселки приняли огромную массу эвакуированного населения. К началу 1941 г. весь общественный жилой городской фонд в Сибири достигал более 8,8 млн. кв. м, на котором проживало 1,7 млн. человек, или 38,6 % всего населения городов и рабочих поселков. Средняя жилплощадь на одного проживающего здесь составляла 5,2 кв. м. Она была оборудована электрическим освещением на 75–97 % по различным районам и краям Сибири²⁴. Значительно хуже дело обстояло с оснащением водопроводными и канализационными сетями. Лучше других водопроводом были обеспечены жилые здания в городских поселениях Новосибирской области – 31 %, Красноярском крае – 17 %. В других местах обеспечение водопроводом жилья колебалось от 4 % на Алтае до 10 % в Иркутской и Читинской областях. Канализация имела в 20 % жилых помещений Новосибирской области и 10 % – Красноярского края. Центральное отопление имели не более десятой части жилых домов Красноярского края, Новосибирской и Омской областей. В других областях, краях и АССР его доля колебалась от 1,3 % до 6,5 %²⁵.

Тяжелая изначально, жилищная проблема в Сибири обострилась до предела, если он и существовал. На ее территории не было разрушительных военных действий. Однако она одновременно, главным образом в 1941–1942 гг., вместе с эвакуированными предприятиями приняла значительный поток эвакуантов из европейской части страны. Только Новосибирский эвакупункт регистрировал ежедневно тысячи людей, прибывавших в Сибирь²⁶. Это была тяжелейшая социально-демографическая нагрузка на слабую жилищно-бытовую инфраструктуру восточных районов России. Экстремальная ситуация вновь, теперь объективно, диктовала чрезвычайные формы и методы индустриальной, да и любой другой адаптации. Шел во многом стихийный процесс приспособления, формирующий сознание временных трудностей и, соответственно психологию и менталитет временщика территории. Скоростная индустриализация – вначале производство, а все остальное потом, эхом прошла через начальные годы войны и еще долго, вплоть до второй половины 1950-х гг. звучала в сибирском регионе. К 1 января 1943 г. Сибирь приняла более 1 млн. эвакуированного населения. Под жилье срочно приспособляли все, что можно было использовать. Совет народных комиссаров 13 сентября 1941 г. принял специальное постановление «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения», во исполнение которого органы власти на местах обязывались соорудить строения упрощенного типа – бараки, полужемляные постройки и даже землянки. Под жилые помещения передавались многие культурно-бытовые здания, до предела уплотнялись общежития, где устанавливались двухъярусные кровати и нары. Изыскивались средства, как в централизованном порядке, так и за счет местных ресурсов. Не хватало стройматериалов, кадров, механизмов. Многие строительные работы выполнялись рабочими и служащими в нерабочее время, на субботах и воскресеньях²⁷.

Однако основную массу прибывших с европейской территории страны расселили за счет уплотнения местного населения. В сложившейся обстановке речь о соблюдении социальных и санитарных норм даже и не шла. Предполагалось лишь самое примитивное обустройство людей. Уплотняли все, что могли. Одним из самых эффективных способов стала реконструкция чердачных помещений. Их приспособление под жилье сводилось к обшивке и утеплению стен и потолков, настилке полов, устройству перегородок, дверей и окон.

Преимуществом такого вида жилья перед другими временными строениями было наличие подведенных к дому коммуникаций: электричества, водопровода, канализации, а если повезло, то и центрального отопления. На постройке такого жилья было сэкономлено много времени и средств. С этого времени все новые дома стали строиться с использованием чердачного пространства. Только в Новосибирске чердаки почти 150 домов дали городу в конце 1941 г. более 50 тыс. кв. м сухой и относительно теплой жилплощади²⁸. В Барнауле для эвакуированных семей было высвобождено 1244 комнаты общей жилплощадью 15 тыс. кв. м. К декабрю 1941 г. в Иркутской области в квартирах и общежитиях было размещено 13500 эвакуированных, занявших рабочие места в индустриальном производстве. Несколько тысяч семей горняков Донбасса, машиностроителей Харькова и Конотопа принял небольшой шахтерский городок Анжеро-Судженск²⁹.

За годы войны в тяжелейших условиях ввели в строй немало жилой площади. Но этого катастрофически не хватало. Отсутствие достаточных жилищных условий не способствовало формированию психологии постоянства жителей в регионе, затрудняло адаптацию эвакуированного населения к новым социально-экономическим и пространственно-климатическим условиям. Сохранялась установка временного пребывания на территории, а, соответственно, и отношение к ней. На промышленных предприятиях Новосибирска было сдано в эксплуатацию 225 тыс. кв. м жилья, в Омске – 120 тыс., в Алтайском крае – свыше 100 тыс., угольными предприятиями Кузбасса только за 1942–1944 гг. – 125 тыс. кв. м, а на железнодорожном транспорте – 62 тыс. кв. м. В среднем к концу войны на одного городского жителя Сибири приходилось около 3 и менее кв. м жилой площади: в Новосибирске и Омске – 2,7 кв. м, в Барнауле, Бийске, Рубцовске – 2,2, в Томске – 3,6, Кемерове – 3,0, Ленинск-Кузнецком – 2,7, Красноярске – 3,3, в Улан-Удэ – 2,2, в Якутске – 2,5 кв. м³⁰.

В послевоенный период восстановительные процессы коснулись и жилищной сферы. Однако ощутимых результатов достигнуто не было. Несмотря на то, что жилищный фонд Сибири не подвергся прямому разрушению, в отличие от европейской части страны, где прошли кровопролитные боевые схватки, жилищно-бытовое положение ее жителей оставалось тяжелым. Жилищный фонд региона, и так далеко не качественный, за годы войны обветшал, его износ в

начале четвертой пятилетки составлял в городах Сибири до 40 %. Процесс «старения» жилищ был характерен для всех сибирских городов. Он усугублялся еще и тем, что интенсивное промышленное освоение советской Сибири, сопровождалось в основном строительством временных жилищ, смягчавшим на этом этапе жилищную проблему, но не решавшим ее. Во многих городах и городских поселениях до 80 % жилплощади приходилось на дома, возведенные еще до революции 1917 г. и в значительной степени обветшавшие к середине 1950-х гг. В Новосибирске – крупнейшем индустриальном центре имелось 1129 землянок и 4300 бараков, в которых проживало около 22 тыс. чел., подлежащих немедленному переселению. На Кузнецком металлургическом комбинате было почти 300 бараков, построенных еще в 1928–1932 гг. и подлежащих сносу, но в них проживало почти 15 тыс. рабочих и членов их семей. Нередко доля такого жилья составляла по ряду промышленных предприятий почти половину жилищного фонда. В целом обеспеченность жильем рабочих Сибири к середине 1950-х гг. была низкой. Например, на одного проживающего в домах предприятий угольной промышленности Кузбасса приходилось 5,6 кв. м, энергетической – 4,2, черной металлургии – 3,3, химической – 3,0, строительства – 2,5, путей сообщения – 1,4 кв. м и т.д. И тем не менее важность жилищного вопроса для индустриального и в целом хозяйственного освоения Азиатской части России по-прежнему недооценивалась. Старая психология хозяйственников преобладала.

Коренной перелом в решении жилищного вопроса получил свое зримое очертание только со второй половины 1950-х гг. Начался качественно новый этап решения данной социальной проблемы, являющейся базовой в процессе индустриальной адаптации сибирского региона. По оценкам специалистов, эти годы стали этапными в ее решении³¹. Именно тогда был создан определенный фундамент и появились экономические возможности коренного улучшения жилищных условий. Темпы жилищного строительства возрастают в три-четыре раза. Итоговая динамика советской жилищной программы свидетельствует: если в 1929–1950 гг. в стране было построено около 500 млн. кв. м полезной жилой площади, то за 1961–1965 гг. – почти столько же. В последующие пятилетки жилья строилось еще больше: в 1966–1970 гг. – 518,5 млн. кв. м, в 1971–1975 гг. – 544,8, в 1976–1980 гг. – 527,3 млн. кв. м. Таким образом, за 1961–1980 гг.

общая площадь построенного жилья составила 2081,2 млн. кв. м, т.е. около 60 % всего жилья, возведенного за годы Советской власти. Результатом осуществления жилищной программы явилось кардинальное улучшение жилищных условий советских рабочих. Если до 1917 г. жилая площадь в рабочих семьях составляла 1,5–2 кв. м на человека, то в 1985 г. – более 12 кв. м. Подобные масштабы жилищного строительства позволяли каждые пять лет улучшать условия 50 млн. чел. За 1961–1980 гг. улучшили жилищные условия 216,7 млн. человек, или свыше 81 % населения, по расчетам на 1980 г., при этом большинство жителей получали квартиры в новых домах³².

Процесс ускоренного жилищного строительства характерен и для Сибири. Уже в 1960 г. здесь имелось 70342 тыс. кв. м общей жилой площади, или примерно по 5,7–5,8 кв. м на одного жителя. А еще совсем недавно темпы строительства жилья и обеспеченность им жителей различных районов Сибири были значительно ниже. В целом в начале 1950-х гг. средняя обеспеченность жилой площадью в городах едва превышала 5 кв. м на человека. В Новосибирске в 1950 г. на одного жителя приходилось 3,6 кв. м, в Омске в 1956 г. – 3,8 кв. м. Только за 1956–1957 гг. трудящиеся Новосибирска получили жилья в два с лишним раза больше, чем за всю четвертую пятилетку. В Омске жилищный фонд в 1957–1958 гг. увеличился на 730 тыс. кв. м, что в два раза превысило количество жилплощади, введенной за предыдущие пять лет. А в Красноярском крае за 1957–1959 гг. трудящиеся получили жилья в 1,5 раза больше, чем за четвертую и пятую пятилетки. Подобное положение наблюдалось практически во всех краях, областях и автономиях Сибири³³.

Однако, кроме отмеченных условий, в послевоенные годы открывшиеся перед Сибирью широкие горизонты индустриального освоения были обусловлены новым этапом модернизации страны, особенно под влиянием научно-технического прогресса и конфронтации со странами западного мира. Атомный шантаж и открытый призыв к крестовому походу против коммунизма открыли эру холодной войны и новый этап гонки вооружений. Промышленность Сибири в силу своей территориально-отраслевой специализации оказывается на острие геополитических процессов. Именно она, вместе с Уралом, стала базой создания новых видов вооружения – ядерного и ракетно-космического. Данное историческое обстоятельство имело огромное социальное значение – резко выросло количество и каче-

ственный уровень промышленного персонала регионов, требующегося для сотен тысяч рабочих мест, нуждающегося в качественно ином уровне социальной инфраструктуры. Впервые почти одновременно с данными производства вводились в эксплуатацию жилые дома, дошкольные детские учреждения, больничные городки, школы, объекты общественного питания, торговли и бытового обслуживания, культуры и спорта. Застройка велась комплексно, с учетом всего того, что необходимо труженикам этих предприятий. Конечно, это носило точечный характер, способствуя возникновению «оазисов» в структуре городских поселений, оставляя за их границами многочисленные социальные проблемы основной части жителей. Но, несомненно, подобный опыт не мог не влиять на формирование официальной идеологии в области жилищного строительства – основного мерила в удовлетворении всех остальных потребностей человека³⁴.

Кардинальному изменению дел в жилищном вопросе способствовало июльское (1957 г.) постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР»³⁵. В нем с учетом изменившейся экономической ситуации в стране ставилась задача значительно увеличить объем жилищного строительства и были разработаны конкретные меры по улучшению жилищного положения. Постановление было направлено на развитие строительной индустрии, расширение местных источников финансирования, увеличение прав хозяйственных руководителей в финансировании жилищного строительства за счет фондов предприятий, всемерную поддержку индивидуального строительства.

Разработанные на основе этого постановления меры сыграли значительную роль в улучшении жилищного строительства как в регионе в целом, так и в отдельных краях, областях, на предприятиях Сибири. В Новосибирской области за время с 1939 г. по 1959 г. более чем вдвое увеличился жилищный фонд – с 2440 тыс. кв. м до 5110 тыс. кв. м, причем с 1956 г. по 1959 г. – более чем на 1 млн. кв. м. Машиностроительные предприятия Читинского совнархоза план жилищного строительства в 1960 г. выполнили на 102 %. Почти 10 млн. кв. м жилья к 1965 г. было возведено за время после принятия постановления в Красноярском крае. Сотни новых благоустроенных домов построили в Тюменской области. За седьмую пятилетку 464 семьи рабочих завода «Алтайсельмаш» получили квартиры в

новых домах и еще большее количество рабочих семей улучшили жилищные условия. Своими силами сдали в эксплуатацию с 1957 г. по 1961 г. почти 16 тыс. кв. м жилья строители «Сибсельмаша», что позволило только в 1961 г. улучшить жилищные условия более 500 рабочим семьям³⁶.

Резко вырос и объем индивидуального строительства. В Кемеровской области за счет ссуды в 1957 г. было построено почти 9 тыс. домов. В Омской – более 11 тыс. жилых помещений, больше, чем за предыдущие 10 лет. В Новосибирской области введено в эксплуатацию в индивидуальном секторе площадей в 4 раза, в Тюменской области – в 5 раз больше, чем в 1950 г. В Красноярском крае застройщики в 1960 г. ввели в строй 323 тыс. кв. м против 51 тыс. кв. м в 1950 г., в Иркутской области соответственно 180,5 и 78 тыс. кв. м. Рабочие и служащие Бурятской АССР в ходе шестой пятилетки построили индивидуальные дома общей площадью в два раза больше, чем за четвертую и пятую пятилетки, вместе взятые. В Тувинской АССР – почти столько же, сколько за предыдущее десятилетие³⁷. Больше рабочих семей к 1960 г. стали получать изолированные квартиры и в новых домах, что способствовало формированию нового облика индустриального рабочего, живо реагирующего на все модернизационные новации.

Постановление ставило конкретную задачу в течение 10–12 лет разрешить жилищную проблему. Однако она не могла быть решена, поскольку не учитывались реальные возможности. Это, прежде всего, относилось к задаче «в кратчайшие сроки достичь значительного прироста жилого фонда, чтобы в ближайшие 10–12 лет покончить в стране с недостатком в жилищах». Налицо явное забегание вперед, субъективный подход к решению одной из важнейших социальных задач. Обозначившаяся тенденция к улучшению положения в жилищном вопросе была воспринята как уже сложившаяся реальность. Явно не учитывались возможности строительной индустрии, состояние наличного жилого фонда и прогнозируемый рост населения. Усугублялось это еще и тем, что постановление ориентировало решение жилищной проблемы в основном путем максимальной индустриализации малоэтажного строительства, что в тех условиях не могло себя оправдать. И при этом звучали предложения, особенно на местах, решить вопрос быстрее. В данной связи интересно познакомить читателя с фрагментом выступления на межсоюзной област-

ной конференции профсоюзов в 1958г. первого секретаря Новосибирского обкома КПСС Кобелева: «Вы знаете, что у нас есть лозунг партии – в течение 10–12 лет решить проблему жилья. Тут предлагают решить ее быстрее. Товарищи, не можем мы этого сделать. Потому что, если больше денег дать на жилье и не строить предприятия – будет безработица. Поэтому партия учитывает обе стороны вопроса. А так, что комнату дадим, а завтра человек будет без работы. Не годится. Поэтому нам надо решать вопрос в течение 10–12 лет»³⁸. Не правда ли, исчерпывающее объяснение?! Слово «лозунг» здесь ключевое.

Между прочим, через тридцать лет ситуация повторится. Давно уже сложилось негативное отношение к тому, что было создано в «хрущевскую» эпоху, в том числе к созданию квартир-клетушек, в которых, говорят, «невозможно жить», за серость, убогость построенных жилищ, прозванных «хрущобами». Не следует однозначно оценивать то время с позиций сегодняшнего дня. Спросите, хотя бы гипотетически, мнение тех более чем 100 млн. жителей страны, которые покинули землянки, бараки, другие виды временных жилищ: коммуналки, общежития и пр. за вторую часть XX столетия, опираясь именно на эти «хрущобы», занимая скромные, но благоустроенные 5–9 «квадратов» на душу. Да и не стоял этот вопрос на месте. Прошли «запланированные» двенадцать лет и в 1969 г. принимается новое правительственное постановление о коренном улучшении качества жилищного строительства, существенную роль в котором сыграло изменение показателя планирования: переход от квадратного метра жилой площади к квадратному метру общей площади, что «раскрепостило» проектировщиков.

Обратимся к статистике. Повторяя слова известного ученого-экономиста, академика А.Г. Аганбегяна, мы должны сказать, что у исследователя, изучающего социальное развитие общества за длительный период, нет другого более доказательного рассуждения, чем опираться на данные о динамике этого развития, выраженной в статистических материалах. И как подчеркивал К. Маркс, как бы сухо не выглядели эти выстроенные тесными колонками цифры, они в действительности дают больше цельного материала для истории развития нации, нежели тома полные риторической чепухи и политической болтовни³⁹.

Таблица №1

**Развитие жилищного фонда в городах и рабочих поселках Сибири по краям, областям
и автономным республикам за 1960–1980 гг., тыс. кв. м ***

Регион	Общая полезная площадь				Обобществленный жилищный фонд				Уд. вес		
	1960	1970	1980	1980 в % к 1960	1960	1970	1980	1980 в % к 1960	1960	1970	1980
РСФСР	50235	87887	1306867	260,1	38540	67338	104734	271,1	76,7	76,6	80,1
Западная Сибирь	42859	76315	115832	270,3	23931	52377	86076	359,7	55,8	68,6	74,3
Алтайский край	6101	11651	18769	307,6	3157	7565	12695	402,1	51,7	64,9	67,6
Кемеровская область	17277	26807	34815	201,5	9846	18350	25824	262,3	57,0	68,4	74,2
Новосибирская	8826	16897	24512	277,7	5022	11400	17813	354,7	56,9	67,5	72,7
Омская	5349	10211	16292	304,6	2871	7316	11953	416,3	53,7	71,6	73,4
Томская	2669	4425	7248	271,6	1710	3135	5339	312,2	64,0	71,2	73,7
Тюменская	2637	6324	14196	538,3	1325	4611	12452	939,8	60,2	72,9	87,7
Восточная Сибирь	27483	46717	75513	274,8	18350	36896	61192	333,5	66,8	79,0	81,0
Красноярский край	10062	17859	29205	290,2	6821	14055	24231	355,2	67,8	78,7	83,0
Иркутская область	9387	16666	25562	272,3	6428	13192	20911	325,4	68,5	79,1	81,8
Читинская	3994	5703	7865	197,0	2330	3776	5525	237,1	58,3	66,2	70,2
Бурятская АССР	2081	3538	6021	289,3	1452	2710	4552	313,5	69,8	76,6	75,6
Тувинская	380	713	1309	344,5	215	573	972	452,1	56,6	71,9	74,2
Якутская	1579	2238	5551	351,5	1104	2590	5001	453,0	69,9	77,0	90,1

* Ефимкин М.М. Рабочие Сибири. Конец 1950-х – середина 80-х годов. Новосибирск, 1990. С. 195.

Наша статистика наглядно свидетельствует о том, что в 1960 г. Сибирь располагала 70342 тыс. кв. м жилья. Из них 42281 тыс. кв. м, или 60,1 % составлял обобществленный жилищный фонд. Это на 16,6 % меньше, чем в РСФСР. Наибольшим количеством жилья располагали Кемеровская, Иркутская, Новосибирская области и Красноярский край – районы с наибольшей численностью городских жителей и более развитой промышленной структурой. На первый взгляд, хуже всего обстояли дела в Алтайском крае, Тюменской и Омской областях, Тувинской и Якутской АССР. Однако в этих районах пересчет общей жилой площади на количество городских жителей дает примерно те же показатели, что и по Кемеровской, Новосибирской, Иркутской областям и Красноярскому краю.

В последующие годы размеры жилищного строительства в Сибири, как и в стране в целом, нарастали. Был принят ряд специальных постановлений, в том числе и по Сибири. В частности, в 1967 г. принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах неотложной помощи по дальнейшему развитию угольной промышленности Кузнецкого бассейна, улучшению жилищных и культурно-бытовых условий шахтеров», в котором намечалось строительство и ввод в действие в 1968–1970 гг. для трудящихся угольной промышленности района 725 тыс. кв. м жилья. В 1969 г. принято постановление «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири», где одним из основных пунктов являлось решение о строительстве в районах добычи нефти жилых домов общей площадью 250 тыс. кв. м. Такие же постановления были приняты по Министерству лесной и деревообрабатывающей промышленности, по развитию жилищного строительства и закреплению кадров на селе и др.⁴⁰. Они способствовали улучшению жилищного обеспечения сибиряков.

С принятием постановления 31 июля 1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР» продолжало нарастать идеологическое и политическое оформление «квартирного вопроса» в стране. Он стал важнейшим в директивно-декларативном сопровождении важнейших индустриальных строек в Сибири. Самым крупным из них придавался статус приоритетных национальных программ, что означало первоочередное финансовое и ресурсное обеспечение, систематические преференции для ведущих территориально-производственных комплексов. Стали создаваться единые проекты для населенных

пунктов, разработанные с учетом специфики каждого района и его индустриального ядра, как это уже ранее имело место в оборонных отраслях. Все это сказалось на развитии жилищного строительства, но не дало ожидаемых результатов во многом «благодаря» пресловутой ведомственности⁴¹.

К 1970 г. жилищный фонд по всем краям, областям и автономным республикам Сибири вырос почти в 2 раза. При этом существенно увеличился удельный вес обобщественного жилищного фонда. Многие предприятия Сибири добились значительного прогресса в обеспечении трудящихся жильем. Так, на новосибирском заводе «Сиблитмаш» только в 1966 г. трудящиеся получили 828 кв. м жилой площади. Во многом этому способствовала организация двух кооперативов – «Литейщик» и «Сиблитмашевец». На Омском сажевом заводе в 1968 г. 200 семей работников получили благоустроенные квартиры. Около 100 семей рабочих Иркутского завода тяжелого машиностроения им. В.В. Куйбышева получили в 1965 г. новые квартиры. Свыше 30 млн. руб. вложено в жилищное строительство на предприятиях сельскохозяйственного машиностроения Сибири в годы девятой пятилетки, что позволило возвести почти 200 тыс. кв. м жилой площади. В Тюменской области за годы десятой пятилетки возведено жилья значительно больше, чем за все прежние годы. Почти 9 млн. кв. м жилой площади возведено в Красноярском крае в этом пятилетии. В целом к 1980 г. жилищный фонд краев, областей и автономных республик Сибири вырос более чем на 121 млн. кв. м.

По двум основным районам Сибири сильных различий в темпах роста жилья не было. Более контрастная картина в темпах роста жилья для рабочих и служащих наблюдалась в Западной Сибири. Это связано в первую очередь с интенсивным жилищным строительством в Тюменской области, где произошло резкое увеличение городского населения. В годы десятой пятилетки в этой области более быстрыми темпами строилось жилье. В 1976–1980 гг. здесь было введено 6777 тыс. кв. м жилой площади. Из других районов Западной Сибири только Алтайский край приблизился к этому показателю – 6024 тыс. кв. м. А в таких «городских» областях, как Кемеровская, Новосибирская и Омская, в годы десятой пятилетки построено жилья почти на 1–1,5 млн. кв. м меньше.

В Восточной Сибири основной прирост в жилье давали Красноярский край и Иркутская область – 72,5 % всей жилплощади регио-

на. Наименьший прирост был в Читинской области, где ввод жилья снижался, начиная с конца девятой пятилетки и на протяжении всех лет десятой. Если в 1971–1975 гг. в Читинской области всего было введено в действие 1947 тыс. кв. м жилой площади, то в 1976–1980 гг. – только 1697 тыс. кв. м. То же можно сказать и о Тувинской АССР. Хотя в целом жилая площадь здесь увеличилась почти в 3,5 раза, в годы десятой пятилетки наметилась тенденция к снижению темпов ввода: если в первом году пятилетки было введено 113 тыс. кв. м., то в последнем – 101 тыс. кв. м. Эта же тенденция характерна и для Алтайского края, Новосибирской и Омской областей. Несмотря на опережающие темпы роста жилья в Сибири по сравнению с РСФСР, здесь с конца девятой и на протяжении десятой пятилетки темпы ввода жилплощади снижались, как и по республике в целом, где в 1976–1980 гг. было построено жилья на 9 млн. кв. м меньше, чем в 1971–1975 гг. Резкое увеличение жилищного строительства позволило значительно поднять среднюю обеспеченность рабочих и служащих Сибири жилой площадью. В среднем в 1960 г. она составляла в Западной Сибири 5,7 кв. м, в Восточной – 5,8 кв. м, в то время как по республике – 6,0 кв. м⁴².

Дальнейшая динамика этого основного показателя в уровне материального благосостояния индустриальных рабочих сибирского региона представлена в табл. 2. В 1980 г. на каждого рабочего Сибири приходилось от 11,7 до 12,4 кв. м жилой площади, в то время как в 1960 г. – только около 6 кв. м. Вспомним: чтобы достичь пятиметрового рубежа, Советскому государству потребовалось почти 40 лет. По данному показателю практически уже к одиннадцатой пятилетке наша страна вышла на первый этап рационального обеспечения населения жильем. Он, по рекомендациям ЦНИИЭП для того времени, предусматривал обеспечение полезной жилой площадью в размере 9 кв. м на душу и общей – 13 кв. м. Однако Сибирь по-прежнему отставала от общесоюзных и республиканских достижений.

За 20 лет рост жилищного фонда Сибири составил 272 %, по РСФСР несколько меньше – 260 %. Но даже опережающие темпы оказались недостаточны, чтобы ликвидировать разрыв между регионом и республикой в целом. Еще в 1960 г. отставание Сибири от РСФСР было около 0,3 кв. м, в 1965 г. – 2,4, в 1970 г. – 1 и в 1980 г. – 1,2 кв. м.

Таблица №2

**Средняя обеспеченность рабочих и служащих Сибири
общей полезной площадью, кв. м ***

Регион	1965 г.	1970 г.	1980 г.
СССР	10,0	11,0	13,4
РСФСР	9,8	11,1	13,2
Западная Сибирь	6,9	10,4	12,4
Алтайский край	6,9	9,6	12,2
Кемеровская обл.	8,0	11,6	13,5
Новосибирская обл.	6,8	10,2	12,0
Омская обл.	7,3	10,3	12,5
Томская обл.	7,5	9,5	11,2
Тюменская обл.	7,4	9,2	11,1
Восточная Сибирь	7,9	9,8	11,7
Красноярский край	7,7	10,0	12,4
Иркутская обл.	7,5	10,2	12,2
Читинская обл.	7,0	8,5	9,4
Бурятская АССР	7,6	9,8	10,6
Тувинская	6,7	9,3	10,3
Якутская	6,5	8,5	10,1

* Ефимкин М.М. Рабочие Сибири. С. 123.

По данным сибирских экономистов, разрыв в обеспеченности жильем между Сибирью и РСФСР составил к 1985 г. 1,2–1,3 кв. м⁴³. Как видим, он сокращается очень медленными темпами, а начиная с 1970 г. даже увеличивается. Это неудивительно. Данные табл. 2. говорят о том, что только Кемеровская область находилась на среднем для Российской Федерации уровне. Все остальные районы были обеспечены общей площадью ниже принятого норматива. Причем в половине областей и автономных республик не достигнуто даже 12 кв. м, а в Читинской области – 10 кв. м общей площади на человека.

В эти годы не только увеличивалась средняя обеспеченность рабочих и служащих Сибири жилой площадью. Они, как правило, получали отдельные благоустроенные квартиры. Темпы роста этой категории жилья опережали рост общей полезной площади, особенно в тех районах Сибири, где велось новое строительство. Удельный

вес обобщественного фонда вырос за эти годы по Западной Сибири на 18,5 %, а по Восточной – на 14,2 %, что позволило последней сравняться по данному показателю с Российской Федерацией, а Западной Сибири значительно подтянуться к этому уровню (в 1960 г. разрыв между ними составлял 10–20 %). К 1981 г. Сибирь обошла средний республиканский уровень обеспеченности отдельным жильем. Превзошли его и большинство районов Сибирского края, что было немаловажно для ликвидации территориальных различий. В среднем к 1985 г. примерно 65 % рабочих и служащих Сибири жили в отдельных квартирах (в начале 1970-х гг. – 50,5 %, 60-х гг. – 40, 50-х гг. – 30 %)⁴⁴.

Значительно улучшилось за эти годы благоустройство сибирского жилищного фонда. В 1960 г. благоустроенное жилье в городской местности составляло всего 20–25 %, а по селу – только 4 %. К началу 1980-х гг. уровень благоустройства жилого фонда Сибири поднялся в два с лишним раза при увеличении общей площади вводимого жилья за эти годы в 2,7 раза, а обобщественного фонда в 3,4 раза. По темпам роста благоустроенного жилья для рабочих и служащих Сибирь, особенно Восточная, превосходила РСФСР в целом, что было связано с большим удельным весом в этом районе обобщественного жилищного фонда. К 1985 г. в целом по Сибири доля благоустроенного жилья составляла 70,5 % в городской местности и 18 % в сельской⁴⁵. Более высокие в сравнении с республикой темпы роста благоустроенного жилья для рабочих и служащих Сибири постепенно замедлялись. В первые 10 лет (1960–1970) они были значительно выше. В Западной Сибири удельный вес жилья, оборудованного водопроводом, увеличивался в этот период в среднем на 2,8 % в год, в Восточной Сибири на 5,5 %, канализацией – 2,8 (4,2), центральным отоплением – 2,7 (4,2), горячим водоснабжением – 3,4 (3,5), газом – 2,8 (2,0), ваннами и душем – на 3,5 % (3,8). В следующем десятилетии (1970–1980 гг.) эти темпы были уже значительно ниже: по Западной Сибири – 0,9, 1,3, 1,3, 1,4, 0,7 и 1,6 %, по Восточной – 1,3, 1,4, 1,4, 2,4, 0,6 и 2,0 %. Это было связано с заметно более низким исходным уровнем обеспеченности благоустроенным жильем в Сибири, большой долей необобщественного жилищного фонда и общим снижением темпов роста строительства и ввода в эксплуатацию жилья. Данная тенденция негативно влияла на эффективность социальной политики в Сибири, если учесть, что

здесь треть жилищ в городах не имела водопровода и центрального отопления и более 40 % – канализации; в поселках городского типа таких жилищ было 75 %⁴⁶.

Замедление темпов роста благоустроенного жилого фонда в Сибири препятствовало ликвидации разрыва в уровне обеспеченности им рабочих Сибири и страны в целом. Сибирь значительно уступала почти по всем компонентам благоустройства жилья Российской Федерации и СССР в целом. В 1980 г. в стране 87–90 % городского обобщественного жилого фонда было оборудовано водопроводом, канализацией и центральным отоплением, 79 % квартир газифицировано и 59 % имели горячее водоснабжение⁴⁷. При всех успехах положение с жильем в Сибири оставалось хуже, чем в целом по РСФСР. В 1960 г. объем жилой площади Сибири составлял только 14 % от уровня Российской Федерации. За 20 лет эта доля практически не изменилась, составив в 1980 г. 14,5 %, хотя доля населения Сибири в составе населения РСФСР выросла с 15,5 до 16,1 %. Еще больший контраст наблюдается, если рассмотреть обеспеченность жильем только рабочих и служащих Сибири. Это будет более точно отражать существо дела, поскольку подсчитывается жилищный фонд городов и рабочих поселков. В 1959 г. удельный вес рабочих и служащих Сибири в составе рабочих и служащих РСФСР был 16,5 %, т.е. наблюдается значительное превосходство доли проживающих в Сибири рабочих над долей имеющих у них площадей. При этом разрыв в удельном весе изменился: в начальный период он составлял 2,5 %, а в конце – 2,3 %. Это сказалось на уровне обеспечения жителей Сибири в расчете на одного рабочего и служащего⁴⁸.

И в дальнейшем, несмотря на опережающие темпы строительства и ввода жилья в эксплуатацию в Сибири, проблема его получения оставалась острой, в том числе и для тех районов, по которым принимались специальные партийно-правительственные решения. В частности, не было выполнено упоминавшееся выше постановление по Кузнецкому бассейну, не до конца доведена и социальная часть намеченной программы по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири. В 1980 г. план ввода жилья для угольщиков Кузбасса выполнен лишь на 77 %. Только по производственному объединению «Кузбассуголь» остро нуждающихся в жилье было несколько десятков тысяч. Как отмечалось дважды в материалах газеты «Правда», в Кузнецком угольном

бассейне на протяжении многих лет наблюдается отставание в развитии социальной инфраструктуры и особенно жилищного строительства, что говорит о невыполнении принятых решений⁴⁹.

В постановлении по развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири (1969 г.) намечались меры по развитию жилищного строительства. Но и в 1980 г. только 61,5 % работающих здесь располагали благоустроенным жильем, более 27 % проживали в вагончиках и балках. Эта проблема обострялась тем, что прирост населения в нефтепромысловых городах Тюмени намного опережал темпы жилищного строительства. Неудовлетворенность жильем вела к большой текучести кадров в этом районе. Две трети работников покидали регион, прожив там всего год. Это были плоды «технократического подхода», который выражался в формуле: «Больше нефти любой ценой». По подсчетам ученых Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, убытки только из-за миграции и повышения текучести кадров исчислялись миллиардами рублей. Они впятеро превышали объем средств, необходимых для создания социальной инфраструктуры⁵⁰. Академик А.Г. Аганбегян писал «Особо тяжелое положение с жилищным и социально-бытовым строительством сложилось в районах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Здесь, пожалуй, самая низкая обеспеченность жильем в масштабах всей страны»⁵¹. Чтобы как-то ослабить остроту проблемы, следовало только для нефтяников вводить по миллиону квадратных метров жилья ежегодно, тогда как такой объем, запланированный на всю десятую пятилетку, не был выполнен⁵².

О какой сибирской адаптации индустриальных кадров можно вести речь, если человек ехал сюда, временно приспособляясь, чтобы, заработав денег, осесть на постоянное место жительства там, где он будет иметь свой дом. Поэтому неудивительной кажется цифра в девять миллионов человек, «обернувшихся» за 1960–1980 гг. через западносибирский нефтегазовый комплекс. «Длинный рубль» скорее способствовал текучести кадров, а не комплектованию их коллективов. Адаптироваться в подобных условиях было не много желающих, прибывших сюда не только за «туманом и за запахом тайги». Один нижевартовский семиклассник написал сочинение, прозвучавшее на всю страну, в котором он с детской непосредственностью озвучил весь маразм жилищной проблемы в регионе, плавающем на

валюте: «Я очень люблю свой город. Когда я отслужу в армии, обязательно вернусь в Нижневартовск и построю свой балак!»! Для непосвященного читателя: балак – это деревянный шалаш, утепленный и иногда обитый жестью⁵³. Все идеологическое оформление крупнейших промышленных строек и прилагаемых к ним социальных программ оставалось на бумаге, да в лозунговом оформлении типа «Здесь будет город нефтяников Уренгой!»! Шутники обычно добавляли: «поскорей беги домой». К тому времени, когда на карте появится новый город, пройдет десятилетие его мучительных родов, и дальнейший его рост и развитие будет диктоваться интересами министерств и ведомств, строящими только для себя, экономя на всем, чем можно, оставляя без внимания проблемы и законы градостроения. Газета «Правда» – главный идеологический рупор страны – приводила в 1986 г. на своих страницах пример рождения городов в западносибирской нефтегазоносной провинции: «Вот и получается, что будущий город Покачи мучительно рождается из вахтового поселка. Сейчас здесь проживают более 10 тысяч жителей и нет ни одного детского сада. 800 женщин по этой причине вынуждены сидеть дома»⁵⁴.

В полной мере рассмотренные проблемы относятся и к другим районам нового промышленного освоения Сибири, в частности к БАМу. В конечном счете, проблемы жилья и быта являлись определяющими в закреплении кадров на стройке, в создании стабильных трудовых коллективов. 70,9 % из опрошенных в пос. Кунерма и 31,4 % в пос. Магистральный негативно оценили свои жилищные условия. Даже после завершения прокладки железнодорожных путей жилищная проблема на БАМе продолжала нарастать. Как говорил Герой Социалистического Труда бригадир треста «Лена-БАМстрой» Л.Д. Казаков, по-прежнему в решении вопросов социальной инфраструктуры на магистрали проявляется узость взглядов хозяйственных, советских и партийных руководителей. Дело доходило до того, что многие бамовцы уезжали «на запад», получали квартиры в центральных районах, бронировали их и возвращались сюда работать⁵⁵.

На Читинском участке БАМа практически все жилье было временное, да и обеспеченность им почти вдвое ниже, чем в среднем по РСФСР. Не хватало жилья даже тем, для кого оно строилось в первую очередь – железнодорожникам. Только в Тынде в очереди на его получение стояло 2,5 тыс. чел. В Усть-Куте в таком положе-

нии находился каждый десятый горожанин. Здесь за десять лет был сдан по титулу горисполкома только один жилой дом. Жилищная проблема на БАМе очень остро прозвучала в выступлении на XXVII съезде КПСС каменщицы-монтажницы треста «ЦентроБАМстрой», кавалера ордена Трудовой Славы трех степеней Г.С. Костенко: «В моей бригаде из 62 человек осталось со стажем пять и более лет лишь 9 рабочих. Многие уезжают от нас из-за длительной неустроенности, потому что постоянно не хватает жилья, школ, детских садов и много другого. Установка партии на опережающее строительство жилья и объектов соцкультбыта – верная. Только у нас ее выполнять не торопятся. Судите сами: на двенадцатую пятилетку для рабочих и служащих ГлавБАМСтроя запланировано построить только тысячу квартир, а в целом по Тынде нуждаются в улучшении жилищных условий около 10 тысяч семей»⁵⁶. Данное обстоятельство лежало в основе того, что в первые же годы строительства магистрали через различные подразделения ГлавБАМСтроя прошло свыше 2 млн. рабочих кадров. Напомним: за все годы ее строительства общая численность строителей не превысила 100–120 тыс. чел. Подобное наблюдалось и среди рабочих и служащих Братско-Усть-Илимского территориально-производственного комплекса, где острота жилищной проблемы также не уменьшилась. В начале 1968 г. в «Братскгэсстрое» в очереди на получение жилья стояло 10,2 тыс. чел., и через десять лет этот показатель не изменился. В целом по «Братскгэсстрою» в улучшении жилищно-бытовых условий в 1980 г. понадобилось около 20 тыс. чел. За это же время на БрАЗе очередь на получение жилья возросла вдвое⁵⁷.

Подобное положение с жильем было характерно и для других районов и предприятий Сибири. Например, из-за недостатка жилплощади с Красноярского комбайнового завода уволилось в 1969 г. 592 чел. На заводе медпрепаратов в Красноярске потребность в жилье составила в этом году около 14 тыс. кв. м, в очереди стояли 400 семей рабочих и служащих. Заметим для сравнения, что в главном индустриальном центре Сибири – Новосибирске обеспеченность жильем была хуже, чем, например, в Горьком или Харькове. При этом там жилья строилось на 200 и 350 тыс. кв. м. больше при одинаковой численности населения⁵⁸. В Якутии за 1960–1980 гг. жилья вводилось в эксплуатацию меньше, чем в среднем по стране: в расчете на 1000 жителей в годы восьмой пятилетки на 8,5 % меньше, в

годы девятой – на 2,9 %, и только в десятой произошло небольшое опережение союзного показателя. В целом же республика еще заметно отставала от средних показателей по РСФСР и центральных районов страны по уровню обеспеченности населения жильем⁵⁹. Не выполнялись планы ввода жилья на предприятиях Алтайского края, Новосибирской и Омской областей. В 1986 г. на Алтайском тракторном заводе им. М.И. Калинина вместо 20700 кв. м сдано в эксплуатацию только 14687 кв. м, на новосибирском машиностроительном заводе «Труд» – 780 кв. м вместо 1140 кв. м. На омском «Сибзаводе» почти 1000 из 3794 чел. увольнялись ежегодно по причине отсутствия жилья. Такое же положение было и на новосибирском заводе «Сиблитмаш». Как показывали конкретные социологические исследования, основной причиной низкой приживаемости, высокой миграции, текучести кадров в первую очередь являлась неудовлетворенность жилищными условиями. Удельный вес этого мотива в 1980 г. вырос по сравнению с 1970 г. в 1,7 раза⁶⁰.

В целом, как отмечалось выше, в 1980 г. средняя обеспеченность жильем рабочих и служащих Сибири была ниже, чем в РСФСР. По Западной Сибири этот показатель равнялся 12,4 кв. м, по Восточной – 11,7 кв. м, а по Российской Федерации – 13,2 кв. м (действующий норматив обеспеченности общей жилой площадью – 13,5 кв. м). Требовалось преимущественное наращивание в Сибири (не менее чем на 20 %) ввода квартир в эксплуатацию для достижения средних по стране рубежей к 1990 г. Несомненно, в Сибири была осуществлена большая жилищная программа, позволившая рабочим и служащим этого региона кардинально улучшить свои жилищные условия. За эти годы в 2,7 раза вырос объем общей жилой площади для рабочих и служащих края, более чем в 2 раза увеличилась средняя обеспеченность их жильем, при этом почти 60 % занимали отдельные квартиры. В то же время Сибирский регион отставал в своем развитии не только от страны в целом, но и от Российской Федерации. Возрастание хозяйственного значения Сибири, суровые природно-климатические условия требовали ускоренного, по сравнению с европейской частью России, жилищного строительства и обеспеченности индустриального рабочего более комфортными жилищными условиями.

При всех успехах, а для страны это действительно были успехи, за 1957–1986 гг. построено 65 млн. квартир или 3,5 млрд. кв. м жи-

лой площади, квартирный вопрос, тем не менее, оставался самым острым в ряду назревших и перезревших в России проблем. Проведенный в 1990 г. Всесоюзным центром изучения общественного мнения при ВЦСПС и Государственном комитете по труду опрос подтвердил это⁶¹. Собственно и предыдущие обследования свидетельствовали о том же. Известно и то, что к 1989 г. 10 % общего жилого фонда страны представляли из себя строения из глины, камыша и соломы. Треть всех ветхих домов России сосредотачивалась в Сибири и на Дальнем Востоке, где находились регионы, хуже всего обеспеченные жильем: Тува, Якутия, Бурятия, Тюменская, Читинская, Магаданская области и Красноярский край – территории, во многом определявшие в то время индустриальный и экспортный облик страны. Известно было и о сокращении за последние 25 лет в восемь раз объемов индивидуального жилищного строительства на селе⁶². Шла подготовка к очередной Всесоюзной переписи населения 1989 г. В её опросники включались вопросы, ответы на которые должны были представить реальную картину жилищных условий и их характеристику.

В 1985 г. в стране произошла смена лидера. Началась многословная пустая трескотня о «социализме с человеческим лицом» и новые ничем не подкрепленные обещания советским людям «жилищного рая» на любимой Родине в виде отдельного жилища: «Партия считает делом особой социальной значимости ускорение решения жилищной проблемы, с тем, чтобы к 2000 году каждая советская семья имела отдельное жильё» (Из новой редакции Программы КПСС, март 1986 г.). Данная программная установка была конкретизирована в ряде партийно-правительственных постановлений, центральным из которых стало Постановление ЦК КПСС от 17 апреля 1986 г. «Об основных направлениях ускорения решения жилищной проблемы в стране»⁶³. В нем, в частности декларировалось обеспечение приоритетного выделения государственных капитальных вложений на жилищное и социально-культурное строительство во вновь осваиваемых районах и особенно в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока. На основе определенных подсчетов намечалось построить 30 млн. квартир, в том числе 20 млн. в городах и рабочих поселках и 10 млн. – на селе. Динамика, по данным заместителя председателя Бюро Совета Министров СССР по социальному развитию, предполагалась следующей: 1985–1990 г. – 650 млн. кв. м; 1991–1995 гг. –

950 млн.; 1996–2000 г. – 1200 млн. кв. м⁶⁴. К 2000 г. предполагалось довести среднюю обеспеченность жильем в РСФСР до 19,4 кв. м, а в Сибири и на Дальнем Востоке – до 19,8 кв. м на человека⁶⁵. Но, что любопытно в связи с этим, точного знания в предполагаемой потребности и структуре жилых помещений не было. По разным оценкам в очереди на получение жилплощади «стояло» от 14 млн. (1988 г.) до 10 млн. (1990 г.) семей и одиночек⁶⁶. Еще в сентябре 1986 г. заместитель начальника отдела жилищного строительства Госплана СССР Д. Ходжаев в интервью «Литературной газете» в ответ на этот вопрос сказал, что точную потребность строго по науке можно будет определить после переписи 1989 г.⁶⁷. Перепись миновала, а данные, как видно, существенно разнятся. Видимо, реального представления о масштабах поставленной задачи, как и в 1957 г., политический и государственный лидер и его окружение не имели. «Восходя на трон, мы много обещаем, усевшись на нем, о многом забываем...». Это российская историческая аксиома, независимо от формы власти.

Так какую же картинку получили круги властвующие и массы жаждущие по итогам переписи 1989 г.? В целом в нашей стране проживало: в общежитиях – около 13,5 млн. человек; в коммуналках – около 12,6 млн.; в квартирах (занимали меньше 5 кв. м жилой площади на человека) – 38 млн.; занимали от 5 до 7 кв. м на человека – 57 млн.; от 7 до 9 кв. м – 55 млн. Жилье считается здоровым, если на душу приходится 9 и более «квадратов». А что мы имеем из выше приведенных данных? В нездоровых условиях обитали почти 176 млн. наших соотечественников. В те годы в «братской» Германской Демократической Республике на одного гражданина приходилось 27 кв. м жилья, в ФРГ – 43, во Франции – 36. А каждый «средний» житель США удобно расположился на 64 «квадратах»⁶⁸. Намечено было построить 30 млн. квартир и индивидуальных домов. Получается на каждую квартиру по шесть человек, живших в нездоровых условиях, несмотря на которые, они все же воспроизводят себе подобных, увеличивая численность нуждающихся в крыше над головой, которая в среднем по заявленным объемам намечалась в размере 11 кв. м. Но рассмотреть надо было не 176 млн. нуждающихся, а 14 млн. семей и одиночек, что на порядок усложняло задачу.

В Российской Федерации в отдельных квартирах проживало 86 млн. 430 тыс. чел. или 58,8 %; в индивидуальных домах – 33025 тыс.

(27,4 %); в части индивидуальных домов 3793 тыс. (2,6 %); в коммунальных квартирах 8474 тыс. (5,8 %); в общежитиях 7831 тыс. (5,3 %); в других жилых помещениях 775 тыс. (0,5 %); снимали жилье у отдельных граждан 1260 тыс. (0,9 %). В статистическую разработку по жилищному разделу переписи 1989 г. взято только 139553 тыс. граждан и жителей России, при общей численности в 147,4 млн. человек⁶⁹. Где проживали еще порядка 8 млн. человек можно было только гадать. Расшифровки материалы данной переписи не дают. И только в материалах переписи 2002 г. приводятся цифры за 1989 г., в которой общей строкой даны проживающие в общежитиях, гостиницах и институциональных учреждениях в количестве 13,2 млн. человек⁷⁰. В Азиатской части России, где в 1989 г. проживали 31,6 млн. чел., а в статистическую разработку вошло 29,9 млн. чел. В индивидуальных домах располагались 5850 тыс. сибиряков и дальневосточников. Почти 600 тыс. граждан проживали в части индивидуальных строений, что дает в сумме 6,5 млн. живших, как правило, в необорудованных водопроводом, канализацией и прочими коммунальными удобствами жилищах, или 21,7 %. В коммунальных квартирах, общежитиях, в других жилых помещениях проживало и снимало жилье у других граждан почти 4 млн. человек, или 13,3 %. И только 20,4 млн. чел. проживали в отдельных квартирах, или 68,2 %. При этом водопроводом было оборудовано по Западной Сибири – 67,6 % жилищ, центральным отоплением – 63,0 %; канализацией – 58,5 %; горячим водоснабжением – 49,7 %; ванной и душем – 52,2; газом или электроплитами 79,0 %. Вот такой жилплощади приходилось в РСФСР в 1989 г. в среднем на одного человека 15 кв. м, в т.ч. жилой – 9 кв. м; в Западной Сибири – 14 и 9; в Восточной Сибири – столько же и на Дальнем Востоке – 13 и 9 кв. м⁷¹.

В целом жилищный фонд страны к 1989 г. значительно обновился. В жилищах, возведенных до 1950 г., обитали 21,3 млн. чел. или 8,7 % россиян; в Западной Сибири – 1,2 млн. (8,9 %), в Восточной Сибири – 960 тыс. (11,2 %), на Дальнем Востоке – 587 тыс. чел. (8,0 %). В дальнейшем четко вырисовывается нарастающая дина-

мика численности жильцов, проживавших в домах постройки 1960–1988 гг.

Таблица №3

Динамика численности жильцов, занимающих жилую площадь в домах, построенных в 1951–1988 гг. (в млн. чел.)*

Район	Годы									
	1951–1960		1961–1970		1971–1980		1981–1988		Итого	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
РСФСР	20,9	15,0	34,0	24,4	37,6	27,0	30,6	21,9	123,1	100
Западная Сибирь	2,1	15,2	3,1	22,1	3,7	26,1	3,9	27,7	12,8	100
Восточная Сибирь	1,3	15,0	2,9	23,5	2,3	26,4	2,0	23,9	8,5	100
Дальний Восток	0,9	12,6	1,6	21,8	2,2	29,9	2,0	27,7	6,7	100

* Рассчитано по данным: Численность населения, проживающего в различных типах жилых помещений по автономным республикам, краям, областям. //Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР; По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. Ч. III. М., 1991. С. 158, 178–186, 188, 194–199.

Как следует из приведенной статистики, обеспеченность новым жильем снижалась. И это стало результатом не перенасыщения жилфонда, а снижения темпов и объемов ввода новых жилищных площадей. При этом ожидался рост населения к 2000 г. по Советскому Союзу до 300 млн. чел., а по восточным районам России (Сибирь и Дальний Восток) до 40–43 млн. чел.

Статистика сухо констатирует: намеченные перспективы в квартирном вопросе уже тогда были явно нереальными. Намеченный объем жилищного строительства требовалось увеличить примерно на 10 млн. квартир. Только тогда можно было решить (да и то не полностью) проблему отдельного жилья и для «общежитских» жильцов и достигнуть санитарной нормы. В те годы специалисты ЦНИИЭПЖилища на основе своих исследований доказательно установили, что общежития противопоказаны мужчинам старше двадцати пяти лет, поскольку они необратимо изменяют личность: «закоренелые» общежитийцы уже не способны создать семью, и среди них пугающе высок процент самоубийств. И подобную категорию населения по существу предполагалось перевести в XXI век, несмотря на то, что планировалось семейным предоставить квартиры, на что вместе с коммунальщиками отводилось порядка 7 млн. квартир. Еще столько

же планировалось для тех, кто к 2000 г. окажется в тех же коммуналках и общежитиях, образовав семьи. Остальные 16 млн. квартир должны были пойти «очередникам», их уже насчитывалось 14 млн. семей, а также на покрытие всяческих неожиданностей. А на них в российской истории всегда ссылались, оправдывая не выполненные обещания. И действительно, в 1990-е гг. только из Восточной Европы была выведена почти миллионная армейская группировка советских войск, которых на первых порах разместили в палатках в открытом поле⁷².

Потому то, проживавшим в отдельных квартирах примерно 112 млн. согражданам, имеющим от 5 до 9 «квадратов» на душу, 20 метров, похоже, было не дожидаться. Но и 30 млн. квартир требовалось построить (а это 2 млрд. кв. м). За предыдущие десять лет (1975–1985 гг.) возвели 1,08 млрд. кв. м жилой площади, да еще дополнительные 10 млн. квартир. Выполнима ли была эта задача? Ответ на данный вопрос, предоставленный в отделе строительства Госплана СССР Д.Г. Ходжаевым был более чем красноречив: «Понимаете, дополнительные квартиры будут стоить 150 млрд. руб. На жилищное строительство уйдет тогда слишком много цемента, металла, а тяжелой индустрии ничего не останется»⁷³. Читатель, вернись к жилищной программе 1957 г. и выступлению первого секретаря Новосибирского ОК КПСС Кобелева, говорившего о том, что не можем мы дать большие деньги на строительство жилья и не возводить промышленные предприятия.

Самое примечательное в жилищной трескотне власти и партии заключалось в том, что государство якобы благодетельствовало своего гражданина, предоставляя ему «бесплатное жилье» и беря минимум за коммунальные услуги. Советский человек с 1930-х и до 1960-х гг. получал на руки с каждого заработанного рубля от 12 до 20 копеек. В 1980-е гг. каждый работающий российский гражданин ежегодно отчислял на строительство жилья, по расчетам ЦНИИЭПжилища, 200 руб., полнокровных, «отоваренных» и кирпичом и цементом, т.е. ежемесячно работающий отчислял на «бесплатное» жилье 23 руб. в месяц. Государство посредством налогов и низкой заработной платы сначала забирало произведенное общественное богатство, а потом делило его по отраслям, регионам, определяло, что и где строить, создавая целую систему начлостроев, долгостроев, недостроев, по сути закапывая эти деньги в землю. Не

лучше обстояло дело с реализацией программы производства стройматериалов. Ожидалось, что в 1985–1990 гг. не будет построено объектов промстройматериалов на 526 млн. руб. Госстрой СССР в 1990 г. выдал справку, в которой говорилось о том, что заявка торговли на стройматериалы удовлетворена: в ваннах – на 49 %, в отопительных радиаторах – на 73 %, в санитарных керамических изделиях – на 66 %, в деловой древесине и лесоматериалах – на 66 %⁷⁴. Приобрести их было очень трудно. В торговле стройматериалов махровым цветом расцвела спекуляция. И самое распространенное в России: ответственного за выполнение программы найти не удалось. Корреспондент «Строительной газеты» спросил Д.Г. Ходжаева: «Если программа «Жильё 2000» не будет выполнена, кто за это должен нести ответственность?». Прозвучал ответ: «Те, кто ее завалил. Персонально»⁷⁵. Однако фамилии названы не были. Длительное исследование вопроса в конце концов «вывело» на Председателя правительства СССР Н.И. Рыжкова, отвечающего за всю страну!

В 2000 г. не пришлось искать ответственных: страна в 1990-е гг. покатила в исторически обратном направлении – к дикому криминальному капитализму. Произошли коренные системные изменения, приведшие, в том числе, и к развалу могучего строительного комплекса страны, особенно проявившего себя в суровых условиях Северо-Восточной России. Вопрос о строительстве в те годы социального жилья практически отпал, коммерческое жилье могли приобретать небольшие слои населения. «Квартирный вопрос» только обострился. Хотя процесс выполнения последней советской жилищной программы существенно смягчил его остроту. В 2002 г. в Российской Федерации в индивидуальных домах, отдельных и коммунальных квартирах проживало 131,779 тыс. чел., против 131,722 тыс. в 1989 г. Увеличение, казалось бы, небольшое, но существенно отметить здесь увеличение проживающих в отдельных квартирах за это время с 89,9 млн. до 93 млн. россиян и их резкое снижение в обладании коммунальными метрами – с 8,8 млн. до 2,2 млн. человек. Одновременно с этим отметим наличие двух больших категорий жильцов, проживающих в общежитиях (4,7 млн. чел.) и снимающих жилые помещения у отдельных граждан (4,4 млн. чел.)⁷⁶. И, конечно же, совершенно недостижимыми оказались планируемые 20 кв. м в среднем на человека. С точки зрения индустриальной адаптации

городского населения, крупные народнохозяйственные программы и крайняя необходимость в импортообразующем сырье определенным образом стимулировали жилищное строительство, что позволило увеличить численность проживающих в отдельных квартирах с 74,4 млн. в 1989 г. до 79 млн. чел. в 2002 г.⁷⁷

В Сибирском и Дальневосточном Федеральных округах в эти годы данный процесс мало отличался от общероссийского, поэтому вряд ли возможно говорить о существенных региональных особенностях. На этих территориях проживало в 2002 г. около 27 млн. человек (Тюменская область отошла к Уральскому Федеральному округу). Так вот, среди сибиряков в отдельных квартирах проживало 13,8 млн. чел., или 68,7 % всего населения; среди дальневосточников – 5,1 млн. чел., или 76,4 % жителей региона. Даже если сюда приплюсовать данные по Тюменской области, то и тогда получим 21,3 млн., против 20,4 млн. чел., живших в отдельных квартирах в 1989 г.⁷⁸ В индивидуальных домах в 2002 г. проживало 6531 тыс. чел., или почти 25 % по Сибирскому Федеральному округу и 16 % – по Дальневосточному. И в 1989 г. такие жилищные условия имели 6,5 млн. чел. Кардинальные изменения произошли в численности, занимавших квадратные метры в коммунальных жилищах. В 2002 г. на данных площадях проживали 185 тыс. чел. в Сибири и на Дальнем Востоке, или 0,8 % от всего населения. А в 1989 г. на этой территории насчитывалось 1,1 млн. «жильцов-коммунальщиков» или почти 3,5 % сибирского населения⁷⁹. Подвижка в 1 млн. для региона с населением 27 млн. чел., существенная. В общежитиях проживали 1,1 млн. чел. (4,5 %), тогда как в 1989 г., в них числилось 2 млн. 48 тыс. или почти на 900 тыс. больше, что составляло около 6,6 % от всего населения. Здесь следует внести существенную поправку на Тюменскую область, давшую долю проживавших в общежитиях, практически равную всему Дальневосточному округу – 226,3 тыс. и 229,9 тыс. чел. соответственно. И в 1989 г. в данном регионе в общежитиях проживала самая большая доля населения среди всех регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока – 307 тыс. человек, или 10 % от всего населения. Причина лежит на поверхности: советской власти нужны были нефть и газ, и новым собственникам необходимы прибыли от добычи углеводородного сырья, для чего требовались рабочие руки. Без жилья разного вида, с учетом имевших «коммунальные метры» (185 тыс. чел.), оставалось в 2002 г.

2 млн. 39 тыс. сибиряков и дальневосточников или более 7 % населения. А в целом по Российской Федерации подобная категория жителей составляла 15,5 млн. чел. (коммунальщики 2,2 млн.) или более 11 % населения⁸⁰. В их число входят проживающие в общежитиях, институциональных учреждениях, гостиницах, снимающие жилье у отдельных граждан, бездомные и не указавшие тип жилого помещения.

Новые российские власти вплотную приступили к осуществлению очередного проекта «Доступное и комфортное жилье – гражданам России». Основные ориентиры жилищной государственной политики: достижение средней обеспеченности жильем 27–28 кв. м общей площади на человека в 2015 г. и 30–35 кв. м – к 2020 г., а также ликвидация в среднесрочной перспективе аварийного и ветхого жилья. Для этого потребуются наращивание производства строительных материалов и мощностей строительных организаций и увеличение строительства с 50 млн. кв. м, которого достигли к 2006 г., до 150–170 млн. кв. м в 2020 г. Показатели на первый взгляд вполне приемлемы. Уже в обозначенном 2006 г. в Сибирском Федеральном округе построено и введено в эксплуатацию почти 5,5 млн. кв. м жилья, что на 20,5 % больше, чем в предыдущем 2005 г.⁸¹ Но даже, если строительная индустрия справится с намеченными целями, все равно встает ряд проблем, которые очень сильно усложняют осуществление вековой мечты россиян. Их, несомненно, станет меньше к указанным годам. Сегодняшнее демографическое оживление в стране связано не только с решительным переломом в лучшую сторону, но и с тем, что в репродуктивный возраст вступило поколение 1980-х гг.

Демографический провал 1990-х гг. приведет к резкому снижению рождаемости и формированию слабой демографической базы дальнейшего воспроизводства населения, должного появиться как раз в первой четверти XXI в. В те годы более интенсивно вымирали лица среднего возраста. Россия потеряла семь миллионов своих граждан, возместить которых оказалось невозможно. Даже вынужденная внешняя миграция наших соотечественников из стран СНГ не могла перекрыть данные потери. В годы революции и гражданской войны гораздо большая Россия потеряла примерно столько же. Вот и «бескровная» реформа, что до сих пор с постоянством, требующим лучшего применения, ставится в заслугу первому Президенту и его команде. И эта тенденция пока сохраняется: естествен-

ный прирост в Российской Федерации в 2006 г. составил минус в 689,5 тыс. чел. против 842,9 тыс. в 2005 г., а по Сибирскому федеральному округу – минус 70,167 тыс. чел. против 100,9 тыс. чел. в 2005 г.⁸² Надежда на внешнемиграционные вливания из ближнего зарубежья безосновательны, по крайней мере для Восточных районов России. Даже если и не вести речь о социальной инфраструктуре и сибирском климате, здесь пока отсутствуют два основных условия – широкая структура высокооплачиваемых рабочих мест и мест обитания для успешной адаптации в регионе. Правда, уже есть немало примеров, когда предприятия проводят свою собственную адаптационную политику в сфере решения жилищного вопроса. Они на собственные средства покупают жилье по приемлемой (намного дешевле) рыночной цене и сдают его в аренду своим сотрудникам с последующим выкупом. Несмотря на внешнюю жилищно-крепостную прикрепленность к предприятию, для многих это выход из критической жилищной ситуации.

Рыночное жилье подавляющее большинство россиян приобрести не могут. За последние годы построено много комфортного жилья, но найти квартиру, доступную не только отдельным категориям хорошо обеспеченных граждан, гораздо сложнее. По стоимости квадратного метра Россия с ее необъятными просторами давно уже обогнала многие европейские и другие страны. Сибирь в этом плане не отстает от своей европейской метрополии, покупая квадратный метр от 50 до 100 тыс. руб. (Новосибирск), тогда как средняя себестоимость нового жилья составляет до 30 тыс. руб. за кв. метр⁸³. Ипотека пока что остается мечтой. Чтобы реально претендовать на получение займа на жилье, а затем успешно рассчитываться по нему, сегодня (2008 г.) семье необходимо иметь доход не менее 40 тыс. руб.⁸⁴ В 2006 г. среднемесячная начисленная заработная плата по Сибирскому федеральному округу составляла около 10 тыс. руб.⁸⁵ Комментарии, как говорится, излишни. «Узкие места» проекта «Доступное и комфортное жилье» стали очевидны уже в середине 2006 г., и способствовали появлению очередной федеральной программы развития малоэтажного строительства. Идея проекта: поставить производство коттеджей на промышленную основу, сэкономить на затратах и активно использовать в строительстве целых типовых поселков государственные деньги. По расчетам депутатов от «Единой России», это позволяет снизить стоимость квад-

ратного метра «под ключ» до 12–20 тыс. руб. Конечно, канадский пример заразителен. Однако, как поется в песне: «Хоть похоже на Россию, только все же не Россия...». Где нам взять такое государство? Надежда на решение жилищного вопроса прозвучала в инаугурационной речи нового Президента России 7 мая 2008 г. Время по-кажет....

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»

-
- ¹ **Рабочий класс** Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск: Наука, 1982. С. 318.
 - ² Там же. С. 376.
 - ³ **Литературная газета**. 1986. 24 сент.
 - ⁴ **Рабочий класс Сибири** в период строительства социализма. (1917–1937 гг.) Новосибирск: Наука, 1982. С. 146.
 - ⁵ Там же. С. 291.
 - ⁶ Там же. С. 146, 291.
 - ⁷ Там же. С. 291.
 - ⁸ **Казакевич Д.М.** К совершенствованию потребительских цен. // ЭКО. 1986. № 1. С. 40.
 - ⁹ **Рабочий класс** Сибири в период строительства социализма. С. 291.
 - ¹⁰ Там же. С. 291, 292; **Долголюк А.А., Ефимкин М.М., Ламин В.А.** Трансформационные процессы в социально-индустриальной структуре Новосибирской области в XX столетии. Новосибирск, 2005. С. 41.
 - ¹¹ **Буторин В.П.** Просвещение рабочих Западной Сибири. 1928–1933. Новосибирск, 1977. С. 18.
 - ¹² Там же. С. 31–32; **Долголюк А.А., Ефимкин М.М., Ламин В.А.** Трансформационные процессы. С. 183, 184.
 - ¹³ **Рабочий класс** Сибири в период строительства социализма. С. 297.
 - ¹⁴ Там же.
 - ¹⁵ Там же.
 - ¹⁶ **Долголюк А.А., Ефимкин М.М., Ламин В.А.** Трансформационные процессы. С. 63.
 - ¹⁷ **Тимошенко А.И., Исаев В.И.** Условия и механизмы формирования «индустриального менталитета» строителей Урало-Кузнецкого комбината // Гуманитарные науки в Сибири. № 2. 2006. С. 28.

-
- ¹⁸ **Превращение Кузбасса** в индустриальный район. 1927–1937 гг. Кемерово, 1995. С. 37.
- ¹⁹ **Тимошенко А.И., Исаев В.И.** Условия и механизмы. С. 28.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ **Долголюк А.А., Ефимкин М.М., Ламин В.А.** Трансформационные процессы. С. 63.
- ²² **Рабочий класс** Сибири в период строительства социализма. С. 302.
- ²³ Там же. С. 303. **Букин С.С., Исаев В.И.** Тенденции формирования и развития быта городского населения Сибири в XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 2 С. 33.
- ²⁴ **Рабочий класс** Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1984. С. 49.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ **Долголюк А.А., Ефимкин М.М., Ламин В.А.** Трансформационные процессы. С. 266-267.
- ²⁷ **Рабочий класс** Сибири в период упрочения и развития социализма. С. 140–141.
- ²⁸ **Долголюк А.А., Ефимкин М.М., Ламин В.А.** Трансформационные процессы. С. 84.
- ²⁹ **Рабочий класс** Сибири в период упрочения и развития социализма С. 141.
- ³⁰ Там же. С.142; **Букин С.С., Исаев В.И.** Тенденции формирования и развития быта. С. 36.
- ³¹ **Рабочий класс** Сибири в период упрочения и развития социализма. С. 319.
- ³² **Саркисян Г.С.** Народное благосостояние в СССР. М., 1983. С. 179; **Ефимкин М.М.** Рабочие Сибири. Конец 50-х – середина 80-х годов. Новосибирск, 1990. С. 118; **Букин С.С., Исаев В.И.** Тенденции формирования и развития быта. С. 36.
- ³³ **Ефимкин М.М.** Рабочие Сибири. С. 118, 119.
- ³⁴ **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. 2-е издание. Т. 2. С. 302.
- ³⁵ **КПСС в резолюциях**, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1971 г. Т. 7. С. 278-294.
- ³⁶ **Ефимкин М.М.** Рабочие Сибири. С. 119.
- ³⁷ **Рабочий класс** Сибири в период упрочения и развития социализма. С. 321.
- ³⁸ **Вечерний Новосибирск.** 1991. 23 апреля.
- ³⁹ **Аганбегян А.Г.** Перелом и ускорение // **ЭКО** 1986. № 6. С. 9; **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. Т.13. С. 513.
- ⁴⁰ **КПСС в резолюциях.** М., 1972. Т. 9. С. 264; Т. 10. С. 65, 134; М., 1981. Т. 13. С. 150, 152.

-
- ⁴¹ **Тимошенко А.И.** Проекты и реальности жилищного строительства в районах нового индустриального освоения Сибири в 1950–1980-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 107, 108.
- ⁴² **Ефимкин М.М.** Рабочие Сибири. С. 121-123.
- ⁴³ **ЭКО.** 1986. № 2. С. 129.
- ⁴⁴ **Ефимкин М.М.** Рабочие Сибири. С. 125.
- ⁴⁵ **Развитие** производительных сил Сибири и задачи ускорения научно-технического прогресса. Новосибирск, 1985. С. 138; **ЭКО** 1986, №2 С. 129; **Ефимкин М.М.** Рабочие Сибири. С. 126.
- ⁴⁶ **Аганбегян А.Г.** Основные результаты и перспективы реализации комплексных ресурсов Сибири. Новосибирск, 1980. С. 21.
- ⁴⁷ **Ефимкин М.М.** Рабочие Сибири. С. 128.
- ⁴⁸ Там же. С. 129-130.
- ⁴⁹ **ЭКО.** 1984. № 4. С. 40; **Правда.** 1985. 17 декабря; 1986. 1 апреля.
- ⁵⁰ **Правда.** 1985. 16 февр.; **Советская Россия.** 1985. 1 декабря.
- ⁵¹ **Правда.** 1979. 7 декабря.
- ⁵² Там же. 1980. 11 февр.; **Советская Россия.** 1985. 1 декабря.
- ⁵³ **Правда.** 1986. 15 декабря.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ **Ефимкин М.М.** Рабочие Сибири. С. 132.
- ⁵⁶ **Правда.** 1986. 6 марта.
- ⁵⁷ **Долголюк А.А.** Проблемы создания стабильных трудовых коллективов на предприятиях Братско-Усть-Илимского ТПК // Социально-экономическое развитие Советской Сибири: исторический опыт и современность. Новосибирск, 1984. С. 134.
- ⁵⁸ **Ефимкин М.М.** Рабочие Сибири. С. 133.
- ⁵⁹ **Проблемы** воспроизводства населения и уровня жизни в Якутской АССР. Якутск, 1982. С. 11.
- ⁶⁰ **Ефимкин М.М.** Рабочие Сибири. С. 133.
- ⁶¹ **Экономика и жизнь.** 1990. № 48. С. 5.
- ⁶² **Литературная газета.** 1986. 24 сент.; **Экономика и жизнь.** 1990. № 41. С.6.
- ⁶³ **Правда.** 1986. 24 апреля.
- ⁶⁴ **Труд.** 1990. 18 сент.
- ⁶⁵ **Советская Россия.** 1988. 17 апреля.
- ⁶⁶ **Литературная газета.** 1986. 24 сент.; **Экономика и жизнь** 1990. № 41.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ **Литвинов С.** Метры на душу // Совершенно секретно. 1990. № 6. С. 4.
- ⁶⁹ **Численность** населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 5; **Численность населения**, проживающего в различных типах жилых помещений по автономным республикам, краям, областям. // Краткая социально-демографическая характеристика на-

-
- селения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Ч. III. М., 1991. С. 130, 131, 142-148; 150, 156-161.
- ⁷⁰ **Основные итоги** Всероссийской переписи населения 2002 года. В 14 томах. Т. 14 (сводный). М., 2005. С. 435.
- ⁷¹ Рассчитано по данным: **Численность населения**, проживающего в различных типах жилых помещений по автономным республикам, краям, областям. // Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Ч. III. М., 1991.. С. 240, 241; 250-258, 260, 266-270.
- ⁷² **Литвинов С.** Метры на душу. С. 7,8.
- ⁷³ Там же. С. 6,7.
- ⁷⁴ Там же. С. 8,9.
- ⁷⁵ **Строительная газета.** 1989. 27 мая.
- ⁷⁶ **Основные итоги** Всероссийской переписи населения 2002 года. С. 435.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Там же. С. 444-445; 448-449; 454, 456.
- ⁷⁹ Там же; данные по сноске 69.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Рассчитано по тем же данным.
- ⁸² **Сибирское** экономическое обозрение. Вып. 9. Новосибирск, 2007. С. 57.
- ⁸³ Там же. С. 6, 50.
- ⁸⁴ **АИФ на Оби.** 2008. № 4.
- ⁸⁵ Там же. № 5.

Жилищная политика в городах Сибири в период НЭПа.

В становлении современной российской демократии приоритетными являются ориентиры и принципы правового и социального государства. Необходимой составной частью политики социального государства являются усилия по решению жилищной проблемы, обеспечению каждого гражданина достойным жильем. В настоящее время эта задача стала важным направлением государственной политики, вошла в число национальных проектов, призванных возродить величие и благосостояние России.

Для успешного решения жилищной проблемы необходимо ясное понимание истоков и причин ее возникновения, знание истории государственной политики, направленной на ее решение. В данной статье мы рассмотрим основные принципы и направления решения жилищной проблемы в городах Сибири в условиях НЭП.

На первом этапе своего существования советское государство принялось осуществлять политику национализации жилищного фонда, перераспределения его в пользу нижних, прежде обездоленных слоев населения. 20 августа 1918 г. большевистское правительство приняло Декрет об отмене права частной собственности на недвижимость в городах¹. В городах России начала проводиться политика передачи жилья под государственное, точнее муниципальное управление. Бывшие частные владельцы лишались права распоряжения своей собственностью, они рассматривались государством только как временные управляющие домами.

Поддавшись иллюзиям о возможности быстрого создания социалистического общества, большевистское руководство страны в условиях «военного коммунизма» переходит к огосударствлению жилищной сферы, устраняя здесь, как и в других областях общественной жизни, право частной собственности и частную инициативу. Государство должно было принять на себя всю ответственность по содержанию общественного жилищного фонда и распоряжению жилыми помещениями. Для управления жилым фондом при городских Советах создавались жилищно-коммунальные отделы.

На территории Сибири после восстановления советской власти получивший все полномочия Сибревком начал проводить большевистскую политику в жилищном вопросе. В частности, в городах Сибири с некоторым отставанием от центральной России начали осуществляться мероприятия по перераспределению жилой площади. На основе постановления СНК РСФСР от 24 мая 1920 г. созданные в городах Сибири советские органы власти должны были провести учет жилой площади и осуществить ее перераспределение. Прежде всего, намечалось ограничить имущественные права буржуазных слоев города, уплотняя частные квартиры, вселяя в просторные буржуйские комнаты рабочих.

Учитывая острую нехватку жилья в сибирских городах, под жилые помещения приспособлялись также площади, изымаемые у различных учреждений. Устанавливалась норма в 3,5 кв. м на одного работающего в учреждениях, превышение этой нормы должно было служить основанием для уплотнения. Например, в Барнауле в результате перераспределения площади учреждений в 1920 г. удалось изъять и заселить 467 комнат, в которых разместилось 1867 чел.²

В начале 1920-х гг. города Сибири переживали острый жилищный кризис. За годы гражданской войны значительная часть жилищного фонда обветшала или была разрушена. Все это порождало тяжелую ситуацию с обеспечением горожан жильем. Особенно в тяжелом положении оказывались при этом рабочие сибирской промышленности. Так, комиссия, обследовавшая в 1922 г. города Кузбасса, сделала вывод об ужасающих жилищных условиях горняков. Например, в Прокопьевске только 20 % работавших на шахтах имели какие-то приемлемые жилищные условия, остальные ютились в землянках, вагончиках, бараках и т.п.³

Осознав неэффективность методов «военного коммунизма» в управлении экономикой, в 1921 г. большевистская партия провозгласила переход к НЭПу. Отказ от политики «военного коммунизма» восстанавливал экономические рычаги и стимулы в хозяйственной жизни, возвращал частную инициативу и право частной собственности.

В жилищной сфере также происходило постепенное внедрение принципов НЭПа. Важный шаг в этом направлении был сделан с принятием декрета СНК РСФСР от 8 августа 1921 г. «Об управлении домами», в котором по существу провозглашался отказ от по-

литики содержания жилья за счет государства. Несколько позднее было восстановлено право продажи жилых домов в частные руки при соблюдении определенных условий. Государство также было готово вернуть дома их бывшим владельцам при условии взятия на себя ответственности за их ремонт⁴.

Объявив о допущении частной собственности и инициативы, большевистское государство, тем не менее, не собиралось уступать господствующие позиции во всех сферах жизни общества, в том числе, и в жилищной. Идеологические догмы во многом продолжали определять государственную политику в жилищном вопросе. В составе советов действовали отделы коммунального хозяйства, которые призваны были контролировать состояние и распределение жилищного фонда, включая и частный сектор.

При распределении жилищного фонда органы партийной и советской власти основное внимание уделяли социально-классовому происхождению жителей. Так, в 1923 г. Новониколаевский губком РКП(б) потребовал от коммунального отдела губисполкома провести в течение двух месяцев выселение нетрудового элемента из квартир муниципального фонда, а в частных домах произвести уплотнение с целью изыскания дополнительной площади для вселения рабочих. Прежде всего, в частных домах Центрального и Вокзального районов Новониколаевска предполагалось выселить тех жильцов, которые принадлежали к так называемым нетрудовым элементам. Исключение могло быть сделано только для тех жителей города, которые проживали в собственных домах⁵.

Приток населения в города Сибири как из центральной части страны в связи с лишениями и голодом, так и из сибирской деревни, усугублял затяжной жилищный кризис. Только с 1923 по 1926 гг. население 30 городов Сибири выросло на 158,9 тыс. человек. В результате на одного жителя городов Сибири приходилось в 1926 г. в среднем только 4,8 кв. м жилья, в то время как по стране этот показатель составлял 5,86 кв. м⁶.

Для преодоления жилищного кризиса создавались специальные органы, находившиеся под контролем партийных и советских органов власти. При городских советах Сибири в начале 1920-х гг. были образованы Комитеты содействия жилищному строительству. Так, в Новониколаевске подобный комитет в 1923 г. сумел привлечь для финансирования своей работы более 100 тыс. руб., организовать

строительство 36,4 тыс. кв. м жилья. Но, разумеется, комитет мог контролировать только малую часть всех усилий по решению жилищного вопроса. Всего же в городе на строительство жилья в 1923 г. было потрачено более 2,5 млн. руб.⁷

Большое внимание жилищной проблеме уделяли партийные власти региона. Сибкрайком ВКП(б) 9 сентября 1926 г. рассмотрел вопрос о состоянии жилищного строительства в крае. С докладом выступил председатель Сибкрайисполкома Р.И. Эйхе, сообщивший о значительном росте жилищного строительства в городах Сибири. За последние два года – 1924-1925 – ассигнования в этой области выросли почти в 7 раз: с 801 тыс. руб. в 1924/25 хоз. году до 5 млн. 514 тыс. руб. в 1925/26. Однако для нормального обеспечения горожан имевшегося жилищного фонда было явно недостаточно, особенно в крупных городах. Наиболее тревожное положение складывалось в области обеспечения жильем промышленных рабочих.

По итогам обсуждения вопроса было признано, что нерешенность жилищной проблемы в конечном итоге сдерживает социально-экономическое развитие Сибири. Было принято постановление о необходимости усиления внимания парторганизаций Сибири к жилищному строительству⁸.

В соответствии с классовым подходом к оценке всех явлений общественно-политической жизни основные усилия должны были направляться на улучшение жилищных условий рабочих. Между тем в составе городского населения рабочие по-прежнему оставались самой малообеспеченной в жилищном отношении социальной группой. В городах Сибири только 28,6 % муниципального жилого фонда занимали рабочие⁹.

ВЦСПС в представленном в 1927 г. докладе СНК СССР с тревогой констатировал: «Современное состояние жилищного вопроса характеризуется падением из года в год среднечеловековой нормы жилплощади. В наиболее тяжелых жилищных условиях при этом оказываются промышленные рабочие»¹⁰.

В 1927 г. Новосибирский окружком ВКП(б) потребовал от горсовета провести проверку жителей муниципального фонда. Указывалось при этом, что в этих домах до сих пор проживают лица, не относящиеся к рабочему классу. Предполагалось, что они должны переселиться в частные квартиры, а в домах общественного фонда

должны проживать рабочие и служащие государственных предприятий¹¹.

Представление о жилищных условиях городского населения Сибири, в частности рабочих семей, можно составить, например, по данным обследования в 1926–1927 гг. социально-бытовой среды подростков Омска. В ходе обследования изучались условия жизни 266 семей, из них в отдельной квартире жили только 16 %, 19 % занимали более одной комнаты, 58 % семей имели только одну комнату в коммунальной квартире, а 6,5 % семей проживали в общем помещении с другими посторонними людьми. Около 80 % обследованных семей имели на одного человека от 1 до 6 кв. м жилплощади. 44,3 % обследованных семей отметили сырость в занимаемом жилком помещении, 47,6 % жаловались на холод¹².

Еще более плачевным было положение с жильем у рабочих в Восточной Сибири. Например, в городах Черемховского угольного бассейна около 90 % шахтерских семей имели для проживания лишь одну комнату¹³.

В течение двадцатых годов регулярно проводились проверки социального происхождения жильцов в домах муниципального фонда. Так, в Томске в октябре 1928 г. была проведена проверка состава жителей коммунальных домов и тех помещений, которые домовладельцы должны были предоставить жилкомотделам в порядке выделения 10 % жилплощади в распоряжение горисполкома. По итогам проверки был сделан вывод, что только 38,7 % проживавших принадлежали к рабочему классу. Такое положение Томский окружной комитет ВКП(б) признал недопустимым, предложив горисполкому принять меры к немедленному изменению ситуации¹⁴.

В соответствии с принципом господствующей роли социалистического государства в области жилищной политики главная роль отводилась развитию общественного муниципального фонда и жилищному фонду предприятий. На всех крупных предприятиях были созданы фонды жилья, из которых должны были обеспечиваться их работники. Однако следует отметить, что возможности предприятий Сибири в этом отношении были довольно ограничены. В 1928 г. на предприятиях окружной промышленности было предоставлено жилье лишь 17,5 % работников, краевой промышленности – 31,3 %, и только на предприятиях союзного значения, т.е. самых ведущих, 75,6 % работавших там получили жилье из ведомственного фонда¹⁵.

В приращении и ремонте жилищного фонда городов Сибири в 1920-х гг. все более существенную роль начинали играть жилищные кооперативы. Преимущество вступления в жилищно-строительные кооперативные товарищества (ЖСКТ) отдавалось рабочим. В общем числе пайщиков жилищно-строительной кооперации рабочие в 1920-х гг. составляли в среднем более половины, а к началу 1930-х гг. их доля выросла до 2/3¹⁶.

Если на 1 октября 1925 г. в Сибири насчитывалось лишь 38 ЖСКТ, объединявших 3358 человек, то в январе 1929 г. их количество увеличилось до 180, а число участников в них – до 10338¹⁷.

Важную часть кооперативного сектора в жилищном фонде составляла жилищно-арендная кооперация (ЖАКТ), задачей которой было обеспечивать ее участникам наем, содержание и ремонт жилья. На 1 октября 1925 г. 107 ЖАКТов объединяли 2,3 тыс. членов; на содержание и ремонт жилья они затратили 20,2 тыс. руб.; на 1 января 1929 г. насчитывалось уже 154 ЖАКТа с 11284 членами, за 1927 и 1928 гг. они смогли выделить на содержание и ремонт жилья 530 тыс. руб.¹⁸

Распределение жилого фонда в ЖАКТах было неравномерным: ввиду многочисленности рабочих семей в них на человека приходилось меньше жилплощади, чем у других групп населения. По данным ЖАКТов Западной Сибири к началу 1930-х гг. в среднем на члена рабочей семьи приходилось 4,5 кв. м, в то время как у служащих этот показатель достигал 6,5 кв. м¹⁹. Однако этот показатель – 4,5 кв. м жилой площади на человека – можно было в тех условиях считать неплохим, удовлетворяющим потребность в жилье. Средние показатели для всего рабочего класса, как и условия проживания, были несравненно хуже.

При организации жилкооперативов советские и партийные органы ревностно следили за соблюдением классового подхода. Например, Омский окружком ВКП(б) в ноябре 1925 г. рассмотрев вопрос о развитии жилкооперации, принял постановление, в котором подчеркивалось, что партийные и профсоюзные организации не должны допускать создание кооперативов на стихийной основе, держать процесс под контролем. Предполагалось повысить роль партийного влияния в кооперативах, настаивать на введении представителей парторганизаций в состав правлений кооперативов²⁰.

Томский окружком ВКП в сентябре 1926 г. проверил состав жи-

лишней кооперации, по итогам проверки выяснилось, что рабочих в составе кооперативов – 47,4 %, служащих – 45,6, прочих – 6 %²¹.

При организации кооперативов служащие и другие, более высоко оплачиваемые и обеспеченные слои городского населения имели широкие возможности внести первоначальный взнос и финансировать строительство жилья, в отличие от рабочих, относившихся к среднеоплачиваемым категориям. В результате происходило вытеснение рабочих из кооперативов. Так, в Новосибирске в составе жилищно-строительных кооперативов доля рабочих в 1926 г. сократилась на 10 % по сравнению с прошлым годом. Преобладали в составе пайщиков служащие, при этом происхождение еще 10 % членов кооперативов считалось также классово-чуждым, так как они относились к сомнительной категории – «прочие». Такое положение вызвало вмешательство партийных органов, потребовавших недопущения вытеснения рабочих²².

Острота жилищной проблемы вынуждала партийно-государственный аппарат обратить особое внимание на выработку принципов жилищной политики. Для разработки программы решения этого вопроса в мае 1927 г. при СНК СССР была образована специальная комиссия по жилищной политике²³.

В решениях XV съезда ВКП(б) подчеркивалось: «Ввиду крайней остроты жилищного кризиса... чрезвычайное внимание следует уделить жилищному рабочему строительству»²⁴. 4 января 1928 г. ЦИК и СНК СССР приняли специальное постановление о жилищной политике. В нем намечались разнообразные меры по развертыванию жилищного строительства, в частности, особое внимание обращалось на развитие жилищной кооперации. Для решения острых проблем с обеспечением рабочих жильем на предприятиях создавались фонды улучшения быта (ФУБРы)²⁵.

Неприятнь к частной инициативе и наивная вера во всемогущество советского государства порождали у работников партийно-государственного аппарата совершенно неоправданное стремление ограничить индивидуальное строительство жилья. СНК РСФСР в своем постановлении о принципах жилищной политики, принятом 29 сентября 1927 г., призывал местные органы власти развивать, прежде всего, государственное и ведомственное направление жилищного строительства. Поощрение и кредитование частных застройщиков допускалось только в тех районах, где названные приоритетными

формы строительства жилья оказывались недостаточно сильными²⁶.

Однако здравый смысл и реальные потребности в строительстве жилья диктовали иной подход. Жители сибирских городов в наказах депутатам городских советов требовали от городских властей содействия частному жилищному строительству. Так, жители Новосибирска в своем наказе депутатам во время компании по выборам местных советов в 1926 г. записали пожелание «оказывать всяческое содействие частному строительству с предоставлением ему законных льгот»²⁷.

В условиях жилищного кризиса партийным руководителям Сибири, видимо, хватило здравого смысла не настаивать на проведении нежизненных идеологических догматов. В своем постановлении Сибкрайком ВКП(б) предложил местным партийным и советским органам «всемерно поощрять частное строительство путем выдачи ссуд коммунальными банками»²⁸.

Программа развертывания частного строительства в Сибири основывалась на предоставлении кредитов индивидуальным застройщикам, выделении строительных материалов. Кредиты выдавались сроком на десять лет из расчета 3 % годовых, при этом сам застройщик должен был представить не менее одной трети требуемой для постройки дома суммы.

В Кузбассе из средств профсоюзов в 1926 году для кредитования частного строительства шахтерам было выдано 25 тысяч рублей²⁹.

Благодаря содействию индивидуальным застройщикам, в Новосибирске в течение 1927–1929 гг. было построено 4 550 домов жилой площадью 106 тыс. кв. м³⁰.

Таким образом, частное строительство, несмотря на его «идеологически чуждое происхождение», стало на самом деле ведущей формой жилищного строительства в Сибири. Недостаток средств у государства, острота жилищной проблемы делали этот вид строительства одним из главных. Индивидуальным застройщикам выдавались ссуды, оказывалась помощь в получении стройматериалов и т.п. Жилой фонд городов Сибири в значительной мере рос за счет индивидуального строительства: так, в 1927 г. оно дало 70,3 % всей построенной жилплощади, в 1928 г. – 73,3 %³¹.

Дома индивидуальной застройки были основным типом жилых строений в сибирских городах. Так, в Барнауле в 1931 г. они составляли 75 %, в Новосибирске – 67,7 %, в целом по городам Сибири –

72,8 всего жилого фонда. Более 70 % рабочих Сибири в конце 20-х – начале 30-х годов проживало в домах индивидуального сектора. Только к концу 30-х годов в связи с возрастанием объемов государственного строительства доля индивидуального сектора сократилась до 40–50 %³².

Соотношение различных секторов в строительстве жилья в Сибири показывает табл. 1.

Таблица 1.

Жилищное строительство в Сибири (тыс. кв. м) *

Вид строительства	1927 г.	1928 г.
Государственное	35,5	62,6
Кооперативное	19,7	21,7
Индивидуальное	130,9	232,2
Всего	186,1	316,5

*Составлено по: Два года работы Сибкрайисполкома Советов 1927–1928 гг. Новосибирск, 1929. С.26.

Данные таблицы убедительно говорят о преобладающей роли индивидуального строительства в приращении жилого фонда городов Сибири.

Быстрый рост численности городского населения при слабом финансировании и медленных темпах жилищного строительства не позволял улучшить обеспеченность людей жильем. Так, если жилая площадь основных городов Кузбасса за 1927–1930 гг. увеличилась в два раза, то численность населения выросла почти в три раза. В результате к началу 1930-х гг. здесь в среднем приходилось лишь 2,4 кв. м жилой площади на человека³³. Не лучше обстояло дело и в Восточной Сибири, где к концу 1920-х гг. в индустриальных районах на одного жителя городов приходилось 2–2,5 кв. м жилья³⁴.

Тенденция к снижению показателей обеспеченности населения городов Сибири жильем сохранялась и в дальнейшем. За годы первой пятилетки произошло ощутимое снижение обеспеченности жильем. В городах Западной Сибири на одного жителя в 1929 г. приходилось 4,2 кв. м жилья, в 1930 г. – 4 кв. м, в 1931 г. – 3,8 кв. м, в 1932 г. – 3,6 кв. м³⁵.

Материалы источников говорят сами за себя: основная масса

горожан Сибири жила тесно, в плохих, неблагоустроенных помещениях, постоянно испытывая недостаток жилищного пространства, а в случае проживания в бараках была лишена и элементарной возможности иметь частную жизнь, домашнее хозяйство. В то же время следует отметить, что объем жилплощади в городах Западной Сибири за 1928–1932 гг. вырос на 1 млн. кв. м, т.е. в 1,7 раза, а в городах Кузбасса – в 3,2 раза³⁶.

Таким образом, в первые десятилетия XX века происходила резкая смена государственной политики в жилищном вопросе. От политики попустительства и невмешательства царского государства в жилищное положение граждан после революции 1917 г. новое советское государство отказывается и на первом этапе своего существования переходит к огосударствлению жилищной сферы, устраняя право частной собственности и частную инициативу, принимая на себя всю ответственность по распоряжению и содержанию жилых помещений.

Можно сделать вывод, что в долговременной перспективе и тот и другой вариант государственной политики в жилищном вопросе оказались проигрышными и в социально-экономическом и в политическом плане. Более эффективным, как оказалось, является разумное сочетание государственного вклада и контроля и частной инициативы.

Именно такие принципы государственной жилищной политики стали проводиться с переходом страны к НЭПу. Однако в условиях идеологического диктата партии большевиков нахождение оптимального баланса между частной инициативой и государственным регулированием жилищной сферы было затруднено. При всех своих достижениях в жилищной политике советское государство в 1920-х гг. не смогло установить такой оптимальный баланс и добиться существенных сдвигов в решении жилищной проблемы. Этот вывод подтверждается конкретными данными о развитии жилищного фонда городов Сибири.

*Статья подготовлена при поддержке РГНФ,
проект № 07-01-00426а*

¹ СУ РСФСР. 1918. № 62. Ст.674.

² ГАРФ. Ф.5451. Оп.5. Д.433. Л.70.

- ³ См.: **Московский А.С.** Формирование и развитие рабочего класса Сибири в период строительства социализма. Новосибирск, 1968. С.120.
- ⁴ **СУ РСФСР.** 1921. № 60. Ст.410
- ⁵ **ГАНО.** Ф. п-10. Оп.1. Д.657. Л.7
- ⁶ См.: **Жизнь Сибири.** 1926. № 12. С.15; **История** социалистической экономики. М., 1977. Т.3. С.508.
- ⁷ **ГАНО.** Ф.р-204. Оп.1. Д.3. Л.19.
- ⁸ **Известия** Сибкрайкома ВКП(б). 1926, № 9, С.27.
- ⁹ **Бюллетень** статистики труда. (Новосибирск).1927. №3. С.17
- ¹⁰ **ГАРФ.** Ф.5451. Оп.11. Д.416. Л.13.
- ¹¹ **Отчет** новосибирского окружкома ВКП(б) за год работы. Новосибирск, 1927. С.53.
- ¹² **ГАОО.** Ф.р-1152. Оп.1. Д.10. Л.24-29.
- ¹³ **Сибирский** медицинский журнал. 1929. № 2-3. С.20.
- ¹⁴ **Отчет** о работе Томского горсовета за 1927/28 г. Томск, 1929. С. 13.
- ¹⁵ **Стат. бюллетень.** 1929. № 15-16. С.5.
- ¹⁶ **ГАНО.** Ф.р-917. Оп. 1. Д. 111. Л. 3; Ф.п-22. Оп.1. Д.26. Л. 214; **ГАОО.** Ф.р-28. Оп.1. Д.152. Л.75.
- ¹⁷ **Материалы** о состоянии жилищной кооперации Сибирского края. Новосибирск, б.г. изд. С.21; **ГАНО.** Ф.р-917. Оп. 1. Д. 42. Л. 198.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ **ГАНО.** Ф. п-22. Оп. 1. Д. 26. Л. 215.
- ²⁰ **Проф. движение.**1928. № 9-10. С. 11.
- ²¹ **Отчет** Томского окружного исполкома IV окружному съезду Советов. Томск, 1927. С. 28.
- ²² **Проф. движение.**1928. № 9-10. С. 12.
- ²³ **ГАРФ.** Ф.5451. Оп.11. Д.416. Л.5
- ²⁴ **КПСС** в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.4. М., 1970. С.40.
- ²⁵ См.: **Решения** партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.1 М., 1967. С.696-703.
- ²⁶ **Известия** Народного комиссариата труда. 1928, № 6. С.93.
- ²⁷ **ГАНО.** Ф.п-18. Оп.1. Д.339. Л.119.
- ²⁸ **Известия** Сибкрайкома ВКП(б) 1926. № 9. С.12
- ²⁹ **Профессиональное** движение. 1928, № 32. С.4.
- ³⁰ **Наказ** в действии. (Отчет о работе новосибирского горсовета). Новосибирск, 1930. С.33.
- ³¹ **Два года** работы Сибкрайисполкома Советов 1927–1928 гг. Новосибирск, 1929. С.26.
- ³² **Итоги** хозяйственного и культурного строительства Новосибирской области за второе пятилетие. Новосибирск, 1939. С.14-15; **Хозяйственное** и культурное строительство в Омской области за пять лет. Омск, 1939. С.107.
- ³³ **ГАРФ.** Ф.А-314. Оп.1. Д.304. Л.17
- ³⁴ **ГАИО.** Ф.р-600. Оп.1. Д.177. Л.194.
- ³⁵ **ГАНО.** р-917. Оп.1. Д.111. Л.2.
- ³⁶ **ГАНО.** Ф.р-47. Оп.1. Д.1609. Л.11.

Рабочие общежития военной поры (1941–1945 гг.)

Изучение исторического опыта решения жилищного вопроса в индустриальных районах Сибири в годы Великой Отечественной войны является актуальной и новой проблемой. Ее исследование позволяет реконструировать характерные черты повседневной жизни городского населения в тыловых регионах СССР. Заслуживает внимания роль общежитий в обеспечении трудящихся жильем, влияние их внутренней обстановки на быт и досуг работников предприятий. Перспективность анализа данных аспектов социальной истории сибирского тыла связана с реконструкцией механизмов культурно-бытовой адаптации рабочих и служащих в военное время.

Объектом исследования в данной статье являются условия жизни в рабочих общежитиях сибирских городов военной поры. Понятие «рабочие общежития» определяется как форма массового жилищного обеспечения, специфическая среда повседневной жизни, содержащая элементы коллективного быта. Его основным признаком служило совместное проживание в общем помещении рабочих, служащих и членов их семей.

Накануне войны в ходе интенсивной урбанизации восточных районов СССР одной из острейших социальных проблем развития городов Сибири являлся дефицит жилья. На 1 января 1941 г. на одного горожанина, проживавшего в регионе, в среднем приходилось менее 4 кв. м¹. Во второй половине 1941–1942 г. значительное влияние на обострение жилищной проблемы в тыловых регионах страны оказала эвакуация населения из прифронтовой полосы. В этот период в Западную Сибирь, Красноярский край и Иркутскую область прибыло 1020,3 тыс. чел.². Более половины эвакуированных разместились в городских поселениях, в том числе в Новосибирске – 147,0 тыс., Томске – 54,3, Кемерово – 21,1, Ленинск-Кузнецке – 15,0, Сталинске (Новокузнецке) – 22,2 тыс.³. Интенсивный приток мигрантов из европейской части СССР обусловил значительный механический прирост числа горожан. С 1 января 1941 г. до конца 1942 г. численность городского населения Новосибирской области выросла с

1855,0 тыс. до 2167,9 тыс. чел., уровень урбанизации региона – с 42,5 до 48,5 %⁴.

Наряду с перемещением широких масс населения, на восток страны эвакуировались сотни индустриальных объектов. Во втором полугодии 1941 г. из европейской части СССР в Сибирь прибыло 400–450 предприятий, относившихся к различным отраслям народного хозяйства⁵. Вместе с их производственным оборудованием в глубокий тыл поступали контингенты трудящихся. На 1 ноября 1941 г. в Новосибирск только с 10 оборонными заводами эвакуировались 10805 рабочих и служащих. Всего в город прибыло 48367 чел., включая членов семей работников предприятий⁶.

В условиях интенсивного притока эвакуированных в Сибирский регион центральные и местные органы власти принимали меры по их жилищному обеспечению. 13 сентября 1941 г. Совнарком СССР издал постановление «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения»⁷. Исполняя решение правительства, областные и городские партийные комитеты Сибири организовали мероприятия по возведению землянок и каркасно-засыпных бараков, в которых размещалось население, прибывшее из западной части СССР. Во втором полугодии 1941 г. в связи с их строительством общая площадь жилфонда Новосибирска выросла с 1408 тыс. до 1555,8 тыс. кв. м. Тем не менее, средний размер жилплощади на одного жителя сократился с 3,0 до 2,67 кв. м⁸. Из-за острой нехватки жилья для поселения людей использовались также помещения хозяйственных и культурных зданий, дополнительная площадь, освобождавшаяся за счет уплотнения жильцов квартир и частных домов. На 22 октября 1941 г. в многоквартирных домах и общежитиях Барнаула было высвобождено 1244 комнаты общей жилплощадью 15 тыс. кв. м. В них преимущественно заселялись семьи рабочих и служащих, эвакуированных вместе с предприятиями⁹.

Значительную роль в обеспечении трудящихся жильем играли рабочие общежития. Их строительство на базе эвакуированных и местных заводов обуславливалось трудовыми мобилизациями крупных контингентов трудоспособного населения в отрасли народного хозяйства. Только в первый год войны в промышленность, строительство и транспорт Новосибирской области, включавшей территорию позднее образованных Кемеровской и Томской областей, поступило 275,7 тыс. чел.¹⁰. Более половины мобилизованных со-

ставляли эвакуированные и выходцы из сибирских сел. Мигранты, прибывшие на производство, нуждались в жилищном обеспечении по месту работы. На предприятиях данная проблема решалась за счет строительства землянок и бараков, использования жилого фонда и служебных помещений хозяйственно-бытовых организаций, административных и культурных учреждений. Осенью 1941 г. на заводе им. Чкалова было размещено 2160 семей трудящихся, в том числе на частных квартирах – 300, в домах и бараках предприятия – 1160, учреждений и организаций Новосибирска – 1700, ведомственных, коммунальных и частных жилых домах – 5000 семей¹¹. Рабочие-одиночки в количестве 2225 чел. проживали в помещениях клубов, театрального училища, аптекоуправления, водной станции «Локомотив». В целом по Новосибирску на 1 января 1942 г. только в зданиях школ и на производственных площадях заводов размещались около 10 тыс. рабочих. По данным секретаря Новосибирского горкома ВКП(б) И.Д. Яковлева на 11 оборонных предприятиях для трудящихся и членов их семей не хватало 210 тыс. кв. м¹². При этом партийный чиновник отмечал, что «расселение может идти только за счет нового жилищного строительства и ввода его в эксплуатацию»¹³.

В годы Великой Отечественной войны строительство земляных и каркасно-засыпных бараков для рабочих и служащих являлось одним из приоритетных направлений государственной жилищной политики. В этот период общая площадь жилых помещений, введенных в эксплуатацию на предприятиях Омска, составляла 120 тыс. кв. м, Алтайского края – 100 тыс., угольных шахтах Кузбасса – более 125 тыс.¹⁴. В Новосибирске в различных отраслях промышленности было построено свыше 250 тыс. кв. м жилья (табл. 1). Более 85 % жилфонда, находившегося в распоряжении производственников, составляли дома и бараки военных заводов. Наиболее масштабные строительные работы по возведению жилых помещений для трудящихся и их семей на оборонных предприятиях развернулись во втором полугодии 1941 г. и в 1942 г. На машиностроительных заводах, не относившихся к оборонным наркоматам, в деревообрабатывающей, легкой и пищевой промышленности максимальные показатели по вводу в строй нового жилья были достигнуты лишь в 1943–1944 гг. Однако, в это время в целом по промышленности Новосибирска произошло сокращение объемов жилищного строительства, что было связано со стабилизацией, а затем снижением численности рабо-

чих оборонных заводов, обусловленным частичной реэвакуацией населения в освобожденные районы страны.

Таблица 1

Ввод в эксплуатацию жилой площади по промышленным предприятиям Новосибирска в 1941 – 1945 гг. (кв. м)*

Отрасль промышленности	1941	1942	1943	1944	1-е полугод. 1945	Всего
Оборонная	79279	65897	44485	23675	9935	223272
Металлургия	3160	-	567	648	-	4375
Химическая	-	300	102	53	-	455
Машиностроение	-	2981	7719	3875	1283	15863
Энергетика	-	894	945	-	-	1839
Деревообрабатывающая	69	135	310	302	-	816
Легкая	825	180	200	1133	-	2338
Пищевая	1335	412	3954	120	-	5820
Промышленность (всего)	84668	70799	58282	29806	11223	254778

*ГАОН. Ф.22. Оп.3. Д.1770. Л.149-150.

Помещения, в которых размещались работники отраслей народного хозяйства Сибири, относились к различным типам жилой застройки. В первый год войны эвакуированные, жители сельской местности, мобилизованные на производство, заселялись в основном в землянки и каркасно-засыпные бараки. Со второго полугодия 1942 г. на предприятиях осуществлялось переселение рабочих во вновь построенные деревянные, брусчатые, каменные дома, что способствовало некоторому улучшению условий их проживания. Тем не менее, многие трудящиеся, по-прежнему, проживали в неблагоустроенных общежитиях барачного типа. В 1944 г. на заводе № 644 в 2-х каменных домах жили 164 чел., в 12 рубленых домах – 288, 19 земляных и засыпных бараках – 271 чел. Доля рабочих и членов их семей, поселенных в землянках и бараках, среди всех жильцов составляла 37,5 %¹⁵.

Значительная часть жилья, находившегося в ведении промышленных и транспортных предприятий, использовалась для создания рабочих общежитий. За 1941 – 1944 гг. на железных дорогах Сибири

было создано 1036 общежитий общей площадью 121,5 тыс. кв. м¹⁶. В конце 1943 г. в Новосибирске на заводе № 635 их удельный вес в структуре жилфонда составлял 40 %. В общежитиях данного предприятия проживало более трети всех рабочих и членов их семей¹⁷. Основная масса жильцов общежитий состояла из мигрантов, прибывших в города Сибири из европейской части СССР и сельской местности региона. Среди них преобладали женщины и молодежь, поступившие на производство по трудовой мобилизации.

Подростки, рано повзрослевшие, на своих детских плечах наравне с другими рабочими выносили все тяготы военного времени. Первый эшелон ребят, эвакуированных из Калининской и Брянской областей, пришел в Новосибирск в сентябре 1941 г. Полторы тысячи мальчишек и девочек направили на завод № 677 («Луч»). Средний возраст – от четырнадцати до шестнадцати лет. Оторванным от дома, от родных, им приходилось по 10–12 часов в сутки напряженно трудиться в заводских цехах. Ребята слабели на глазах, у многих не хватало сил на ежедневные пешие переходы от заводских цехов до общежитий-бараков. Часто они ночевали прямо в цехах, располагаясь на трубах теплотрасс. Ослабев, легко заболевали, начались эпидемии.

Руководство завода понимало, что подростков надо спасать. Работнику отдела кадров А.Л. Войтоловской принадлежала идея объединить ребят в организацию с общим укладом жизни. Так появился на заводе полуторатысячный отряд молодых рабочих, разбитый на несколько рот: станочники, строители, сборщики. Руководил отрядом Ф.П. Маковеев – фронтовик, демобилизованный по ранению. А.Л. Войтоловская стала комиссаром отряда. Для подростков оборудовали общежития, завод поставил всех на котловое довольствие, обеспечил одеждой, дети получили возможность после работы обучаться в вечерней школе. Подобного объединения подростков не было больше ни на одном предприятии страны¹⁸.

Мальчишек и девочек, стоящих за станками, работающих на основных и подсобных операциях, можно было встретить на каждом предприятии. Как вспоминает Лидия Матвеевна Литвинцева – ветеран комбината 179, «... работать стали по 14 часов и больше. Выдали карточки. Не доедали и не досыпали. В цех приводили ребяткишек (была у нас такая работа, которую могли делать 10–12-летние), так сердце заходило, на них глядя. Ну а тем, кому было по 14–15 лет, приходилось работать наравне со взрослыми. Они работают и

плачут – и ты иной раз с ними наплачешься, до того жалко. А что поделаешь – война и наша продукция нужна фронту».

6 ноября 1943 г. газета «Советская Сибирь» сообщала, что в юношеском городке комбината началось заселение еще одного нового общежития. 230 девушек-работниц получили жильё, постель, белье, завтраки, обеды, ужины. По всей вероятности, речь шла о тех девушках, которых мобилизовали на комбинат 179 весной 1942 г. Тогда, в мае, партком обсуждал вопрос «О положении дел в общежитиях мобилизованных девушек», отмечая факты бытового разложения, кражи, карточную игру, невыходы на работу. Это происходило почти год после начала войны. Еще полтора года потребовалось администрации, парткому и профкому, чтобы устроить девчат приемлемым образом.

Тяготы и лишения, выпавшие на долю рабочей молодежи, наглядно отражают воспоминания Анны Лутковской – основательницы трудовой династии Косачевых-Лутковских на авиационном заводе им. В.П. Чкалова: «...До сих пор помню в войну худые, изможденные лица девочек и мальчиков от четырнадцати до шестнадцати лет. Голодные, холодные, мы жили в цехах, спали на рабочих местах на полу. Ходили полураздетые, в старенькой одежонке. Детям выдавали резиновые чуни, которые примерзали к ногам. От голода мы ели крапиву, жмых, лебеду, собирали в поле мерзлую картошку. Однажды втроем – я, Галя и Дуся – пошли после ночной смены искать мерзлую картошку. Но до совхоза не дошли, у меня закружилась голова, не было сил идти дальше. Я ухватилась за березу и так простояла, пока не прошел обморок.

Мы вернулись и с трудом добрались до завода. А впереди – ночная смена, за которую предстояло выполнить четыре сменных задания. Как мы, малолетние ребятишки, выжили без родных, не знаю. Это просто какое-то чудо. Сейчас по вечерам я часто смотрю на звезды и думаю, где та моя счастливая звезда, которая спасла меня от голода, холода и смерти?

Хлеба по карточкам давали 700 граммов. Я делила его на три раза. Утром на завтрак съедала кусочек и запивала холодной водой. А в обед в столовой со щами из мерзлой капусты – тоже кусочек хлеба с водой. Такой же и ужин.

Самым памятным событием в нашей биографии был приезд на завод трижды Героя Советского Союза Александра Ивановича По-

крышкина. Он ходил по цехам, видел изможденных, заморенных мальчишек и девчонок. Подходил к нам, здоровался с каждым за руку и говорил: «Дети вы мои, дети. Все равно победа будет за нами. И будет это совсем скоро».

Своими словами он вселил в нас уверенность. Мы верили в победу! Нам, подросткам военных лет, читали газеты. А еще у нас посреди цеха было большое радио. И только пробивало одиннадцать часов, когда передавали последние известия, мы бросали работу и бежали к радиоприемнику. Если наши наступали, сил сразу прибавлялось. В то время фронт и тыл жили одной судьбой...»¹⁹.

Неоднородность социально-демографической структуры населения, направлявшегося в отрасли народного хозяйства, обуславливала наличие на предприятиях смешанных, мужских, женских и молодежных общежитий. В смешанных общежитиях, как правило, проживали семьи трудящихся и рабочие-одиночки. В 1942 г. в 10 бараках завода № 556 были поселены 1462 чел., в том числе 115 членов семей и 1347 одиночек²⁰. На заводе № 208 в одном из домов размещались семьи эвакуированных ленинградцев и девушки, прибывшие из колхозов Яшкинского района Новосибирской области. Часть общежитий предназначалась только для одиноких рабочих, которые расселялись в зависимости от половой и возрастной принадлежности. В 1944 г. в распоряжении завода № 644 находилось 3 общежития общей площадью 534 кв. м, в том числе 2 смешанных и 1 мужское. В смешанных общежитиях проживало 178 чел., в том числе 59 членов семей и 119 одиночек, в мужском – 11 одиночек (табл. 2). Среди всех жильцов доля мужчин составляла 26,2 %, женщин – 73,8 %.

Таблица № 2

Общежития завода № 644 в г. Новосибирске*.

Адрес общежития	Жилая площадь, кв.м.	Количество жильцов, чел.			
		Одиночки		Семейные	
		муж.	жен.	все семей	чел.
ул. Щетинкина, 58	343	8	96	12	37
ул. Ленская, 71	35	11	-	-	-
ул. Волочаевская, 15	156	15		5	22

*Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Сб. документов. Новосибирск, 2005. С.623.

В землянках и бараках, построенных на базе предприятий Сибирского региона, размещались большие контингенты рабочей молодежи. В 1943 г. в Новосибирске насчитывалось 811 общежитий, в которых проживали 28,6 тыс. юношей и девушек²¹. На крупных заводах подростки и молодые люди занимали целые кварталы, в которых создавались юношеские городки. В 1944 г. в юнгородке комбината № 179 проживало более тысячи молодых рабочих, объединенных в 6 отрядов²². Многие дома и бараки заводов занимали воспитанники учебных заведений гострудрезервов. В 1944 г. в Томске ремесленное училище № 10 имело в своем распоряжении деревянный двухэтажный дом с 11 комнатами общей площадью 204 кв. м и каменное здание, где находилось двухкомнатное общежитие в 112 кв. м. В этих жилых помещениях размещались 98 учащихся²³.

Многие молодые рабочие жили в приспособленных под жилье общежитиях. В июне 1943 г. в Новосибирске работники Госсанэпидемстанции проверили общежития, находившиеся в подвалах многоэтажных домов. В этих сырых и темных помещениях проживали учащиеся ремесленных училищ. В справке, составленной по итогам рейда, отмечалось, что подвалы совершенно непригодны для проживания. Руководству облгострудрезервов рекомендовалось переселить подростков в бараки и дома²⁴.

Для рабочих общежитий была типична большая перенаселенность, обеспеченность жилплощадью оставалась крайне низкой. Несмотря на форсированное жилищное строительство, в целом по промышленности сибирского региона данный показатель снижался. В 1943–1944 гг. в бараках угледобывающих предприятий Кемеровской области один рабочий в среднем занимал менее 2 кв. м²⁵. Несколько выше размер жилплощади на одного человека был в общежитиях промышленности боеприпасов Новосибирска (табл. 3).

Таблица 3

Обеспеченность жильем рабочих промышленности боеприпасов Новосибирска и членов их семей в 1941 – 1943 г.*

Период	Июнь 1941	III квартал 1943 г.
Общий жилфонд, кв. м.	209814	274560
Численность жильцов, чел.	59495	79178
Фактически на 1 чел., кв. м.	3,52	3,46

*Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Новосибирск, 2005. С. 518.

В феврале 1945 г. в жилых помещениях, находившихся в ведении оборонных заводов Томска, на одного работника приходилось 3,6 кв. м²⁶. Низкая обеспеченность трудящихся жильем обуславливалась значительным увеличением численности жильцов, проживавших в домах и бараках предприятий.

В общежитиях отсутствовали нормальные бытовые условия. В 1942 г. на заводе № 564 в бараках, где размещались рабочие, протекали крыши, через щели у оконных переплетов в комнаты проникал холодный воздух. Снег падал прямо на койки. Зимой в жилых помещениях температура снижалась до + 5 градусов. В весенне-летний период из-за таяния снега и дождей в земляных бараках скапливалась вода. Постоянная сырость способствовала быстрому гниению деревянного каркаса землянок, что часто приводило к их обрушению²⁷.

Многие дома и бараки, построенные на предприятиях в начале войны, не имели электрического освещения. Жильцам общежитий выдавались стеариновые свечи. В помещениях, подключенных к электросети, не хватало ламп. В общежитии стройтреста № 48 г. Новосибирска была проведена электропроводка, но отсутствовали лампочки. Многие помещения, обеспеченные электроснабжением, были недостаточно освещены. В общежитии комбината № 179 в каждой комнате имелась лишь одна лампочка мощностью 25-50 Вт²⁸. С наступлением сумерек во многих бараках воцарялась темнота, жильцы не могли заниматься починкой одежды и обуви, другими домашними делами.

Острые бытовые проблемы в общежитиях вызывались отсутствием центрального водоснабжения и канализации. В жилые кварталы, находившиеся возле предприятий, воду привозили в бочках на лошадях один-два раза в день. Из-за ее постоянной нехватки уборка в жилых помещениях осуществлялась очень редко. Полы в комнатах и коридорах были грязными, в углах и под нарами скапливался мусор. Антисанитарные условия способствовали появлению вшей, клопов, тараканов. Территория вокруг бараков загрязнялась отходами. Помой иногда выливались на улицу прямо через окна²⁹.

Рабочие были вынуждены приспосабливаться к тяготам и лишениям сурового быта военного времени. В бараках не хватало предметов повседневного обихода: мебели, бочков для воды и т.д. В начальный период войны около 70 % жильцов общежитий кемеровского завода № 606 не имели тумбочек и табуреток³⁰. В декабре

1942 г. в женском бараке завода № 644 на 50 работниц приходилось два стола, три табуретки, два таза для стирки белья. Из-за отсутствия камер хранения жильцы складывали одежду, обувь и продукты под топчаны. Неотъемлемой частью барачного быта являлись двух- и трехъярусные нары. Нередко спали по двое на одном топчане. На заводе № 677 в одном из бараков 20 чел., не имевшие собственных коек, ночевали в коридорах и на лестничных клетках³¹.

Условия проживания в рабочих общежитиях не соответствовали элементарным нормам гигиены. В конце 1942 г. юношей и девушек, мобилизованных на шахту № 9-15 г. Анжеро-Судженска, поселили в здание бывшей акушерско-фельдшерской школы. Ее помещения не были обеспечены умывальниками, корытами, тазами, бачками. В общежитии не производилась стирка постельного и нательного белья. Подростки и молодые люди не получили мыло и полотенца. У ребят, длительное время не посещавших баню, появились вши³².

Повсеместно ощущалась острая нехватка одежды и обуви. В 1943 г. на предприятиях электропромышленности Новосибирска ими не были обеспечены 5450 чел., в том числе на заводе № 208 – 1100, № 590 – 2200, № 644 – 800, № 617 – 1350³³. Большую часть нуждающихся составляла рабочая молодежь. В мае 1943 г. в Кемеровской области на заводе № 606 летняя одежда отсутствовала у 48 молодых рабочих, сменного нательного белья не имело до 90 % жильцов молодежных общежитий. В июне 1944 г. на комбинате № 179 сотни подростков ходили на работу без нательного белья, в грязных ватных брюках и фуфайках³⁴. В РУ № 2 учащиеся были одеты в грязные и оборванные рубашки, выпущенными поверх брюк. Их босые грязные ноги «цветом не отличались от земли»³⁵.

Из-за отсутствия пригодных жилых помещений, одежды, обуви рабочие оставались ночевать прямо в цехах. В конце 1942 г. в производственных помещениях завода № 65 жили 727 чел.³⁶. На заводах № 590 и 617 жильем не были обеспечены 1380 чел.³⁷. В начале 1945 г. на комбинате № 179 подростки Алексеев и Аверкин круглые сутки находились на предприятии по причине отсутствия мест в общежитиях. Молодой рабочий Бондарь, не имевший обуви, ночевал в цехе два месяца³⁸.

Наряду с тяжелыми жилищно-бытовыми условиями, одной из острых проблем повседневной жизни тружеников сибирского тыла являлся дефицит продуктов питания. В городах действовала жест-

кая карточная система продовольственного обеспечения населения. Рабочие ведущих отраслей народного хозяйства, в том числе оборонной промышленности, получали в день по 800 г хлеба. На месяц им выдавалось по 2 кг мяса, 1,5 кг крупы и макарон, 600 г жиров, 600 г сахара³⁹. К началу 1942 г. в Сибири на централизованное обеспечение было принято около 1,9 млн. рабочих и служащих⁴⁰. Выдача продуктов питания осуществлялась в магазинах, прикрепленных к предприятиям. Кроме того, трудящиеся один-два раза в день питались в заводских столовых, что также засчитывалось в нормы.

Труженики тыла, проживавшие в общежитиях оборонных предприятий, вспоминают о том, что меню военных лет часто состояло лишь из воды с плохо очищенным картофелем или грубо нарубленной капустой. Так, ветеран Томского подшипникового завода Е.Р. Квятковский отмечал, что в столовой на обед, как правило, выдавался суп с мороженой капустой, несколькими картофелинами и перловкой, заправлявшийся хлопковым маслом⁴¹. Пища была низкокалорийной. Рабочие, возвращавшиеся после скудного ужина в бараки, не могли приготовить еду в комнатах, так как в них отсутствовали печки, кухонные столы, посуда.

О тяготах военного лихолетья, способах выживания молодежи рассказывает тогда юный рабочий одного из оборонных заводов Новосибирска: «Мы добросовестно работали в своих сменах, выполняя и перевыполняя нормы выработки. Получали зарплату. Собственно, на величину зарплаты особого внимания не обращали. Все равно, на полученные деньги в магазине нечего было покупать, все давалось по карточкам. Горе было тому, кто терял эти карточки или у него их крали. Тогда – крутись, как можешь. Мы организовывали своего рода коммуны по 4–6 человек, получали продукты и готовили обеды сообща. И все-таки жизнь была нелегкой. Многие подростки от тяжелой работы, плохой одежды и систематического голода заболели. А болезнь часто прогрессировала туберкулезом. Были и случаи смерти.

Продукты для своей коммуны мы добывали по-разному. С завода, всякими путями приносили хлопковое масло, которое нам выдавали для приготовления эмульсии, используемой при вытачивании наиболее ответственных деталей. На этом масле жарили картошку. Часто ездили на Центральный рынок (в то время его называли «Ипподромским базаром»), где продавали свои изготовленные изделия –

замки, зажигалки, наборные ручки к ножам и ложкам. На вырученные деньги покупали что-нибудь съестное»⁴².

Суровый барачный быт оказывал влияние на повседневное поведение трудящихся. Приходя в холодные и сырые общежития после смены, рабочие, не снимая грязные и засаленные спецовки, садились на нары и топчаны, даже заправленные выстиранным бельем. Не имея угля и дров, жильцы барачников использовали в качестве топлива остатки мебели и доски, оторванные от заборов, в уборных, коридорах. Распространялось массовое воровство одежды, обуви, постельных принадлежностей. Особенно негативно тяжелые условия повседневной жизни воздействовали на поведенческие реакции молодых рабочих. Инструктор Дзержинского райкома ВЛКСМ Драйзер после проверки ряда оборонных предприятий Новосибирска отмечал, что в комнатах общежитий подростки кидали под кровати картофельную шелуху, сморкались и плевали на пол. На заводе № 386 в бараках № 4 и 5 молодые рабочие разбили стекла, «ходили по естественным надобностям» в коридорах и на лестничных площадках, отбирали у учащихся школы ФЗО одежду, обувь, обменивали и продавали краденые вещи, воровали продуктовые карточки⁴³.

Время после напряженной смены и у «законопослушной» молодежи не отличалось разнообразием и обычно проходило в бараке-общежитии. «Наша верхотура была постоянно холодной. Стены покрывал иней. Вечерами группами мы ютились у топившихся печей. Грелись. Кое-кто в жестяных банках варил картошку или какие-либо очистки. Делились варевом между собой по-братски. Постоянно хотелось есть. Еду в столовой варили обычно без мяса. Заправляли только какими-то жирами. В меню входили щи, картофель, пареные корнеплоды, овсяная каша. Хлеба давали на день 600 граммов. Чай или кофе – почти без сахара. Туалет был на улице. Кого манило по малой нужде ночью, до туалета не добегали, а прямо писали с крыльца. Это делали в основном мальчишки. Девчонки – те терпели до утра. От мочи образовывалась ледяная катушка. Наш молодой организм требовал усиленного питания. Но его не хватало. Голод заставлял нас искать все, что можно было съесть. Бегали мы в столовую подбирать картофельные очистки. Иногда удавалось что-то принести из корнеплодов. Тогда их варили в большой жестяной банке на плите. Обычно делали это вечером. Сваренные очистки ели все, кто находился у печки»⁴⁴.

Тяготы и лишения обыденной жизни сибирского тыла оказывали негативное воздействие на трудовую дисциплину рабочих. На предприятиях широко распространенным явлением стали опоздания, прогулы, самовольный уход, совершаемые, в основном, молодежью. Численность нарушителей мобилизационного режима труда была очень высока. В 1941–1944 гг. работники треста «Кемеровоуголь» совершили свыше 24 тыс. прогулов. В 1942–1943 гг. из 30 тыс. рабочих, мобилизованных на предприятия Наркомата промышленности боеприпасов Новосибирской области, сбежало 19 тыс. чел. В марте 1944 г. с 12 промышленных предприятий Омска дезертировало 565 чел., в августе – 698 чел.⁴⁵. Одной из основных причин этих нарушений являлось тяжелое материально-бытовое положение жильцов заводских общежитий, проживавших в антисанитарных условиях, отсутствие у них одежды и обуви, острая нехватка продуктов питания. Против «дезертиров» применялись различные наказания: удаление талонов на получение 200 г хлеба из продовольственных карточек, принудительные работы, уголовное преследование.

В начальный период войны в условиях развертывания производственных мощностей эвакуированных предприятий решение материально-бытовых проблем трудящихся оставалось второстепенной задачей. Примерно с 1943 г. администрации, партийные, комсомольские, профсоюзные организации начали уделять больше внимания улучшению жилищных условий, обеспечению рабочих продовольствием, одеждой и обувью. Осенью 1943 г. при подготовке общежитий к зиме на предприятиях электропромышленности Новосибирска было отремонтировано 45 домов и бараков (табл. 4).

Таблица 4

**Ремонт жилья на предприятиях
электропромышленности Новосибирска в 1943 г.***

Наименование объектов	Завод № 208	Завод № 590	Завод № 644	Завод № 617
Дома	10	13	15	2
Общежития	-	3	1	1

*ГАНО. Ф.П-4. Оп.7. Д.791. Л.97.

В Томске во время месячника по благоустройству жилья комсомольцы произвели ремонт в 23 молодежных общежитиях. В помещениях были оштукатурены и побелены стены, покрашены полы и

двери, зашпаклеваны оконные рамы. Комнаты и коридоры стали чистыми, светлыми и для того времени уютными⁴⁶.

В ходе мероприятий по жилищному благоустройству в отдельных рабочих общежитиях было налажено коммунальное обслуживание. В 1943 г. в трех деревянных и брусчатых домах, где размещались учащиеся школы ФЗО № 20, проведено центральное отопление, водопровод, канализация, электроосвещение⁴⁷. Тем не менее, данный пример нетипичен для военного времени. Большая часть общежитий, в которых проживали рабочие предприятий Сибири, не имела этих удобств. Например, в начале 1945 г. на новосибирском заводе № 635 водопроводом было оборудовано 6 % жилых помещений, центральным отоплением и канализацией – 2,7 %⁴⁸. Остальная часть жилфонда предприятия обеспечивалась лишь электроэнергией.

Организовывалось бытовое обслуживание жильцов общежитий. В конце 1942 г. на комбинате «Сибметаллстрой» в жилом квартале рабочей колонны № 26 появилась водопроводная будка, из которой вода ежедневно доставлялась в дома и бараки. В комнатах устанавливались печи, подвозилось топливо. В 1943 г. на заводе № 617 для рабочих общежитий было заготовлено 1400 т угля, 1200 куб. м дров, на заводе № 644 – 365 т и 60 куб. м⁴⁹. Наличие значительных запасов топлива позволяло регулярно отапливать бараки и поддерживать нормальный температурный режим в жилых помещениях.

Улучшению жилищно-бытовых условий трудящихся способствовали также мероприятия по обустройству внутренних помещений заводских бараков. В стахановских общежитиях столы были накрыты клеенками, на окна повешены занавески, постланы дорожки и коврики. Жильцы получали мебель, кровати, постельное белье. При подготовке к зиме 1943/44 г. на заводе № 556 рабочим, проживавшим в общежитиях, выданы 32 тумбочки, 56 табуреток, 12 столов, 60 вешалок. В сентябре–декабре 1944 г. на комбинате № 179 общежития получили 1100 железных кроватей, 861 тумбочку, 3600 табуреток, 630 столов, 450 ведер, 150 тазов. Их жильцам выдали 4560 простыней, 3519 одеял, 6071 матрац, 2992 наволочки⁵⁰.

Особую роль в снабжении трудящихся вещами повседневного пользования играли отделы рабочего снабжения. Ими создавались организации бытового обслуживания работников предприятий. Осенью 1942 г. на заводе № 69 открылись мастерская по пошиву и починке одежды, обуви, парикмахерская. На заводе № 635 заработал

бытовой комбинат, включавший пошивочные мастерские и парикмахерские⁵¹. Часто изготовление одежды и обуви осуществлялось в подсобных цехах предприятий. За 1943 г. на заводе № 65 было сшито 900 хлопчатобумажных костюмов, 230 ватных комплектов, изготовлено 2800 пар обуви, отремонтировано – 3000 пар⁵². В 1944 г. рабочие Алтайского тракторного завода, проживавшие в общежитиях, получили 660 шт. белья, 138 пар ботинок, 26 пар валенок, 44 шт. брюк, 35 меховых шапок⁵³.

Бытовым обеспечением рабочей молодежи, как правило, занимались комсомольские организации. В ноябре 1942 г. в швейной мастерской шахты № 3 г. Киселевска по инициативе девушек-комсомолок была организована починка верхней одежды, нательного белья, обуви молодых шахтеров. В декабре 1944 г. в Новосибирске комитет комсомола завода им. Чкалова при содействии дирекции передал молодежным общежитиям 100 пар валенок, 100 шапок, 300 стеганых брюк и курток, несколько комплектов нательного белья⁵⁴.

Значительную роль в улучшении условий проживания рабочих в общежитиях играли бытовые советы. В 1943 г. в бараках промышленных предприятий Новосибирска действовали 270 таких советов⁵⁵. В конце 1944 г. на заводе № 153 в одном из общежитий избрали бытсовет под руководством комсомольца Кислого. По инициативе его членов открылась прачечная, в красных уголках появились скамейки и тумбочки. Для обеспечения общежития топливом комсомольцы организовали коллективный выезд молодежи за опилками⁵⁶.

Вместе с тем безразличное отношение части юношей и девушек к чистоте и порядку в жилых помещениях ослабляло эффективность мероприятий, направленных на улучшение условий их повседневной жизни. В начале 1944 г. на заводе № 188 комсомольцы провели месячник по благоустройству общежитий. Но из-за низкой бытовой культуры юношей и девушек через некоторое время бараки вновь оказались в антисанитарном состоянии⁵⁷.

Комсомольские организации предприятий стремились привлечь самих молодых рабочих к решению их бытовых проблем. В Новосибирске на одном из военных заводов комсомолец Николай Юрьев, 1927 г. рождения, возглавил шефство над комнатой в общежитии. Юноша следил за чистотой и порядком в помещении, организовал досуг сверстников. В августе 1943 г. на заводе № 188 в месячнике

по благоустройству быта участвовали 210 комсомольцев. Они вели также воспитательную работу с подростками и молодыми людьми⁵⁸.

Одной из форм бытового воспитания юношей и девушек являлись конкурсы на лучшие комнаты. В июне 1944 г. рабочие завода № 296 обязались в течение месяца соблюдать чистоту в жилых помещениях, содержать в порядке имущество, соблюдать правила внутреннего распорядка и посещать баню раз в неделю. В ходе проведения конкурса в общежитиях были побелены стены и потолки, покрашена мебель. Победителей награждали репродукторами, чайниками, стульями, столами, тумбочками, занавесками⁵⁹.

На предприятиях принимались меры по улучшению питания рабочих. Большое значение для организации дополнительного продовольственного обеспечения жильцов заводских общежитий имело развитие коллективного и индивидуального огородничества. С 1941 г. по 1943 г. посевные площади огородов в городах Новосибирской области выросли с 18,7 тыс. до 35,9 тыс. га⁶⁰. В Новосибирске количество огородников из числа работников промышленности увеличилось с 11770 чел. в 1941 г. до 217690 чел. в 1944 г.⁶¹. К 1943 г. более половины рабочих и служащих Сибири имели огороды. На огородных участках трудящиеся сеяли картофель и овощи, которые служили существенным дополнением к скудному меню заводских столовых.

Часть продуктов питания жильцы рабочих общежитий приобретали на городских рынках. Они покупали у частных торговцев картофель и овощи, реже молоко и мясо. Высокие рыночные цены служили значительным препятствием для покупки продовольственных товаров. Не имея достаточных средств, рабочие обменивали вещи на продовольствие в пригородных селах⁶².

В общежитиях создавались условия для приготовления и употребления пищи. Осенью 1943 г. в бараках промышленных предприятий Кагановического района Новосибирска были установлены электрические плитки. Каждый рабочий получил чугунок, тарелку, чашку и ложку⁶³. В результате появилась возможность готовить горячий ужин в жилых помещениях.

Жильцы заводских общежитий проявляли изобретательность при решении бытовых проблем, изготавливали одежду из подручных средств, изыскивали дополнительные источники пропитания. Для зачистки изделий в цехах выдавалось наждачное полотно на хлоп-

чатобумажной основе. Сбереженные куски ткани работницы отстирывали и шили из них платья, халаты. Марля от повязок-респираторов использовалась для изготовления блузок. Из ветоши с хлопчатобумажной пряжей, предназначенной для протирки металлических поверхностей, тщательно выбирались нитки и из них вязались кофты и платки. В общежитиях или прямо в цехах юноши и девушки облепляли железные печи картофельными очистками и пекли их, парили кисель из овсяной шелухи, готовили супы из крапивы⁶⁴.

Важным элементом бытовой среды рабочих общежитий сибирского тыла являлись взаимоотношения между их жильцами. Межличностные отношения были преимущественно проникнуты духом коллективизма и взаимопомощи. Такая социально-психологическая атмосфера, царившая в общежитиях, представляла характерную черту обыденной жизни молодежи. В частности, сверстники проявляли заботу по отношению к подросткам, потерявшим хлебные карточки. Рабочий Томского подшипникового завода Валя Войтко из-за потери карточек исхудал от голода. В течение месяца товарищи делились с ним своим скудным пайком. Взаимопомощь помогала многим юношам и девушкам выживать в военное лихолетье⁶⁵.

Социокультурное пространство заводских общежитий служило не только местом решения материально-бытовых проблем, но и сферой досуга. В начальный период войны на предприятиях, как правило, отсутствовали условия для культурного отдыха. У рабочих, трудившихся на производстве в среднем по 12 часов в день, было очень мало свободного времени. С другой стороны, отсутствие на заводах стационарных культурных учреждений, тяжелые жилищно-бытовые условия в землянках и бараках препятствовали организации целенаправленной культурно-досуговой деятельности.

В связи с этим проведение свободного времени зависело от стихийной инициативы рабочих. В бараках организовывались импровизированные музыкально-хоровые вечеринки, в качестве «музыкальных инструментов» использовались ложки, кастрюли и другие подручные средства. Летом танцы устраивались прямо на улице. Жильцы общежитий вели беседы на различные темы, читали и сочиняли стихи, играли на гитаре, балалайке и пели. От того времени сохранилась масса частушек, в которых отражались надежды и чаяния, связанные с ожиданием мирной жизни, возвращением домой.

«Встань-ка, маменька, пораньше
Да послушай на заре.
Не твоя ли дочка плачет,
На чужой на стороне»⁶⁶.

Иногда общежития становились принудительным местом для проведения досуга. В 1943 г. в Новосибирске администрация школы ФЗО № 29 вместо организации отдыха запирала учащихся в жилых помещениях на выходные дни, чтобы они самовольно не покинули учебное заведение. В ФЗО № 14 Октябрьского района Новосибирска подростки и молодые люди не посещали вечера, кино и театр. По распоряжению директора им запрещалось покидать школу, в том числе и для посещения культурно-массовых мероприятий. Красные уголки в общежитиях не были оборудованы. Единственным развлечением юношей и девушек являлась игра на балалайке⁶⁷.

Со второго полугодия 1942 г. заводские комитеты партии и комсомола стали принимать меры по организации культурного отдыха в рабочих общежитиях. В бараках создавались красные уголки, в которых имелись газеты, журналы, небольшие библиотеки, шахматы и шашки, музыкальные инструменты. В 1942 г. на комбинате № 179 в красных уголках юнгорода насчитывалось 35 гармоний, 1 баян, 40 радиорепродукторов, 10 гитар, 42 балалайки, 4 комплекта шахмат, 25 партий шашек, 2 бильярда. В общежитиях рабочей молодежи были созданы 5 библиотечек-передвижек с фондом 2 тыс. книг⁶⁸. После окончания смены юноши и девушки имели возможность читать художественную, публицистическую, техническую литературу. Особой популярностью среди них пользовались произведения В. Василевской «Радуга», Б. Горбатова «Непокоренные», Н. Островского «Как закалялась сталь», «Рожденные бурей», М. Алигер «Зоя», «Народная героиня», «Герой Советского Союза А. Матросов». Помимо книг, в бараки ежедневно доставлялись газеты. В жилых помещениях было проведено радио и в часы отдыха молодые рабочие могли слушать передачи Совинформбюро и музыку⁶⁹.

Одной из распространенных форм досуга трудящихся являлся просмотр фильмов, демонстрировавшихся с помощью киноустановок. В 1942 г. работники завода № 564 просматрели 248 кинокартин⁷⁰. На заводе № 838 рабочие посещали киносеансы 2–3 раза в неделю. В 1944 г. в ремесленных училищах и школах ФЗО было организовано 1809 культпоходов в кино и театры, в которых приняли уча-

стие 19 тыс. чел.⁷¹. Особой популярностью среди тружеников тыла пользовались кинофильмы на военную тематику – «Два бойца», «Если завтра война», «Нашествие», «Горячее сердце», «Она защищает Родину». Рабочие с интересом смотрели экранизации художественных произведений «Как закалялась сталь», «Дворянское гнездо», лирические комедии и мелодрамы – «Парень из нашего города», «Моя любовь», «Богатая невеста», «Волга-Волга», «Веселые ребята», «Девушка с характером», «Семиклассники», «Цирк», фильмы об исторических личностях – «Александр Невский», «Георгий Саакадзе», «Его зовут Сухэ-Батор», «Давид Бек»⁷².

Партийные и комсомольские организации проводили в рабочих общежитиях политико- и культурно-массовые мероприятия. В 1943 г. в красных уголках общежитий завода им. Чкалова состоялись 64 лекции на общественно-политические темы, 21 встреча с фронтовиками, 87 литературных чтоток, 48 комсомольско-молодежных вечеров, посвященных знаменательным датам⁷³. Особое внимание уделялось идейному воспитанию рабочей молодежи. В октябре 1943 г. в честь 25-й годовщины ВЛКСМ в красных уголках рабочих общежитий Новосибирска и Томска были организованы политдни и комсомольско-молодежные вечера, на которых прозвучали доклады «Об организаторской роли комсомола в тылу», «Героический путь Ленинского комсомола», «Ленинско-Сталинский комсомол в дни Отечественной войны». В них была отражена история зарождения и развития ВЛКСМ, отмечалась деятельность комсомола по мобилизации молодежи в РККА, выполнению народнохозяйственного плана по выпуску продукции для фронта, вовлечению юношей и девушек в бытовую, культурно-массовую, военно-физкультурную работу. Информация о деятельности комсомольских организаций в тылу сочеталась с примерами героизма комсомольцев на фронте. Агитаторы сделали доклады о Лизе Чайкиной, Зое Космодемьянской, Александре Матросове, Викторе Талалихине и других героях Отечественной войны⁷⁴. Их образы и поступки служили патриотическому воспитанию молодежи в духе личного самопожертвования во имя Родины.

Заводские комитеты ВЛКСМ организовывали художественную самодеятельность, проводили мероприятия, нацеленные на культурно-эстетическое воспитание молодежи. В январе-марте 1944 г. в общежитиях учебных заведений трудрезервов Кемеровской области состоялись концерты с участием 5 ансамблей песни и пляски, 33

хоровых, 28 драматических кружков⁷⁵. Учащиеся ремесленных училищ и школ ФЗО посещали литературные вечера и конференции, посвященные творчеству И.А. Крылова, А.П. Чехова, Н. Островского, М. Горького. Ученики РУ № 3 г. Новосибирска слушали лекции о жизни и деятельности русских полководцев – Суворова, Кутузова, Ушакова, Нахимова⁷⁶.

Значительную роль в организации культурного отдыха рабочих на отдельных предприятиях играли бытовые советы. В 1942 г. на заводе № 635, удаленном от Новосибирска, бытсовет назначил в каждой комнате общежитий агитаторов. Агитколлектив возглавлял член комитета ВЛКСМ Степашкин, систематически проводивший беседы и читки с молодыми рабочими. Два раза в неделю комитет комсомола организовывал культурный отдых юношей и девушек. В общежитиях выступала группа музыкантов с баяном или скрипкой⁷⁷. В 1944 г. на Томском подшипниковом заводе бытсовет каждую субботу организовывал в общежитиях танцы под баян и патефон. Проводились спортивные игры: волейбол, футбол, городки.⁷⁸

В годы Великой Отечественной войны рабочие общежития являлись неотъемлемой частью урбанистической среды, оказывавшей специфическое влияние на социокультурную адаптацию работников предприятий тыловых районов страны. Увеличение их роли в процессе интеграции мигрантов в социальное пространство городских поселений Сибири было обусловлено комплексом экономических и социально-демографических факторов. В военных условиях значительное воздействие на обострение жилищной проблемы в промышленных центрах региона оказала эвакуация индустриальных объектов и широких масс населения в восточную часть СССР, что способствовало быстрому росту численности городского населения. Эвакуированные предприятия, остро нуждавшиеся в рабочих кадрах, притягивали крупные контингенты мигрантов, как из европейской части СССР, так и районов Сибири.

Для смягчения жилищной проблемы использовались различные способы: строительство землянок и бараков, размещение промышленно-производственного персонала в жилых домах и служебных помещениях ведомств и учреждений, подселение в частные квартиры и дома. Значительную часть жилфонда предприятий составляли общежития. Половозрастной и социальный состав их жильцов отличал-

ся неоднородностью, хотя все же преобладали подростки и молодые люди, мобилизованные на военно-промышленное производство.

Сложился суровый барачный быт военного времени. Его характерными признаками являлись острый дефицит и низкое качество жилплощади, отсутствие коммунального обслуживания, нехватка вещей личного пользования, продуктов питания. Нерешенность проблем повседневной жизни служила причиной массовых нарушений трудовой дисциплины, асоциального поведения рабочих. В связи с этим партийные, профсоюзные и комсомольские организации предприятий проводили мероприятия по улучшению жилищных условий и бытовому обслуживанию трудящихся. Государственная система распределения материальных благ способствовала выживанию рабочих, но не удовлетворяла в достаточной степени даже их элементарные потребности. Способность жильцов общежитий адаптироваться к повседневной жизни сибирских городов часто зависела от проявленной ими изобретательности и личной инициативы в решении бытовых проблем.

В годы войны рабочие общежития являлись специфической культурно-досуговой средой. Их социально-психологическая атмосфера способствовала налаживанию социокультурной коммуникации как между зрелым и молодым поколениями рабочего класса, так и внутри его отдельных половозрастных групп. Одной из форм межличностного взаимодействия служил стихийный досуг, обеспечивавший неформальное общение между жильцами барачков. С другой стороны, значительную роль в организации отдыха рабочих, проживавших в общежитиях, играла культурно-массовая работа заводских комитетов партии и комсомола.

Таким образом, рабочие общежития в социокультурном пространстве сибирского тыла выполняли важнейшие функции, не только служили формой жилищного обеспечения мигрантов, прибывавших на предприятия, но и способствовали формированию адаптационных механизмов в сфере быта и досуга трудящихся.

*Статья подготовлена при поддержке РГНФ,
проекты № 06-01-00330а и № 07-01-00426а.*

¹ **Рабочий** класс Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1984. С.142.

-
- ² Там же. С.140.
- ³ **Подвиг** земли богатырской. Новосибирск, 1970. С. 73.
- ⁴ ГАНО. Ф.4. Оп.6. Д.76. Л.2.
- ⁵ **Докучаев Г.А.** Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. М., 1973. С. 107.
- ⁶ **Савицкий И.М.** Формирование кадров оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны //Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941 – 1945). Сб. науч. трудов. Новосибирск, 2004. С. 5.
- ⁷ **Постановление** Совнаркома СССР «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения» от 13 сентября 1941 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917 – 1967). Сб. документов. М., 1968. Т.3. С. 34.
- ⁸ ГАНО. Ф.1030. Оп.1. Д.199. Л.75.
- ⁹ **Рабочий** класс Сибири в период упрочения и развития социализма. С. 141.
- ¹⁰ ГАНО. Ф.4. Оп.6. Д.38. Л.25.
- ¹¹ **Оборонная** промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Сб. документов. Новосибирск, 2005. С.165-166.
- ¹² Там же. С.232.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ **Подвиг** земли богатырской. С.80-81, 174.
- ¹⁵ **Оборонная** промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. С.534.
- ¹⁶ **Докучаев Г.А.** Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. С.369.
- ¹⁷ ГАНО. Ф.1117. Оп.1. Д.32. Л.2-3, 35.
- ¹⁸ **История** промышленности Новосибирска. Т.3. Второй фронт (1941–1945 гг.). Исторические очерки. Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2004. С.359-360.
- ¹⁹ **История** промышленности Новосибирска. Т.2. Время, вперед. Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2004. С.136, 149, 193-194.
- ²⁰ ГАНО. Ф.4. Оп.7. Д.518. Л.50.
- ²¹ ГАНО. Ф.190. Оп.2. Д.853. Л.2.
- ²² ГАНО. Ф.190. Оп.2. Д.963. Л.4.
- ²³ ГАНО. Ф.80. Оп.3. Д.121. Л.10.
- ²⁴ ГАНО. Ф.198. Оп.1. Д.171. Л.41.
- ²⁵ **Подвиг** земли богатырской. С.175.
- ²⁶ ГАНО. Ф.607. Оп.1. Д.334. Л.17.
- ²⁷ ГАНО. Ф.22. Оп.3. Д.1594. Л.22-25.
- ²⁸ ГАНО. Ф.4. Оп.7. Д.506. Л.24.

-
- ²⁹ ГАНО. Ф.190. Оп.2. Д.705. Л.4.
- ³⁰ ГАКО. Ф.126. Оп.1. Д.15. Л.60.
- ³¹ ГАНО. Ф.190. Оп.2. Д.705. Л.8.
- ³² ГАНО. Ф.190. Оп.2. Д.671. Л.48.
- ³³ **Оборонная** промышленность Новосибирская область в годы Великой Отечественной войны. С.607.
- ³⁴ ГАНО. Ф.190. Оп.2. Д.795. Л.42.
- ³⁵ ГАНО. Ф.190. Оп. 2. Д.819. Л.31.
- ³⁶ ГАНО. Ф.190. Оп.2. Д.727. Л.10.
- ³⁷ **Оборонная** промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. С.607.
- ³⁸ ГАНО. Ф.738. Оп.1. Д.449а. Л.37.
- ³⁹ **Букин С.С.** Жизненная среда Новосибирска в военное лихолетье // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне. С. 81; **Советский** рабочий класс. М., 1975. С. 220; ГАНО. Ф. П-4. Оп.7. Д.40. Л.75.
- ⁴⁰ **Черняховский У.Г.** Война и продовольствие. М., 1964. С. 83-84.
- ⁴¹ **Из истории** земли Томской. Кто был для фронта мал. Сб. документов. Томск, 2003. С. 107.
- ⁴² **Чуркин А.М.** Мое поколение. Новосибирск: ИД «Сибирская горница», 2006. С. 58-59.
- ⁴³ ГАНО. Ф.4. Оп.6. Д.476. Л.117; Ф.22. Оп.3. Д.1184. Л.98; Ф.190. Оп.2. Д.663. Л.76.
- ⁴⁴ **Чуркин А.М.** Мое поколение. С.53-54.
- ⁴⁵ **Исупов В.А.** Главный ресурс Победы: людской потенциал Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1939 – 1945). Новосибирск, 2008. С. 335.
- ⁴⁶ ГАТО. Ф.1221. Оп.1. Д.132. Л.27-28.
- ⁴⁷ ГАНО. Ф.22. Оп.3. Д.1556. Л.45.
- ⁴⁸ ГАНО. Ф.1117. Оп.1. Д.43. Л.13.
- ⁴⁹ **Оборонная** промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. С. 607.
- ⁵⁰ ГАНО. Ф.190. Оп.2. Д.671. Л.86, 94, 98.
- ⁵¹ ГАНО. Ф.190. Оп.2. Д.705. Л.1; Ф.738. Оп.1. Д.575. Л.12.
- ⁵² ГАНО. Ф.4. Оп.7. Д.508. Л.178.
- ⁵³ **Докучаев Г.А.** Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. С. 369.
- ⁵⁴ ГАНО. Ф.190. Оп.2. Д.658. Л.33.
- ⁵⁵ ГАНО. Ф.190. Оп.2. Д.853. Л.2.
- ⁵⁶ ГАНО. Ф.190. Оп.2. Д.953. Л.60.
- ⁵⁷ ГАНО. Ф.22. Оп.3. Д.1556. Л.190.
- ⁵⁸ ГАНО. Ф.190. Оп.2. Д.972. Л.83.

-
- ⁵⁹ ГАНО. Ф.190. Оп.2. Д.951. Л.68.
- ⁶⁰ **Букин С.С., Тепляков А.Г.** Продовольственная проблема в городах Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Проблемы труда и быта городского населения Сибири (1940-е – 90-е годы). Новосибирск, 1992. С. 20.
- ⁶¹ **Рабочий** класс Сибири в период упрочения и развития социализма. С. 139.
- ⁶² **Букин С.С.** Жизненная среда Новосибирска в военное лихолетье // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне. С. 105.
- ⁶³ ГАНО. Ф.190. Оп.2. Д.954. Л.22; Д.961. Л.36.
- ⁶⁴ **Букин С.С.** Жизненная среда Новосибирска в военное лихолетье // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне. С. 107.
- ⁶⁵ **Из истории** земли Томской. Кто был для фронта мал. С. 120.
- ⁶⁶ «Долга на земле не имею». Рассказывают ветераны // **Букин С.С.** Завод «Искра» в годы Великой Отечественной войны. Исторический очерк и воспоминания ветеранов. Новосибирск, 2001. С. 92.
- ⁶⁷ Там же. Л. 67.
- ⁶⁸ ГАНО. Ф.190. Д.690. Л.105.
- ⁶⁹ **Оборонная** промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. С.416-417.
- ⁷⁰ ГАНО. Ф.190. Оп.2. Д.705. Л.2.
- ⁷¹ ГАНО. Ф.190. Оп.2. Д.953. Л.30.
- ⁷² ГАНО. Ф.190. Оп.2. Д.810. Л.1.
- ⁷³ **Букин С.С.** Жизненная среда Новосибирска в военное лихолетье // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне. (1941 – 1945). С.110.
- ⁷⁴ ГАНО. Ф.190. Оп.2. Д.709. Л. 104-105.
- ⁷⁵ ГАКО. Ф.126. Оп.1. Д.42. Л.4.
- ⁷⁶ Там же. Л.13-14; ГАКО. Ф.126. Оп.1. Д.42. Л.4.
- ⁷⁷ ГАНО. Ф.22. Оп.3. Д.1556. Л.38-39.
- ⁷⁸ **Томская** городская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Сб. документов. Томск, 1962. С.336.

А.А. Долголюк

Индивидуальное жилищное строительство в Сибири в 1946–1970 гг.

Жилище – одно из основных материальных условий существования людей. От степени удовлетворения потребностей в жилье в значительной мере зависит уровень жизни каждого человека. Поэтому, естественно, что в социальной политике советского государства и КПСС решению жилищной проблемы уделялось большое значение. Однако на практике, как по объективным, так и субъективным причинам, за 70-летний срок существования СССР советская власть так и не смогла обеспечить значительную часть населения достойным жильём.

До конца 1920-х годов в России строительство частных домов являлось основным способом удовлетворения потребностей населения в жилище. Однако в ходе социалистической революции параллельно с национализацией основных производственных и финансовых средств, происходило обобществление части жилого фонда. Поначалу значительную долю в нем составили квартиры, реквизируемые у богатых. Позднее государство само стало строить жильё для населения, взяв курс на увеличение доли обобществленного жилья в общем его фонде.

В первое десятилетие советской власти государственное строительство по объемам вводимого в эксплуатацию жилья уступало индивидуальному строительству. Однако в годы первых предвоенных пятилеток ситуация коренным образом изменилась. Доля жилья в частных домах, введенных в эксплуатацию в 1929–1940 гг. не превышала пятой части от общего объема жилищного строительства в СССР¹.

В военное время половина домов в городах, подвергшихся оккупации была разрушена, десятки тысяч сел и деревень сожжены. В таких условиях люди самостоятельно стали восстанавливать разрушенные здания, строить новые. В сибирских городах, где таких разрушений не было, а население быстро росло, одним из путей решения жилищной проблемы также являлось индивидуальное строительство. Поблизости от эвакуированных и восстановленных заводов возникали целые поселки жилых домов, построенные трудящимися

за свой счет и при помощи промышленных предприятий, на которых они работали.

Капитальное жилищно-коммунальное строительство в сибирских промышленных центрах началось лишь с 1943 г. При этом возводились преимущественно малоэтажные деревянные или шлакоблочные и шлаколитые дома. Новых каменных и кирпичных многоэтажных зданий почти не строилось, заканчивалось лишь сооружение начатых ранее. Объемы жилищного строительства были столь малы, что не обеспечивали даже минимума условий для нормальной жизни людей. В крупнейшем городе региона – Новосибирске численность населения за годы войны увеличилась в полтора раза. За это же время в эксплуатацию введено 374 тыс. кв. м жилой площади, т.е. 0,6 кв. м на среднестатистического жителя. Поэтому обеспеченность новосибирцев жильём снизилась с 3,3 кв. м в 1940 г. до 2 кв. м в 1945 г.² Примерно в таких же условиях проживали жители в других административных и индустриальных центрах Сибири.

Таким образом, жилищная проблема в начале 1946 г. была не просто острой, а глубоко кризисной. Однако массовое строительство велось преимущественно в западных районах, подвергшихся оккупации. На развитие социальной сферы восточных районов страны правительство смогло выделить лишь незначительные средства. Их было явно недостаточно, чтобы вывести жилищную проблему из кризиса. Нерешенность социальных проблем могла в свою очередь оказать влияние на экономическое развитие региона. Эту взаимосвязь и взаимозависимость хорошо осознавали в Госплане СССР. Здесь помнили, что в годы войны в Сибирь по эвакуации прибыло более 900 тыс. чел.³

Одновременно для работы в промышленности, строительстве и ряде других отраслей по мобилизации поступили огромные массы трудящихся. Кроме них во время войны в Сибирь перемещены представители депортированных народов и некоторых других «спецконтингентов». Плановая экономика включила их в трудовой баланс народного хозяйства региона. К концу войны они составляли значительную часть занятого населения. Возвращение этих людей в места прежнего проживания могло привести к кадровым проблемам на сотнях предприятий. Поэтому ещё в 1945 г. Госплан СССР стал разрабатывать мероприятия по закреплению рабочих в районах Урала,

Сибири и Дальнего Востока. Основной упор делался на жилищное строительство.

Центральный плановый орган страны считал необходимым в течение 1946–1947 гг. построить на предприятиях 15 ведущих наркоматов в восточных районах жилья в объёме не менее 4,5 млн. кв. м. В сравнении с предыдущим периодом этот план выглядел грандиозным. Однако даже если бы его реализовали, то это давало возможность расселить только половину остро нуждающихся в улучшении жилищных условий.

Жильё предлагалось строить как за счет централизованных государственных средств, так и сверхпланово за счет конкретных предприятий. Так, заводы авиационной, топливной промышленности и сельхозмашиностроения должны были в 1946 г. возвести 11100 индивидуальных домов для продажи их эвакуированным и мобилизованным рабочим, ИТР и служащим. Этим категориям работников, остающимся на заводах на постоянную работу и желающим перевезти свои семьи из мест прежнего жительства, предлагалось помогать финансовыми средствами, стройматериалами, транспортом во время строительства индивидуального жилья, а также содействовать обзаведению другим хозяйством.

Полную передачу в собственность жилых домов частным лицам следовало осуществить лишь через 10 лет с момента вселения. До окончания этого срока его временный хозяин мог передать дом лишь предприятию-застройщику⁴. Таким образом, человек, получивший в собственность индивидуальный дом, становился на 10 лет заложником предприятия.

В советском правительстве осознавали, что выделенных средств на решение жилищной проблемы недостаточно. Поэтому местным советским органам и руководителям трудовых коллективов предлагалось всячески содействовать развитию индивидуального жилищного строительства. Центральные власти разрешили создание на промышленных предприятиях и в строительных организациях специальных фондов на строительные материалы. Финансирование индивидуального строительства осуществлялось в соответствии с постановлением Совета Министров СССР № 1227 от 12 июня 1946 г. В первую очередь оно было направлено на решение жилищных проблем недавних фронтовиков. Кроме этого, преследовалась цель создать условия для закрепления на стройках Урала, Сибири и Дальнего

Востока рабочих, инженерно-технических работников и служащих, проработавших в организациях не менее 3-х лет. Кредиты в размерах до 20 тыс. руб. со сроком погашения в 10–12 лет выдавались всего лишь под 1 % в год. Ссуды коммунальными банками направлялись через те промышленные предприятия и строительные организации, в которых застройщики работали⁵.

Такие условия кредитования, естественно, были привлекательными. Однако размеры выделяемых ссуд были ограничены, также как и материальные ресурсы предприятий и организаций. Поэтому в первую очередь возможность построить индивидуальные дома предоставлялась передовикам и демобилизованным воинам. Так, в 1946 г. в тресте № 30 (со следующего года стал называться «Кемеровотяжстрой») ссуда была оформлена 73 работникам. Её средний размер в расчете на одного заемщика составлял около 10 тыс. руб. – сумма для того времени достаточно солидная. Одновременно выделялись и строительные материалы. Например, трест «Кузнецкшахтострой» в 1949 г. выделил для индивидуальных застройщиков 100 тыс. шт. кирпича, 700 куб. м пиломатериала, почти 1500 куб. м круглого леса, а также гвозди, стекло, горбыль и другие строительные отходы. Это позволило 175 работникам треста построить собственные дома⁶.

Кардинально изменить ситуацию с жильём, организовать крупномасштабное индивидуальное строительство не удавалось. Местные советские и партийные органы, не располагая ресурсами, наличие которых позволило бы реально помочь сибирякам в обустройстве собственными домами, регулярно констатировали неблагополучие в данной сфере. В принимаемых ими решениях и постановлениях в общей форме предлагалось считать жилищное строительство неотложной и первоочередной задачей хозяйственных и партийных руководителей предприятий и строек, вести контроль за выполнением графиков строительства, оказанием помощи застройщикам учреждениями и предприятиями, организовывать соцсоревнование за выполнение и перевыполнение планов жилищного строительства, призывали участников строительства и членов их семей объединяться в артели для совместного сооружения зданий, а сослуживцев оказывать помощь во время массовых воскресников.

Желающих иметь собственное жилье было много. Но потенциальные застройщики должны были соотносить свои доходы с возможными расходами. Это обстоятельство останавливало людей. После

окончания войны лишь очень немногие имели хотя бы незначительные денежные накопления. Оценивая свои текущие доходы, рабочие, инженерно-технические работники и служащие осознавали обременительность возвращения кредитов, хотя они выдавались под очень низкие проценты на относительно длительные сроки.

Выход виделся в постройке небольшого домика из местных строительных материалов. Застройщики самостоятельно, а иногда объединившись в группы, заготавливали лес, организовывали его распиловку, некоторые самостоятельно изготавливали шлакоблоки. Шлак, а также опилки широко использовались для сооружения каркасно-засыпных строений.

Большую помощь в снабжении своих работников стройматериалами оказывали предприятия, организации и учреждения. Ещё более весомым был их вклад в транспортировку различных грузов на место постройки дома. В условиях дефицита стройматериалов, их отсутствия в свободной продаже, сооружение самого примитивного жилья превращалось в хлопотное дело, часто затягивалось на долгое время.

В послевоенные годы советские органы стали больше внимания уделять планировке территории индивидуальных застройщиков, документальному оформлению отвода участков для частных домов. Тем не менее, во многих городах и поселках сохранялась хаотичность в размещении строений. Часто их появление не согласовывалось со службами землеотвода и местными архитекторами. К тому же многие сибирские поселения не имели генпланов и планировочных схем.

Индивидуальное строительство успешнее вели работники тех предприятий, администрация которых стремилась оказать действенную помощь застройщикам. Однако такое наблюдалось не часто. В сложных условиях перестройки экономики на мирные рельсы, дефицитности ресурсов всех видов, для хозяйственных руководителей решение социальных проблем являлось второстепенным делом. Поэтому планы индивидуального строительства в республиках, краях и областях Сибири не выполнялись. В Иркутской области из 758 домов, запланированных на 1946 г. и осуществляемых по ссудам Центрального коммунального банка (Цекомбанк), в эксплуатацию сдан 371 дом, т.е. лишь половина. В Красноярском крае из запланированных на 1947 г. 950 индивидуальных домов в строй вошло только 423, т.е. 45 %⁷.

В Кузбассе, где жилищная проблема была еще острее, чем в целом по Сибири, индивидуальному жилищному строительству отводили важную роль. В этом регионе в составе рабочих, занятых в угольной и металлургической промышленности был очень высоким удельный вес различных спецконтингентов. Закрепление их представителей в трудовых коллективах стало насущной потребностью. Поэтому мобилизованным во время войны, репатриированным, «власовцам» разрешили вызывать семьи для совместного проживания. До этого они жили преимущественно в общежитиях. Теперь же этим работникам предлагалось самостоятельно строить собственное жильё. Но, как и в других регионах, относительно немногие осмеливались начать его. В такой ситуации руководители области решили организовать производство стандартных индивидуальных домов. В частности, такая задача была поставлена перед Мариинским лесозаводом и трестами «Кемеровожилстрой» (г. Кемерово) и «Кузбассжилстрой» (г. Сталинск). При этих двух строительных трестах организованы специальные исправительно-трудовые лагеря, которые должны были построить и сдать в эксплуатацию 30 тыс. кв. м жилья для шахтеров, металлургов и химиков Кузбасса⁸.

Однако по ряду объективных причин, прежде всего из-за нехватки леса и других строительных материалов, плановые задания лагерями систематически не выполнялись. И тем не менее, деятельность двух специальных лагерей в 1947–1948 гг. следует оценить положительно. Во-первых, ими был создан промышленный потенциал для производства индивидуальных жилых домов, включавший в себя целый комплекс кирпичных, лесообрабатывающих, шлакоблочных строительных заводов и сырьевых карьеров, который позднее использовался другими предприятиями и организациями региона. Во-вторых, им всё же удалось построить немало жилья. Так, за два года лишь Кузбасским ИТЛ изготовлено более 2200 индивидуальных домов, которые на льготных условиях реализовывались в кредит шахтерам и металлургам. Параллельно лагеря сооружали фундаменты под строения, а часто доводили дома до полной готовности⁹.

Строительство небольших домов, рассчитанных на одну семью и предназначенных для реализации своим работникам, вели многие крупные промышленные предприятия и строительные организации. Трест «Алтайстрой» Минтяжстроя СССР в 1948 г. построил и продал инженерно-техническим работникам и «лучшим стахановцам» 38

индивидуальных кирпичных домов средней площадью 42 кв. м¹⁰. По нынешним меркам домики небольшие. Однако стать обладателем такого жилища в послевоенные годы было огромной удачей.

В целом в первое послевоенное пятилетие удельный вес жилья, построенного и введенного в действие населением за свой счет и с помощью кредитов, вновь вырос по сравнению с 1930-ми годами и составил по отдельным республикам, краям и областям Сибири свыше 30 % от общего объема построенного жилья. В Кузбассе эта доля составляла половину от введенной в эксплуатацию жилой площади. В этот регион в послевоенное пятилетие в больших количествах поставлялись комплекты сборных финских и немецких домов. Во всех ведущих угледобывающих центрах Кузбасса поблизости от шахт появились кварталы и целые поселки, состоящие преимущественно из таких строений.

В течение следующей – пятой пятилетки объемы жилищного строительства, хотя и выросли, но серьезно не повлияли на обеспеченность населения жильём. Ограниченные ресурсами ведомства стремились переложить на трудящихся как можно большую часть проблем по развитию социальной сферы. Некоторые предприятия вообще не вели строительства домов, другие осуществляли его в очень небольших масштабах. В таких условиях перспектива получения государственного жилья для многих трудящихся оказывалась призрачной. Поэтому количество индивидуальных застройщиков вновь возросло. Государство, по-прежнему, на льготных условиях предоставляло ссуды.

Хотя имелись и сдерживающие факторы. Во многих городах застройщикам приходилось сталкиваться с трудностями при оформлении земельных участков. Их выделение часто затягивалось на длительные сроки, имелись случаи взяточничества. По-прежнему сохранялись сложности с транспортировкой и приобретением стройматериалов. Лишь в самых крупных населенных пунктах имелись специализированные магазины по их продаже. Но и в них не всегда можно было купить лес и пиломатериалы, кирпич, известь, цемент, краску, гвозди, металлоизделия, кровельные материалы.

И тем не менее, с каждым годом становилось всё больше энергичных, целеустремленных людей, готовых, преодолевая все трудности, строить собственные дома. За 1951–1955 гг. в Новосибирской области более 15 тыс. семей построили и вселились в новые дома. Для

желающих строить индивидуальное жильё в 1956–1957 гг. была зарезервирована территория, на которой могло разместиться ещё 8 тыс. домов¹¹.

На постройку больших зданий решались немногие. В основном сооружались небольшие домики – преимущественно от 20 до 36 кв. м жилой площади, не обеспеченные основными видами коммунальных удобств: водоснабжением, канализацией, центральным отоплением. Проблема энергоснабжения также не всегда решалась оперативно.

Некоторые предприятия и организации стали использовать выдачу ссуд как средство для закрепления кадров. Трест «Прокопьевскашхострой» выдал в 1955 г. на индивидуальное строительство кредит в 330 тыс. руб. Из них 55 тыс. руб. было выделено тем из рабочих, прибывших по оргнабору, которые продлили свои договора о работе в тресте. Кроме средств на сооружение индивидуальных домов им выдана ссуда в 525 тыс. руб. на хозяйственное обустройство¹².

Общие тенденции в развитии индивидуального строительства в Сибири можно проследить на примере Иркутской области. Из табл. 1 видно, что объем общей жилой площади, построенной рабочими и служащими за свой счет и с помощью государственного кредита в 1951–1955 гг. удвоился по сравнению с показателями 1946–1950 гг. А в следующем пятилетии он вырос еще в полтора раза, достигнув своего пика. Несмотря на то, что темпы роста строительства индивидуальных домов были высокими, они всё же уступали темпам роста государственного жилищного строительства. Поэтому с каждым пятилетием доля жилья, вводимого в частных домах, неуклонно сокращалась. Примерно две трети жилья, построенного рабочими и служащими, приходилось на городские поселения и одна треть – на сельские. Количественные показатели, характеризующие развитие индивидуального жилищного строительства по различным республикам, краям и областям Сибири различались и иногда существенно, но тенденции происходящих изменений были схожими с теми, что наблюдались в Иркутской области. Заметим, что примерно такими они были и в целом по РСФСР.

В 1957 г., когда государство наконец-то, начало комплексно решать жилищную проблему, индивидуальное строительство в Сибири приблизилось к своему пику.

Таблица 1

Жилищное строительство в Иркутской области в 1946 – 1970 гг.*

	1946–1950 гг.		1951–1955 гг.		1956–1960 гг.		1961–1965 гг.		1966–1970 гг.	
	тыс. кв. м	%	тыс. кв. м	%	тыс. кв. м	%	тыс. кв. м	%	тыс. кв. м	%
Ввод в действие государственными и кооперативными организациями, колхозами и населением общей площади	1451,7	100,0	3625,1	100,0	6014,7	100,0	6020,1	100,0	5699,7	100,0
в том числе:										
1. Государственными и кооперативными предприятиями и организациями	941,7	64,9	2713,8	74,9	4421,1	73,5	4970,8	82,6	5320,0	93,3
Из них:										
жилищно-строительными кооперативами	–	–	–	–	–	–	18,5	0,3	117,6	2,1
2. Рабочими и служащими за свой счет и с помощью государственного кредита	391,0	26,9	748,1	20,6	1130,8	18,8	857,0	14,2	250,6	4,4
Из них:										
в городах и поселках городского типа	251,7	17,3	527,1	14,5	769,2	12,8	559,2	9,3	202,3	3,5
в сельской местности	139,3	9,6	221,0	6,1	361,6	6,0	297,8	4,9	48,3	0,9
3. Колхозами и колхозниками	119,0	8,2	163,2	4,5	462,8	7,7	192,3	3,2	129,1	2,3

*Составлена и рассчитана по данным Отдела капитального строительства Иркутского областного комитета государственной статистики.

В этом году в регионе было построено 38,6 тыс. домов и пристроек к ним общей площадью 1434 тыс. кв. м. Жилая (полезная) площадь составляла 1106 тыс. кв. м, т.е. 77 % от общей. Средний размер одного дома был небольшим, хотя по сравнению с первым послевоенным пятилетием он вырос и равнялся 37,1 кв. м общей площади, из которой на жилую приходилось 28,6 кв. м¹³.

Большие масштабы индивидуального строительства в 1950-е годы были связаны с гидроэнергетическим строительством в Сибири. В связи с созданием водохранилищ из зон затопления Иркутской ГЭС было переселено 18 тыс. чел., Новосибирской – 30, Красноярской – 40, Братской – 68 тыс. чел.¹⁴. Количество перенесенных домов исчислялось тысячами, а число поселков сотнями. В числе передислоцированных оказались населенные пункты, возникшие в процессе колонизации Сибири русскими 2–3 столетия назад, такие как Бердск, Братск, Олонки.

Переезд на новое место и обустройство на нем требовали небольших материальных затрат. Правительственное постановление предусматривало компенсацию расходов на перенос строений и переезд жителей на новые места. Учитывались все возможные затраты населения, начиная от стоимости сноса и заканчивая восстановлением домов на новом месте. Для переселенцев предоставлялся целый комплекс различных льгот. Хотя они были не очень велики, но все же обеспечивали людям возможность создать для себя на новом месте жилье не хуже того, которым они располагали раньше. Переселенцы на два года освобождались от большей части налогов и обязательных поставок государству различной сельскохозяйственной продукции. Нуждающимся выдавался долгосрочный кредит на строительство домов в размере до 10 тыс. руб. с погашением его в течение семи лет, начиная с четвертого года с момента выдачи ссуды. На период переноса строения семьям в течение двух месяцев выплачивались квартирные. Во время переезда государство оплачивало переселенцам четырехдневный заработок. Не менее существенной была материальная помощь – новоселам для застройки отпускались десятки кубометров леса без взимания оплаты за него. Для руководства ходом переноса при местных исполнительных комитетах создавались специальные штабы.

Передислокация поселений представляла собой не только сложную экономическую, но и нравственно-психологическую проблему.

Многие старожилы не хотели переселяться, оставляя родные места, где они родились и выросли, где находились могилы их родных и близких. Для изменения настроения и мнения людей проводились многочисленные собрания жителей. На них доводилась информация об условиях и сроках переселения, говорилось о льготах, которые предоставляло советское правительство, о значении для государства и его экономики сооружения гидроэлектростанций. Несомненно, широко развернутая массово-политическая и разъяснительная работа дала положительные результаты. Большинство населения с оптимизмом и надеждой на хорошие перспективы на новом месте восприняло грандиозную кампанию. К тому же некоторым на старом месте и терять было нечего. Немало семей жило в ветхих и мрачных завалившихся домах. Отношение людей к переселению менялось и в ходе его. Они видели, что на новом месте многие обновляют и существенно расширяют свои дома. Не пустым звуком оказалась и заявленная властями помощь в переселении людям со слабым здоровьем и другим, не способным самостоятельно восстановить свое жилье.

На отведенных для застройки территориях предварительно проводилась планировка. В отличие от других поселений региона она чаще всего выдерживалась. Жилые и иные постройки размещались с соблюдением санитарных и архитектурных норм. Местные власти обеспечивали новые кварталы, улицы электроэнергией и водопроводом. В жилых поселках своевременно строились магазины, иногда клубы. Другие объемы социально-бытовой и культурной сферы в таких поселках если появлялись, то с большим опозданием.

И все же с передислокацией индивидуальных и коммунальных жилых домов было не все гладко. На протяжении всей кампании узким местом являлась проблема транспортировки. Не хватало переселенцам и строительных материалов. Они хорошо обеспечивались круглым лесом, а для распиловки и обработки пиломатериалов в новых городах и поселках не доставало мощностей пилорам и других деревообрабатывающих станков. С перенапряжением работали и столярные мастерские. В торговой сети постоянно случались перебои с продажей цемента, шифера, стекла, кирпича и других строительных материалов.

В ходе переноса поселений действие этих негативных факторов то уменьшалось, то вновь усиливалось. И все же люди стойко пре-

одолевали эти трудности. Используя возможности, предоставляемые государством, местными властными органами, а также взаимопомощь, люди перевозили свои дома на новые усадьбы и обустроивали их. Помогали заложенные столетия назад коллективные традиции, идущие еще от древней русской общины. Собирались артели из родственников, знакомых, соседей и в короткие сроки восстанавливали деревянные дома. Нередко приходилось пользоваться услугами наемных строительных бригад.

Наиболее рачительные хозяева подводили под здания прочные бетонные фундаменты. Многие сделали свои дома выше, сменили в них окна и двери. Воспользовавшись случаем, некоторые увеличили жилую площадь за счет капитальных пристроек, а полезную за счет веранд и террас. Подавляющее большинство меняло кровлю. Многие дома стали иметь железные или шиферные крыши. Обилие бесплатного или дешевого леса обеспечивало возможность всем желающим обзавестись добротными надворными постройками, а также огородить свою усадьбу забором из штакетника или досок.

Передислокация поселений проводилась в сжатые сроки и была связана с темпами строительства основных сооружений станций. Например, город Бердск был перенесен на новое место за пять лет с 1953 по 1957 г. За это время из зоны затопления было перенесено 2458 частных и 114 коммунальных домов. Более 1 тыс. бердчан, ранее не имевших собственного жилья, построили для себя и своих семей новые дома. Всего же около 4 тыс. жилых зданий с надворными постройками разместились на 106 улицах нового Бердска. Индивидуальные дома располагались на огороженных участках в шесть соток каждый. Общая полезная площадь восстановленных и вновь построенных домов составила ок. 140 тыс. кв. м¹⁵.

Еще более масштабные объемы работ пришлось выполнять в связи с сооружением Братской ГЭС. Коллектив строителей рос очень быстро. Обеспечить всех нуждающихся жилплощадью лишь в государственных домах было невозможно. Поэтому в Братске поощрялось индивидуальное строительство. Под застройку в организованном порядке выделялись микрорайоны, бесплатно производилась планировка улиц и усадеб, осуществлялась прокладка дорог, подвод электричества, возводились магазины и т.д. Темпы индивидуального строительства в 1957–1962 гг. постоянно нарастали. С каждым годом в микрорайонах появлялось всё больше домов. А вот с благоус-

тройством застраиваемых территорий длительное время существовало немало проблем. Одновременно проводился перенос домов и других построек из зоны затопления. Всего было демонтировано, перевезено и восстановлено на новых местах 14 тыс. жилых домов с общей площадью 700 тыс. кв. м¹⁶.

Практическая реализация курса на развертывание массового жилищного строительства обеспечила больше возможностей и для индивидуальных застройщиков. Многие лишь в конце 1950-х – начале 1960-х гг. смогли реализовать свои планы по возведению собственного дома. Проектировщики разработали много проектов небольших удобных и недорогих типовых домов. Отдельные ведомства получили от государства больше средств на решение социальных проблем своих работников, а также права по выделению на эти цели дополнительных средств из фондов предприятий. Часть из них они направили на стимулирование индивидуальных застройщиков. На ряде предприятий были организованы комиссии по содействию индивидуальному жилищному строительству. Они оказывали практическую помощь в отводе земельных участков, оформлении кредитов, в снабжении стройматериалами, организации перевозок грузов на строительные площадки.

Профсоюзные комитеты и хозяйственные руководители способствовали объединению застройщиков в строительные коллективы с целью совместного решения задач по землеотводу, приобретению материалов и возведению домов. На Новосибирском авиационном заводе им. В.П. Чкалова в 1957 г. действовало семь таких кооперативов, в которых состояло 250 чел. Эффективным оказалось создание в 1957 г. кооператива индивидуальных застройщиков на Алтайском вагоностроительном заводе. Объединенные в нем 180 застройщиков выбрали совет, который решал основные вопросы, связанные с созданием целого поселка на окраине города Чесноковка (ныне – Новоалтайск). При содействии администрации совет наладил на заводе из отходов производства и сэкономленного сырья изготовление дверей, рам и других, необходимых для строительства изделий. В течение года кооператив построил 109 домов общей площадью более 4,4 тыс. кв. м¹⁷.

Строительство жилых домов населением Сибири за свой счет и с помощью государственного кредита в 1957 г. достигло максимума и составляло 2,9 млн. кв. м общей жилой площади (см. табл. 2).

Таблица 2

**Ввод в действие общей площади в жилых домах, построенных
в Сибири рабочими и служащими за свой счёт и с помощью
государственного кредита в 1957–1970 гг. (тыс. кв. м)***

Регион	1957 г.	1960 г.	1963 г.	1965 г.	1968 г.	1970 г.
Сибирь	2891,0	2539,0	1242,2	889,9	675,9	497,4
Западная Сибирь	2107,0	1808,5	839,0	576,8	481,7	337,2
в том числе:						
Алтайский край	650,2	573,7	197,3	131,9	121,5	94,5
Кемеровская обл.	465,8	417,0	216,8	113,5	101,6	73,9
Новосибирская обл.	383,3	313,0	170,8	115,6	65,9	42,2
Омская обл.	360,2	235,2	105,0	114,8	93,8	71,5
Томская обл.	106,9	99,2	50,1	38,7	35,5	18,3
Тюменская обл.	140,7	170,4	99,0	62,3	63,4	36,8
Восточная Сибирь	784,0	730,5	403,2	313,1	194,2	160,2
в том числе:						
Красноярский край	366,0	322,6	164,5	148,8	94,6	95,1
Иркутская обл.	187,4	179,3	153,4	97,6	51,9	35,9
Читинская обл.	121,8	110,2	35,9	24,8	16,4	8,5
Бурятская АССР	86,1	107,4	44,1	38,7	24,0	15,4
Тувинская АССР	22,7	11,0	5,3	3,2	7,3	5,3
РСФСР	11718	н/д	8377	7299	5896	4982

*Составлена и рассчитана: РГАЭ. Ф.1562. Оп.328. Д.5125. Л.1,3; ГАРФ. Ф.374. Оп.31. Д.5945. Л.81-92; Оп.35. Д.5090. Л.14,15,19,45,46; Капитальное строительство в РСФСР. Стат. сб. М., 1970. С.199; Капитальное строительство в РСФСР. Стат. сб. М., 1971. С.126.

Рабочими, служащими, колхозниками и сельской интеллигенцией построено 126 тыс. домов (табл. 3), из которых 73 % приходилось на Западную и 27 % на Восточную Сибирь. По мнению автора, более широкий размах индивидуального строительства в Сибири объяснялся худшей, по сравнению со средне-республиканской, обеспеченностью местного населения жильём. Многие годами вынашивали планы возведения собственных домов, но для этого не было возможностей. Лишь во второй половине 1950-х годов возросли реальные доходы трудящихся, более доступными стали не только основные строительные материалы, но и расширился ассортимент различных металло- и железобетонных изделий. В это же время усилилась пропаганда индивидуального строительства, а главное – люди стали ощущать реальную поддержку со стороны властей. Опыт двух пред-

шествующих десятилетий показывал, что на государственное жильё надеяться не стоит.

Таблица 3

Строительство жилых домов населением Сибири в 1957–1965 гг.*

Регион	Годы	Количество домов, построенных рабочими и служащими			Количество домов, построенных колхозами, колхозниками, сельской интеллигенцией
		Всего	в том числе		
			в городских поселениях	в сельской местности	
Западная Сибирь	1957	56478	26997	29481	35247
	1960	44019	21900	22119	24080
	1963	20146	10397	9749	9287
	1965	13352	6157	7195	7848
Восточная Сибирь	1957	21236	11180	10056	13103
	1960	16999	9535	7464	7543
	1963	9168	5008	4160	3926
	1965	7217	3972	3245	4293
Сибирь	1957	77714	38177	39537	48350
	1960	61018	31435	29583	31623
	1963	29314	15405	13909	13213
	1965	20569	10129	10440	12141

*Составлена и рассчитана по данным РГАЭ. Ф.1562. Оп.328. Д.5125. Л.1,3; ГАРФ. Ф.374. Оп.31. Д.5945. Л.81-92; Оп.35. Л.5090. Л.14,15,19,45,46.

Пиковые показатели индивидуального жилищного строительства в конце 1950-х гг. были достигнуты почти во всех сибирских регионах, за исключением Тюменской области, причем как в городской, так и в сельской местности. В 1957 г. рабочими и служащими в городах и поселках городского типа построено 38,2 тыс. домов, в совхозах, леспромхозах и машинно-тракторных станциях немного больше – 39,5 тыс. домов. Еще 48,4 тыс. домов возвели колхозники и представители сельской интеллигенции.

В 1957–1960-х гг. беспрецедентными темпами росли государственные капитальные вложения в жилищное строительство. В производственный процесс активно внедрялись индустриальные методы. В панельном и крупноблочном исполнении сооружались небольшие по размерам квартиры, зато благоустроенные и предназначенные для посемейного заселения. Их будущие жильцы не несли никаких материальных затрат. К тому же и квартплата в обобщественном жильё была меньше, чем часто приходилось тратить собственнику индивидуального дома на его содержание.

Интерес к собственным домам стал повсеместно ослабевать. В 1960 г. индивидуальными застройщиками построено в Сибири 93 тыс. домов, т.е. более чем на четверть меньше, чем в 1957 г. Сокращение объемов строительства произошло во всех регионах за исключением Тюменской области и Бурятской АССР. Однако уже со следующего года и в этих районах с каждым годом стали строить собственного жилья все меньше и меньше. Устойчивая тенденция сокращения индивидуального строительства жилья наблюдалась на протяжении всего периода с 1957 по 1970 г. За это время количество жилья (общей площади), построенного рабочими и служащими за свой счет и с помощью государственного кредита, сократилась в Сибири почти в 6 раз и составило в 1970 г. 500 тыс. кв. м. Утрата интереса к сооружению собственных домов наблюдалась как в городах, так и на селе. В целом по РСФСР объем введенного в действие жилья уменьшился в 2,4 раза. В Сибирском регионе спад индивидуального жилищного строительства особенно активно происходил в 1958–1965 гг. Ежегодное сокращение за эти годы составляло около 16 %, а в 1965–1970 гг. – около 8 %. Примерно в таких же пропорциях происходило сокращение капитальных вложений населения в строительство собственных домов. В Сибири их объем в сопоставимых ценах с 1961 по 1968 г. уменьшился с 166,2 млн. руб. до 58,6 млн. руб., т.е. в 2,8 раза, а в Российской Федерации объемы финансовых средств в данный вид строительства жилья сократились за этот же период в 1,9 раза¹⁸. Если в 1957 г. в расчете на каждую тысячу жителей региона возводилось 7 индивидуальных домов, то в 1965 г. – 2, а в 1970 г. всего лишь 1 дом.

Соответственно, сокращалась и доля ежегодно вводимого населением собственного жилья в общем объеме сдаваемой в эксплуатацию жилой площади. В Иркутской области с 27 % в 1946–1950 гг. она сократилась до 19 % в 1956–1960 гг. и до 4 % в 1966–1970 г. Этот процесс происходил повсеместно. Но особенно заметно охладели к собственным домам сельчане. Если в годы 4-й пятилетки удельный вес жилья построенного в сельской местности на собственные средства и с помощью кредита составлял 10 % от общего ввода по области, то в годы 8-й пятилетки всего лишь 1 % (см. табл. 1).

В чем же причина столь резкого изменения отношения населения к строительству собственных домов. Ни правительство, ни КПСС официально не заявляли об изменении своей политики по отноше-

нию к индивидуальному строительству, если не считать ограничений на сооружение частных домов в столицах союзных республик по постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об индивидуальном и кооперативном жилищном строительстве» от 1 июня 1962 г.¹⁹ Однако и реальной поддержки развитию данной сферы не ощущалось.

После впечатляющих успехов по развитию государственного строительства в 1957–1959 гг. у руководства страны, возглавляемого Н.С. Хрущёвым, появились планы расселить большую часть населения в обобщественном жилом фонде, который позволял увеличивать плотность застройки. Его было удобнее и дешевле благоустраивать. Местные власти с энтузиазмом восприняли возрождение с 1962 г. жилищной кооперации. Многоэтажные дома, возведение которых осуществлялось по типовым проектам, гораздо легче поддавались облагораживанию, подведению к ним различных коммуникаций.

Государство фактически постепенно отстранялось от сферы индивидуального строительства, что стало особенно заметным в первой половине 1960-х гг. Результатом такой политики стало сокращение доли жилищного фонда, находящегося в личной собственности граждан. В целом по России с 1960 по 1970 г. её удельный вес в городской местности снизился с 33 до 26 %. И эта тенденция сохранилась до начала 1990-х гг.²⁰

Во всех сибирских регионах принимались планы по индивидуальному строительству. Их показатели рассчитывались от достигнутого уровня, от возможностей и желания людей вести собственное строительство. Но это была та сфера, в которой план не становился законом. За его срыв практически никто не отвечал. Поэтому и планы чаще всего не выполнялись.

Этот вывод следует из показателей таблицы 4. Из неё видно, что в целом по сибирскому региону планы индивидуального строительства жилья, осуществляемые рабочими и служащими в 1960 и 1965 гг. выполнены примерно на две трети. В 1963 г. введено жилья столько, сколько и намечалось. Однако плановые намётки составляли лишь 77 % от уровня, достигнутого в предыдущем году. К тому же показатели, характеризующие степень реализации годовых проектировок сильно различались по регионам. Так в Западной Сибири в 1963 г. Кемеровская, Новосибирская, Омская и Томская области не достигли и без того невысоких показателей ввода жилья в эксплуатацию.

В то же время в Алтайском крае плановые цифры были превышены в полтора, а в Тюменской области в 9 раз²¹.

С каждым годом региональные власти планировали строить за счет населения всё меньше домов. Данный процесс являлся отражением общей ситуации в Российской Федерации. С 1961 по 1965 г. в целом по республике плановые показатели строительства индивидуальных домов населением сократились в 2,4 раза. При этом и постоянно снижающиеся задания по вводу жилья никогда не выполнялись (см. табл. 4). Все это свидетельствовало о том, что как центральные, так и местные власти утратили интерес к данной сфере, перестали её стимулировать и контролировать.

Таблица 4

Планы индивидуального строительства жилья рабочими и служащими в России и Сибири в 1960-1965 гг. и их выполнение (тыс. кв. м общей площади)*

Субъект	Годы	Предусмотрено построить по плану в городской местности, совхозах, леспромхозах	Фактически введено в эксплуатацию	Выполнение планов, %
Россия	1961	20000,0	12327,3	61,6
	1963	12426,7	8377,7	67,4
	1965	8278,4	7299,1	88,2
Сибирь	1960	3778,6	2535,6	67,1
	1963	1230,6	1242,2	100,9
	1965	1303,0	827,6	63,5

*Таблица составлена и рассчитана по данным: ГАРФ. Ф.374. Оп.31. Д.5945. Л.79-92; Оп.35. Д.5090. Л.11,15,41,45,46, 72,76,77.

Такое отношение властей очень быстро ощутили как реальные, так и потенциальные застройщики. Очень многие переориентировались. Они отказались от реализации своих помыслов о сооружении собственного дома, записавшись в очередь на получение государственного жилья. При этом люди экономили свои денежные и материальные средства. Предоставленное им жильё по уровню благоустройства часто оказывалось лучше того, которое они могли бы построить.

В индивидуальном строительстве плановости было значительно меньше, чем стихийности. Не случайно этот вид часто назывался «самодельным строительством» или «самостроем». С выделением территорий под застройку, как и прежде, возникали трудности, «воло-

кита», а то и прямое вымогательство. Следствием такого положения являлось широкое распространение самовольного строительства. Многие дома возводились вопреки генеральным планам и планировочным схемам, что создавало дополнительные трудности для официального оформления документов, часто на уже построенные здания.

Дефицит финансовых средств, потенциальное бремя возврата кредита ориентировали людей на постройку небольших домиков из дешевых материалов. Что касается последних, то их приобретение становилось самой большой проблемой при сооружении даже простого здания. Частный домик из кирпича или камня являлся редкостью. Большая часть домов строилась из круглого леса и лишь изредка из бруса. С 1930-х годов в Сибири строились каркасно-засыпные дома, в качестве утеплителей которых чаще всего использовались опилки и шлак. Начиная с военного времени постепенно укоренилась практика сооружения шлакоблочных и шлаколитых зданий. В лесостепной зоне, при обилии деревьев разных пород, строительной древесиной обеспечить всех нуждающихся застройщиков не могли. Для сооружения стен использовались другие местные материалы – различные глины, камыш, тальник и многое другое. С давних времен в Сибири применялся саман – сырцовый кирпич из глины с добавлением соломы.

Не меньшую сложность представляло приобретение кровельных материалов. Листовое железо, шифер, черепица всегда были в дефиците. Многие крыши обивали досками (тёсом), накрывали толем и рубероидом. В сельской местности для кровли использовались дёрн и даже солома.

При выборе места под застройку многие хотели, чтобы их дом находился поблизости от места работы, часто в полустихийно возникшем рабочем поселке промышленного предприятия. Другие ориентировались на возможность занятия огородничеством, содержания скота и птицы. Для них, в том числе и для городских жителей, основным приоритетом являлся размер земельного участка.

В сельской местности положение с планировкой территории и размещением не только индивидуальных, но и государственных построек было еще худшим, чем в городах. Застройка сел и деревень велась в большинстве случаев без каких-либо планов развития населенных пунктов. Они стали появляться после принятия 12 сентября 1968 г. постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об упорядо-

чении строительства на селе». В соответствии с этим документом были утверждены Правила застройки сельских населенных пунктов, обязательные для всех, включая владельцев индивидуальных домов. В это же время был, наконец-то решен вопрос о введении в штат исполкомов Советов депутатов трудящихся должностей районных архитекторов. Появление на селе этих специалистов означало, если не полное окончание практики самовольных захватов территорий под индивидуальную застройку, то её сужение. На них же был возложен контроль за решением поставленной центральными властями задачи по созданию более привлекательного архитектурного облика сел и деревень²².

Специализированные торговые базы и магазины имелись лишь в городах и некоторых других крупных населенных пунктах. Номенклатура строительных материалов была крайне ограниченной. Даже самое необходимое: пиломатериалы, скобяные металлоизделия, гвозди, цемент, известь, мел, алебастр, олифа, краска часто отсутствовало в продаже.

В таких условиях построить добротный дом становилось делом чрезвычайно трудным. Большую долю среди индивидуальных новостроек составляли «временки», очень быстро ветшавшие. В какой-то мере такое положение в данной сфере закладывалось правительственными решениями. В принятых постановлениях предприятиям рекомендовалось направлять на сооружение индивидуальных домов отходы производства.

С наибольшими трудностями в приобретении материалов сталкивались сельские застройщики. Поэтому здесь до начала 1960-х годов часто появлялись небольшие по размерам «мазанки» с маленькими окнами, крытые дёрном. И все же общей тенденцией на протяжении всего исследуемого периода было увеличение размеров индивидуальных домов, увеличение среди них доли строений, выполненных из цельного леса. С 1957 по 1965 г. в целом по Сибири средняя полезная площадь одного индивидуального дома, построенного в городской местности, увеличилась с 37,1 до 44,8 кв. м, т.е. на 21 %. Долгое время размер домов, возведенных в городах, превышал аналогичные показатели села. Однако в середине 1960-х годов произошел перелом. Еще в 1963 г. средняя площадь сельского индивидуального дома в регионе была меньше городского (40,3 кв. м против

44,2 кв. м). А уже в 1965 г. ситуация изменилась на противоположную (44,8 кв. м против 41,7 кв. м)²³.

Почти все индивидуальные дома строились одноэтажными. Лишь изредка, чаще всего в городах, в новых зданиях сооружались подвальные или полуподвальные помещения. В городской местности застройщикам отводился участок размером от 4 до 6 «соток», а в сельской выделялись большие территории. Индивидуальные дома чаще всего ухудшали архитектурный облик крупных населенных пунктов, уменьшали плотность застройки городов, создавали сложности в развитии коммунального хозяйства и в благоустройстве территорий. Во многих поселках, улицах, застроенных частными домами, отсутствовали дороги с твердым покрытием, тротуары, канализация. Часто имелись проблемы с водоснабжением. Дома отапливались автономно дровами или углем. Кроме электрического освещения в них практически не имелось других коммунальных удобств.

С 1960 г. в стране стали больше внимания уделять благоустройству городов, в том числе частного сектора. Привести его в надлежащий вид было очень сложно. Местные власти обнаружили, что очень большая часть жилых и подсобных строений размещена с нарушением архитектурных норм и никак не вписывалась в утвержденные генеральные планы и схемы районных планировок. Такое положение создавало немалые трудности с подведением коммуникаций, прокладки дорог. Большая доля в индивидуальном секторе ветхих домов ухудшали общий вид отдельных кварталов и поселков. Это в свою очередь сказывалось на отношении местных властей к строительству населением собственных домов. И тем не менее они были вынуждены проводить благоустройство поселков за счет местного бюджета.

В 1930–1950-х гг. поселки из индивидуальных домов часто возникали поблизости от промышленных предприятий. Позднее их старались разместить на окраинах городских поселений. По занимаемой площади «частный сектор» в городах, включая областные центры, занимал более половины селитебных территорий. Так в Новосибирске доля одноэтажных зданий, возведенных в годы первой послевоенной пятилетки составляла половину от общих строений. В 1950 г. почти 90 % всей застроенной территории было занято одноэтажными домами. И такое строительство активно продолжалось в городе ещё многие годы. За 1951–1955 гг. в городе возвели 3270 одноэтаж-

ных индивидуальных домов, хотя уже в этот период их доля в общем жилом фонде всё же начала постепенно сокращаться²⁴.

Подводя итог исследованию проблемы, отметим, что в целом индивидуальное строительство сыграло важную роль в решении жилищной проблемы. Его объемы нарастали в течение трех послевоенных пятилеток, а в 1960-е годы, наоборот, стали быстро сокращаться. Населением возводились небольшие дома, с почти полным отсутствием коммунальных удобств. Большая часть домов имела невзрачный вид, невысоким был и уровень благоустройства частного сектора в городских поселениях.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 07-01-00426а*

-
- ¹ Рассчитано по данным: **Народное** хозяйство СССР в 1977 г. М., 1978. С.411.
- ² Долголюк А.А., Ефимкин М.М., Ламин В.А. Трансформационные процессы в социально-индустриальной структуре Новосибирской области в XX столетии. Новосибирск, 2005. С.85.
- ³ **Алексеев В.В., Исупов В.А.** Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986. С. 147.
- ⁴ РГАЭ. Ф.4372. Оп.46. Д.314. Л.2-4.
- ⁵ **Капитальное** строительство. Сборник важнейших руководящих материалов. М., 1948. С.189-191.
- ⁶ ГАКО. Ф.497. Оп.1. Д.16. Л.217; Ф.830. Оп.1. Д.25. Л.31.
- ⁷ ЦДНИИО. Ф.127. Оп. 14. Д.500. Л.15; ЦХИДНИКК. Ф.26. Оп.20. Д.20. Л.8
- ⁸ **Сибирь** в истории России. Материалы региональной научной конференции. Кемерово, 2006. С.193.
- ⁹ Там же. С. 195, 196.
- ¹⁰ РГАЭ. Ф.8763. Оп.2. Д.88. Л.57.
- ¹¹ ГАНО. Ф.4. Оп.33. Д.2261. Л.147, 155.
- ¹² ГАКО. Ф.887. Оп.1. Д.63. Л.58.
- ¹³ РГАЭ. Ф.1562. Оп.328. Д.5125. Л.1.
- ¹⁴ **Алексеев В.В.** Электрификация Сибири. Ч.2. 1951-1970 гг. Новосибирск, 1976. С.172.

-
- ¹⁵ **Социальная сфера и повседневность сибирского города (XX – начало XXI в.).** Новосибирск, 2007. С.82.
- ¹⁶ **Алексеев В.В.** Электрификация Сибири. С.173.
- ¹⁷ **Букин С.С.** Опыт социально-бытового развития городов Сибири (вторая половина 1940-х – 1950-е гг.) Новосибирск, 1991. С.107,108.
- ¹⁸ **Капитальное строительство в РСФСР.** Стат. сб. М., 1970. С. 194,195.
- ¹⁹ **Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам.** Т.5. 1962–1965 годы. М., 1968. С.95.
- ²⁰ **Капитальное строительство в СССР.** Стат. сб. М., 1986. С.358, 359.
- ²¹ **ГАРФ.** Ф.374. Оп. 35. Д.5090. Л.45.
- ²² **Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам.** Т.7. М., 1970. С.90-95.
- ²³ **ГАРФ.** Ф.374. Оп. 35. Д.5090. Л.14, 15, 19, 45,46.
- ²⁴ **Баландин С.Н.** Новосибирск. История градостроительства. 1945–1985 гг. Новосибирск, 1986. С.13.

С.С. Букин

Социальный перелом: жилищное строительство в городах Сибири на рубеже 1950 – 60-х гг.

В процессе освоения сибирского региона самой острой социальной проблемой являлась жилищная. Особую напряженность она приобрела в ходе форсированной индустриализации, обусловившей резкую диспропорцию в развитии материального производства и социально-бытовой инфраструктуры. Неисчислимы бедствия и лишения принесла Великая Отечественная война, хотя в отличие от населенных пунктов европейской части страны, сибирские города не подвергались прямому разрушению. Их не бомбила вражеская авиация, не обстреливала артиллерия противника. Однако и жители тыловых районов в полной мере испили из чаши военного лихолетья. Наряду с нехваткой продовольствия и полуголодным существованием особенно тяжелыми были жилищные условия горожан. Сибирские города и рабочие поселки, ещё накануне войны испытывавшие большой дефицит жилплощади, приняли более миллиона эвакуированного населения. Усилился приток сельских жителей, прежде всего мобилизованной молодежи, для работы на оборонных и других промышленных предприятиях, в строительстве и на транспорте. Под жилье приспособлялись хозяйственные и культурно-бытовые помещения, в которых устанавливались двухъярусные нары. В спешном порядке строились каркасно-засыпные бараки и землянки, дополнявшие подобный «жилой фонд», введенный в эксплуатацию в годы первых пятилеток. Но и такого жилья не хватало. К концу войны в среднем на одного жителя в Омске и Новосибирске приходилось 2,7 кв. м жилплощади, в Барнауле, Бийске, Рубцовске – около 2, в Томске – 3,6, в Красноярске – 3,3, в Улан-Удэ – 2,2, Якутске – 2,5 кв. м¹.

В послевоенные годы восстановительные процессы были характерны и для восточных регионов России. Это выражалось не только в конверсии оборонных предприятий, но и в нормализации повседневной жизни людей. Особенно остро стояла задача преодоления тотального жилищного кризиса. За первое послевоенное десятилетие в городах и рабочих поселках Сибири государственными орга-

низациями и индивидуальными застройщиками было построено около 30 млн. кв. м жилплощади. Однако существенного повышения обеспеченности ею городского населения не произошло. В расчете на одного человека в Новосибирске в 1953 г. приходилось 3,6 кв. м, в Омске в 1955 г. – 2,9, в Тюмени в 1957 г. – 3,5, в Красноярске – 3,8, в Чите – 4,5 кв. м жилплощади. В городах Кемеровской области, наиболее урбанизированной в Сибири, в начале 1956 г. этот показатель равнялся: в Кемерове – 4,3 кв. м, Новокузнецке – 4,2, Анжеро-Судженске – 3,7, Белово – 2,8, Гурьевске – 4,5, Киселевске – 3,9, Ленинске-Кузнецком – 4,6, Мариинске – 4,5, Междуреченске – 3,6, Осинниках – 4,9, Прокопьевске – 3,7, Тайге – 4,2, Юрге – 4,1 кв. м². Это объяснялось не только быстрым ростом городского населения и отставанием жилищного строительства, но и комплексом конкретно-исторических причин.

В 1950-е гг. отчетливо проявилась вся неэкономичность «дешевого» барачного строительства. Наличие в городах большого числа временных строений, введенных в строй в годы первых пятилеток и в период войны, приводило к тому, что значительная часть из них ежегодно приходила в негодность, выбывала из эксплуатации или требовала капитального ремонта. Сокращение времени, финансовых и материальных средств, достигавшееся при строительстве жилья барачного типа, обернулось огромными затратами на его содержание. Расходы на эти цели в расчете на 1 кв. м жилплощади в бараках были в 4 раза выше, чем в капитальных домах. После капитального ремонта с учетом первоначальных затрат стоимость 1 кв. м жилья барачного типа почти достигала стоимости 1 кв. м благоустроенного жилого фонда³. При этом ежегодно большое число крайне обветшавших временных построек приходилось сносить. С 1946 г. по 1957 г. было ликвидировано 156 барачных строений, построенных в конце 1920-х – начале 30-х гг. для трудящихся Кузнецкого металлургического комбината. Проживавшие в них семьи переселились в другие дома⁴. Поэтому общий прирост жилого фонда был гораздо меньше по сравнению с масштабами нового жилищного строительства.

Особенность индустриального освоения Сибири заключалась в том, что оно в значительной степени охватывало необжитые районы, где практически отсутствовал жилой фонд. Его приходилось возводить заново, причем промышленное строительство опережало гражданское. В начальный период сооружения Братской ГЭС мно-

гие энергостроители размещались в брезентовых палатках. В них проживало более 5 тыс. чел. За 1956–1960 гг. Братскгэсстрой сдал в эксплуатацию 324,3 тыс. кв. м жилья. Палаточные городки на берегах Ангары были ликвидированы, однако нехватка квартир продолжала оставаться одной из самых острых проблем⁵.

Большие проблемы создавало недостаточное финансирование. Основные средства на жилищное строительство из государственного бюджета направлялись на восстановление разрушенных городов и рабочих поселков европейской части страны. Удельный вес ассигнований на эти цели в общем объеме капитальных вложений в регионах Сибири был заметно ниже, чем в РСФСР в целом. В 1946–1950 гг. в Красноярском крае он составил 7,5 %, а в Российской Федерации – 13 %, в 1951–1955 гг. – соответственно 10,8 и 16 %⁶. Причем в ряде сибирских городов расходы на развитие социальной инфраструктуры даже снижались. Если в 1950 г. в Омске доля затрат на жилищно-бытовое строительство в совокупных капвложениях равнялась 24 %, то в 1954 г. – 12, а в 1955 г. – 10 %⁷.

Финансирование жилищного строительства производилось преимущественно через министерства. Их руководство, администрация предприятий нередко не проявляли к социальным объектам должного внимания, направляли основные средства на расширение производства. Иркутская областная партийная конференция, состоявшаяся в январе 1956 г., отметила, что подобная практика «... вошла в систему. Многие руководители считают гражданское строительство второстепенным делом и из года в год проваливают его»⁸.

Для действовавшего хозяйственного механизма был характерен принцип определения эффективности капитальных вложений с позиции экономики отрасли. Многие предприятия строились без соответствующих затрат на жилье и социально-бытовые учреждения. При этом ведомства нередко стремились «привязать» новые заводы и фабрики к старым городам, преимущественно к областным и краевым центрам, чтобы «сэкономить» на развитии и содержании социальной сферы. Такая инвестиционная политика в условиях слабо развитого жилищно-коммунального хозяйства сибирских городов обостряла социально-бытовые проблемы. Кроме того, это приводило к чрезмерной концентрации городского населения в областных и краевых административных центрах, стагнации средних и малых городских поселений⁹.

В середине 1950-х гг. обеспеченность жилплощадью трудящихся радиотехнической промышленности в Новосибирске не превышала 2 кв. м на человека. Тем не менее, за 1954–1955 гг. на жилищное и социально-бытовое строительство для них было затрачено всего 3,5 % общего объема капитальных вложений. Ассигнования, выделенные пяти крупным машиностроительным предприятиям оборонного профиля, позволили ввести в эксплуатацию только одну школу и один детский сад, а жилищное строительство было заморожено. В то же время в жилом фонде машиностроителей приходилось 2,9 кв. м на одного проживающего¹⁰.

Немало предприятий в городах Сибири вообще не участвовало в жилищном строительстве. В Красноярске в течение пятой пятилетки (1951–1955 гг.) 35 % заводов, фабрик и учреждений не построили ни одного квадратного метра жилья. Из 600 предприятий и организаций, расположенных в Тюмени, только 69 осуществляли жилищное строительство¹¹.

Финансирование через ведомства вело также к распылению капитальных вложений на социально-бытовые цели. В сибирских городах имелось немало недостроенных домов, которые в течение длительного времени не сдавались в эксплуатацию только по той причине, что финансовые ресурсы из года в год выдавались каждому предприятию в размерах, недостаточных для завершения строительства¹².

Решение жилищной проблемы существенно тормозилось недостатками в организации строительных работ, причем в гражданском строительстве эти недостатки проявлялись в большей мере, чем в промышленном. За 1955 г. Барнаульский трест «Стройгаз» сдал в эксплуатацию 65 % запланированных промышленных объектов и лишь 45 % жилых и социально-бытовых зданий. В этом же году план капитального строительства в Читинской области был выполнен на 91 %, в том числе по жилищному строительству на 81 %¹³.

В первое послевоенное десятилетие государственные задания по вводу жилья в эксплуатацию в городах Сибири не выполнялись. В течение пятой пятилетки (1951–1955 гг.) жители Новосибирска недополучили 231 тыс. кв. м жилплощади, в Кемеровской области – 570, в Алтайском крае – 230 тыс. кв. м¹⁴. Пленум Новосибирского обкома партии, состоявшийся в январе 1952 г., главными причинами неудовлетворительной деятельности строительных организаций

назвал высокую текучесть кадров, их низкую квалификацию, отставание собственной производственной базы от возрастающих объемов строительно-монтажных работ, недостаточный технический уровень руководства строительным процессом, слабый контроль за его качеством¹⁵.

Жилищное строительство в городах Сибири вели многочисленные строительные организации, подчиненные различным министерствам и ведомствам. В результате нерационально использовались финансовые, материальные и трудовые ресурсы. В Барнауле сооружением жилья занимались 12 организаций. Каждая из них имела свой управленческий аппарат, гараж, органы снабжения и сбыта. В различных частях города изолированно друг от друга создавались 12 производственных баз, свои деревообделочные комбинаты, небольшие заводы по производству железобетона и т. д. Вопрос об объединении или даже кооперации этих строительных организаций не удавалось решить из-за различной ведомственной принадлежности¹⁶.

Строительство велось, как правило, одновременно на многочисленных объектах. Это не только «распыляло» материальные средства, но и давало возможность строительным управлениям производить в первую очередь наиболее выгодные для выполнения плана, капиталоемкие и высокооплачиваемые работы. Напротив, трудовые операции, определяющие ввод объектов в эксплуатацию, но не являющиеся выгодными (например, отделочные работы), отодвигались на задний план¹⁷.

Новосибирский трест № 30 в 1956 г. вел строительство в пяти районах города, в которых насчитывалось 25 отдельных строительных площадок. На некоторых из них трудилось лишь несколько рабочих. Трест «Томскстрой», где на основном производстве было занято 475 чел., в 1954 г. производил строительные работы одновременно на 72 объектах, т.е. на каждый из них приходилось шесть-семь строителей. При этом квалифицированные кадры часто «перемещались» с одного объекта на другой. Трест «Иркутскстрой», имевший годовую программу освоения капитальных вложений 31 млн. руб., соорудил 52 здания, принадлежавших 26 заказчикам. Бурятский трест № 1 строил одновременно почти 200 объектов. Объемы незавершенного строительства неуклонно росли¹⁸. Только в Алтайском крае на 1 декабря 1957 г. они достигли 1400 млн. руб., или более годовой программы всех строительно-монтажных работ¹⁹.

Низким оставалось качество строительства. В Кемеровской области в 1956–1957 гг. из 130 построенных объектов жилищного и социально-бытового назначения оценкой «хорошо» были отмечены только 19. В Тюмени в 1957 г. убытки от брака, допущенного при строительстве жилья, составили 2 млн. руб.²⁰. Это приводило к увеличению сроков и удорожанию строительства. В Иркутской области за 1954–1955 гг. сверхнормативное превышение стоимости строительных работ достигло 110 млн. руб. На эту сумму можно было бы построить около 100 тыс. кв. м жилплощади²¹.

В городах Сибири отсутствовала прочная база производства строительных материалов, намного меньше, чем в европейской части страны, использовались изделия и конструкции из сборного железобетона. Слабо внедрялось типовое проектирование. С 1950 г. по 1954 г. в Новосибирске строилось 222 жилых дома, из них 213 по индивидуальным проектам и только 9 по типовым. Чрезмерно велика и разнородна была номенклатура строительных деталей. В новосибирском строительном тресте № 7 изготавливалось 40 типов оконных переплетов и 36 – дверных полотен. Трест № 30 применял более 1000 типов различных деревянных конструкций и 225 различных видов железобетонных изделий. Все это не давало возможность организовать поточное производство строительных деталей²². В трудовых коллективах строителей отмечалась высокая текучесть кадров, слабо распространялся передовой опыт, происходили многочисленные случаи нарушений трудовой дисциплины. В целом рост сибирских городов сдерживался как объективными трудностями, так и недостатками в организации жилищного строительства.

Начало коренному перелому в решении жилищной проблемы как в стране в целом, так и в её восточных регионах положило принятое 31 июля 1957 г. постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР», в социальном плане имевшее подлинное историческое значение²³. Предусматривалось резко увеличить объем жилищного строительства, значительно повысить капитальные вложения на эти цели. Расширились местные источники финансирования. Намечались конкретные меры по увеличению производства строительных материалов, внедрению прогрессивных методов строительных работ. В движение пришла вся административно-командная система, развертывание жилищного строительства приобрело для неё характер важнейшей целевой установки.

В Красноярском крае вопросы ускорения жилищного строительства обсуждались во второй половине 1957 г. на 42 пленумах партийных комитетов и 24 собраниях партийного актива²⁴. В это же время пленум Новосибирского обкома КПСС постановил считать важнейшей задачей партийных, советских, профсоюзных и хозяйственных организаций расширение жилищного строительства в городах области, снижение его стоимости и улучшение качества, безусловное выполнение плановых заданий, полное использование имеющихся мощностей и внедрение новых эффективных строительных конструкций и изделий²⁵.

В Тюмени проблемы жилищного строительства летом и осенью 1957 г. дважды обсуждались на пленумах горкома КПСС, систематически рассматривались на заседаниях его бюро, совещаниях хозяйственных руководителей, секретарей партийных организаций и председателей профсоюзных комитетов. С целью обобщения и распространения передового опыта были проведены две производственно-технические конференции, городское собрание строителей и работников предприятий стройматериалов. Бюро горкома партии направило на работу в строительные организации более 100 коммунистов. Ответственные работники областных и городских партийных органов закреплялись для контроля за наиболее важными пусковыми объектами²⁶.

Произошли изменения в организации строительства. В городах были созданы единые строительные управления. При горисполкомах образованы отделы капитального строительства. Эта перестройка принесла положительные результаты.

Во-первых, было положено начало уменьшению распыленности и более полному использованию капитальных вложений на жилищное строительство. Так, ОКС Новосибирского горисполкома в 1957 г. принял от различных ведомств 60 объектов, многие из которых строились более пяти лет и не были готовы для ввода в эксплуатацию. Объединение средств позволило уже в 1957 г. закончить строительство большинства этих зданий и приступить к возведению крупных жилых массивов на свободных площадях Кировского и Дзержинского районов.

Во-вторых, централизация проектирования жилищного строительства дала возможность избавиться от излишнего многообразия и разнотипности проектов зданий. Если раньше в Новосибирске четы-

рех- пятиэтажные дома возводились по 75 проектам, предусматривавшим огромное количество различных типов и размеров строительных деталей (только общее количество видов железобетонных изделий достигало 1 тыс.), то теперь стали закладываться дома двух типов: малометражные на 40 и 80 квартир и крупнопанельные на 80 квартир.

В-третьих, создание единого строительного управления в каждом городе позволило углубить специализацию строительных организаций, способствовало индустриализации строительного дела.

Принятые меры оказали влияние на темпы жилищного строительства. В Новосибирске за 10 месяцев 1957 г. строительное управление совнархоза сдало в эксплуатацию жилья вдвое больше, чем за соответствующий период предыдущего года. Выпуск товарной продукции трестом «Железобетон» увеличился в 1,5 раза. Трест «Отделстрой» выполнил в 2 раза больше отделочных работ, чем все специализированные организации, входящие в состав отдельных строительных трестов²⁷.

Положительные результаты принесло создание комплексных строительных бригад. Производительность труда в них возросла на 30–35 %, заработок увеличился на 20–25 %, что стимулировало трудовую деятельность. Более благоприятными стали условия для повышения квалификации рабочих и освоения ими нескольких профессий. Например, одна из таких бригад, трудившаяся в Тюмени, состояла из 25 чел. Она была разделена на звенья, в каждое из которых входили каменщик, плотник и подсобный рабочий. Одно звено находилось в резерве и использовалось для усиления других звеньев. Здания стали строиться значительно быстрее. Если ранее 20-квартирный дом возводился не менее года, то комплексная бригада, начав строительство такого дома в январе 1957 г., уже в марте сдала его под отделочные работы²⁸.

В соответствии с духом «хрущевской оттепели» стал практиковаться общественный контроль за качеством жилищного строительства. В ряде городов Сибири были созданы общественные контрольные посты на строящихся жилых объектах, в состав которых входили будущие жильцы. В Новосибирске, например, было организовано 312 таких постов, насчитывавших 906 чел. От их внимательных глаз не укрывались даже малейшие недоделки²⁹.

Но, безусловно, особенно важное значение для масштабного решения жилищной проблемы имела индустриализация строительства. В конце 1955 г. в Норильске был построен первый в Сибири полигон для изготовления конструкций из сборного железобетона. На заводах строительных деталей и кирпичном развернулось производство цементно-фибролитовых плит, крупных кирпичных блоков. В 1956 г. по сравнению с 1955 г. их выпуск возрос более чем в 3 раза. Это позволило полностью обеспечить потребности жилищного строительства в крупноразмерных железобетонных и фибролитовых плитах, а также в значительной степени – в крупных кирпичных блоках³⁰.

В Омской области на развитие строительной индустрии за 1956–1957 гг. было вложено 275 млн. руб. Мощности заводов и полигонов сборного железобетона возросли с 4 тыс. до 10 тыс. куб. м в месяц. Организовано массовое производство плиточных перекрытий, лестничных маршей, прогонов, фундаментных блоков и т.д. Применение сборного железобетона на 1 млн. руб. капитальных вложений в жилищное строительство увеличилось с 65 куб. м в 1955 г. до 200 куб. м в 1957 г. В результате только трест № 2 почти в 3 раза сократил сроки сооружения четырех- пятиэтажных домов и обеспечил их ввод в эксплуатацию в течение 5–6 месяцев с начала стройки³¹.

На развитие производственной базы треста «Читстрой» за 1956–1957 гг. было израсходовано более 10 млн. руб., получено много новой техники. В коллективе сложились постоянные квалифицированные кадры. Это позволило тресту в 1957 г. выполнить объем работ в 2 раза больше по сравнению с 1956 г.³².

В конце 1950-х гг. в Новосибирске, Кемерово, Красноярске и ряде других городов Сибири вступили в строй первые очереди комбинатов крупнопанельного домостроения. Примечательно, что в их сооружении активное участие приняли городские жители. В субботние и выходные дни тысячи горожан приходили на помощь строителям. Только на строительстве Кемеровского домостроительного комбината осенью 1960 г. в воскресниках участвовало от 200 до 500 жителей³³. Внедрение крупнопанельного и крупноблочного домостроения стало главным направлением индустриализации строительства, позволило заметно ускорить решение жилищной проблемы. В Новосибирске в 1961 г. было сдано в эксплуатацию 54 новых 80-квартирных крупнопанельных дома, что составило пятую часть

от общей площади, введенной в строй в этом году. А уже вскоре эта доля превысила половину и с каждым годом продолжала нарастать.

В жилищном строительстве происходил переход от квартальной планировки к созданию новых микрорайонов. Началось формирование «Затулинского», «Волочаевского», «Кропоткинского» жилмассивов, микрорайонов «Ботанический сад» и «Северный». Правда, город застраивался преимущественно типовыми жилыми зданиями до 5 этажей высотой, что при ограниченности типов проектов, строительных и отделочных материалов приводило к однообразию и невыразительности застройки микрорайонов.

Этапы изменений, происшедших в строительном деле, отчетливо прослеживаются на примере Ангарска – нового города, возникшего в необжитой таежной местности. С 1948 г. по 1955 г. здесь строились двух-, трехэтажные дома преимущественно по индивидуальным проектам. Стены их возводились из кирпича и мелких блоков. Ежегодно в строй вступало 35–40 тыс. кв. м жилплощади, причем стоимость 1 кв. м составляла 1530 руб. В 1955–1956 гг. произошел переход на застройку города по типовым проектам серии 0-11. При сооружении четырехэтажных домов использовались сборные конструкции, перекрытия, прогоны и т.д., но стены по-прежнему строились из кирпича. Производительность труда и темпы жилищного строительства возросли. Однако и стоимость 1 кв. м жилплощади повысилась до 1697 руб., так как сборные конструкции и детали изготавливались хотя и индустриальными, но еще несовершенными методами. Тем не менее был сделан заметный шаг на пути индустриализации строительства. Ежегодная сдача жилья в эксплуатацию увеличилась до 55–60 тыс. кв. м. В период с 1957 г. по 1959 г. застройка Ангарска производилась четырехэтажными зданиями в крупноблочном исполнении. Сборность домов новой серии достигла 60 %, производительность труда одного рабочего выросла более чем в 2 раза. Перед ангарскими строителями встал вопрос о переходе на крупнопанельное сооружение жилых домов. В городе была проведена тщательная подготовительная работа, которая предрешила успех дела. Коллективы двух строительных организаций уже в 1959 г. приступили к застройке одного из кварталов крупнопанельными зданиями. В этом году в крупнопанельном исполнении было введено в строй 8,3 тыс. кв. м жилья, в 1960 г. – 64,2, в 1961 г. – 96 тыс. кв. м. Таких темпов крупнопанельного жилищного строительства Сибирь еще не знала.

Стоимость одного кв. м жилплощади снизилась до 1170 руб. (после деноминации рубля в 1961 г. – 117 руб., что не превышало среднемесячную зарплату рабочего средней квалификации).

Удачным оказался и проект застройки города. Его разработала проектная группа Ленинградского института градостроения. Проектировщики стремились придать Ангарску своеобразный архитектурный облик, обеспечить удобства для его жителей. Жилая зона в нем отделялась от промышленной полосой соснового леса, который служил своеобразным санитарным щитом. В городской черте оставались лишь немногие предприятия легкой и пищевой промышленности³⁴.

Существенным дополнительным фактором решения жилищной проблемы стало строительство жилья хозспособом. Суть метода состояла в том, что дома возводились за счет внутренних ресурсов предприятий силами их трудовых коллективов. Этот почин, внедренный во второй половине 1950-х гг. в Горьком, Свердловске, Челябинске, получил широкое распространение и в сибирских городах. На предприятиях создавались советы содействия жилищному строительству, выбранные на собраниях трудовых коллективов. Они занимались изысканием средств, материалов, механизмов для заводских строек, решали другие вопросы. Партийные и профсоюзные организации проводили активную организационную работу среди трудящихся, привлекая их к решению жилищной проблемы. На предприятиях организовывалось производство строительных материалов, использовались промышленные отходы для изготовления дверей, оконных рам, перекрытия и кровли, рабочие разных профессий обучались строительным специальностям. В Новосибирске, например, все это позволило уже к 7 ноября 1957 г. ввести в строй хозспособом 41,3 тыс. кв. м жилплощади. В городах Иркутской области за 1956–1957 гг. этим методом было построено 82 тыс. кв. м жилья³⁵.

Барнаульский горком партии в январе 1957 г. детально рассмотрел возможности каждого предприятия по организации строительства жилья своими силами. Пленум городского комитета КПСС, обсудив вопрос «О мерах расширения жилищного строительства», утвердил напряженный план сооружения домов. Предприятия города с заинтересованностью приступили к его осуществлению. Если ранее строительством жилья занимались 40–50 заводов и фабрик,

выступая преимущественно в роли заказчиков, то в 1957 г. их стало 140, причем 73 предприятия возводили дома хозяйственным способом. Широко применяли его заводы транспортного машиностроения, станкостроительный, вагоноремонтный, меланжевый комбинат, овчинно-меховая фабрика и др.³⁶. Примечательно, что и в этом деле проявился коллективизм того поколения сибиряков. Например, на стройках красноярского завода «Сибтяжмаш» и некоторых других, ряда омских предприятий, трудились не только будущие жильцы, но и в порядке взаимопомощи их товарищи³⁷.

В новых благоприятных условиях значительно расширилось индивидуальное жилищное строительство. Для его поддержки выделялись крупные государственные ассигнования. Беспроцентные ссуды предоставлялись сроком на десять лет с погашением начиная с третьего года. Рабочие и служащие Омской области в 1956–1958 гг. за счет личных сбережений и с помощью государственного кредита построили свыше 11 тыс. домов, или больше, чем за предыдущие 10 лет. В городах и рабочих поселках Красноярского края и Иркутской области индивидуальные застройщики в 1960 г. ввели в строй 603 тыс. кв. м жилья, тогда как в 1950 г. – 129 тыс. кв. м³⁸.

Более действенной стала помощь, которая оказывалась трудящимся, строившим собственные дома. На предприятиях организовывались комиссии содействия индивидуальному жилищному строительству. На Новосибирском авиационном заводе им. В.П. Чкалова деятельность такой комиссии выражалась в конкретных практических делах. Каждый из ее членов имел определенное задание. Одни занимались отводом земельных участков, другие – оформлением государственной ссуды, третьи – изысканием стройматериалов и автотранспорта для перевозки и т.д.

Но особенно важным явилось объединение трудящихся в строительные кооперативы для совместного возведения домов. На заводе им. В.П. Чкалова в 1957 г. было создано семь таких кооперативов, в которые вошли более 250 чел. На собраниях они избрали правление, председателя и казначея. Каждый член внес первый пай в размере 1500 руб. Эти средства были положены на сберкнижку и расходовались по мере необходимости. На Новосибирском металлургическом заводе в кооперативе состояло 100 рабочих, ИТР и служащих. Администрация предприятия оказывала им большую помощь в обеспечении строительными материалами, выделяла транспорт³⁹.

Плодотворным оказалось создание в 1957 г. кооператива индивидуальных застройщиков на Алтайском вагоностроительном заводе. Члены этого объединения были разделены на производственные «пятерки», каждая из которых вела строительство определенного дома. Избранный на общем собрании совет решал вопросы организации строительных работ. Из отходов производства и сэкономленного сырья на заводе наладили изготовление дверей, рам, опалубки и т.д. Объединение индивидуальных застройщиков в сравнительно короткие сроки дало ощутимый эффект. Если в 1956 г. индивидуальное строительство вели 52 рабочих, ИТР и служащих, то в 1957 г. – 180. В течение года они освоили 781 тыс. руб. государственной ссуды, построили 109 домов общей площадью 4445 кв. м. На окраине города Чесноковки вырос новый поселок. Одна из его улиц получила название Коллективной в память о совместном труде по строительству жилищ. Немало подобных поселков возникло и в других сибирских городах⁴⁰.

Однако в целом возможности индивидуального строительства в городах и рабочих поселках Сибири использовались далеко не полностью. Трудящимся, строившим собственные дома, остро не хватало строительных материалов, им нередко несвоевременно отводились земельные участки. В 1959 г. в Томске они смогли купить лишь 4 млн. шт. кирпича, тогда как требовалось 14 млн. Горисполком отвел под индивидуальную застройку 715 участков вместо запланированных 1870. В Тюмени продажу строительных материалов вела одна торговая база, которая в 1959 г. обеспечила потребности индивидуальных застройщиков в шифере на 25 %, реализовала им 1 тыс. куб. м пиломатериалов, тогда как необходимо было 42 тыс. куб. м⁴¹.

Индивидуальное строительство того времени являлось ограниченным методом решения жилищной проблемы. Его значение состояло в том, что оно повышало уровень обеспеченности населения жильем. Вместе с тем индивидуальное жилищное строительство уменьшало плотность городской застройки и увеличивало протяженность коммунальных коммуникаций. Многие поселки, образованные из одноэтажных разнотипных домов, оставались неблагоустроенными. В них отсутствовали дороги, тротуары, водопроводная и канализационная сети.

Более прогрессивным по сравнению с индивидуальным является жилищное кооперативное строительство. Оно дает возможность применять на стройках индустриальные методы труда, использовать современные строительные материалы, сдавать в эксплуатацию массивы благоустроенных многоэтажных зданий.

Первые кооперативы в Сибири возникли летом 1924 г. в Иркутске, Красноярске, Тайге. Вначале они ставили своей целью ремонт арендованных ими домов, но затем стали вести и жилищное строительство⁴². За 1924–1937 гг. жилищная кооперация ввела в эксплуатацию в городах Российской Федерации 7270 тыс. кв. м жилплощади, что позволило обеспечить жильем более 1 млн. чел. Однако осенью 1937 г. было запрещено выдавать жилищно-строительным кооперативам государственную ссуду, а принадлежавшие им строительные организации и предприятия стройматериалов ликвидировали. Это привело к резкому сокращению числа кооперативов. В 1957 г. в РСФСР их насчитывалось всего 60, в том числе 41 – в Москве⁴³.

Возрождение кооперативного жилищного строительства произошло в начале 1960-х гг. В октябре 1962 г. было принято специальное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о поддержке и развитии жилищной кооперации в крупных городах страны, в т.ч. в сибирском регионе. Первые жилищно-строительные кооперативы возникли в Омске, Новосибирске, Красноярске, Иркутске. Для кооперативных застройщиков создавались благоприятные условия. Первоначальный взнос в кооператив составлял 30 % от сметной стоимости квартиры, для оплаты остальной части предоставлялся кредит с взиманием 1 % годовых, а с ноября 1964 г. – 0,5 %. Места под кооперативные дома отводились в обжитых районах с развитой коммуникационной инфраструктурой, строительные материалы и оборудование отпускались по государственным расценкам. Однокомнатная квартира в среднем стоила 2587 руб., двухкомнатная – 4311 руб., 3-комнатная – 5748 руб. В конце 1960-х гг. в связи с удорожанием строительства цены увеличились, соответственно, до 3233 руб., 5388 руб. и 7184 руб. Деньги по тому времени немалые, но даже поднятие расценок не уменьшило число желающих внести личный пай в решение жилищной проблемы. Это свидетельствует о том, что нужда в жилье была крайне острой, а необходимые для первоначального взноса средства, подкрепленные государственным кредитом, у населения имелись. К тому же часть денег можно было за-

нять у родственников или близких знакомых. По данным выборочного обследования ВЦСПС, в Новосибирске 40–50 % пайщиков кооперативов составляли рабочие со средним доходом на одного члена семьи 45–60 руб. в месяц⁴⁴. В таких условиях все более широкие слои населения обращались к жилищной кооперации. В 1962–1965 гг. только в Новосибирске для неё было введено в строй 248 тыс. кв. м общей площади в благоустроенных капитальных домах⁴⁵.

В сибирских городах также изыскивались некоторые другие, дополнительные пути быстрее увеличения жилого фонда. Так, в Красноярске в 1956 г. было принято решение надстроить третьи этажи на двухэтажных домах. Это давало заметную экономию средств, особенно за счет использования имеющихся систем водо- и электроснабжения, канализации и теплофикации. Такой метод увеличения жилого фонда применялся также на Кузнецком металлургическом комбинате. Здесь надстраивались четвертые этажи на трехэтажных домах. В результате в каждом здании удалось дополнительно получить по десять трехкомнатных квартир⁴⁶.

В качестве одной из мер, направленных на сокращение нехватки жилья, использовались уплотнение или переселение учреждений и организаций, размещавшихся в жилых помещениях. В Новосибирске к марту 1957 г. было выявлено более 12 тыс. кв. м жилплощади, занятой не по назначению и подлежащей освобождению. В течение 1957 г. в Барнауле таким путем удалось получить 3,2 тыс. кв. м жилья и расселить в нем свыше 100 семей. В Красноярске за счет уплотнения учреждений было предоставлено жилье 400 семьям, проживавшим в аварийных домах, землянках и бараках. В Тюмени освободили 4 тыс., а в Чите 3 тыс. кв. м жилплощади, занятой различными организациями⁴⁷.

На рубеже 1950-х–60-х гг. возросший экономический потенциал советского общества, усиление внимания к социальной сфере позволили в 3–4 раза увеличить темпы жилищного строительства. Если в течение четвертой пятилетки в Новосибирске было введено в строй 210 тыс. кв. м жилплощади, в пятой – 447 тыс., то за 1956–1959 гг. – 1376 тыс. кв. м. Трудящиеся Омска в 1957–1958 гг. получили 730 тыс. кв. м жилья, или в 2 раза больше, чем за предыдущие пять лет. В Иркутской области в 1954–1955 гг. было построено 523,6 тыс. кв. м жилплощади, в 1956–1957 гг. – 1,5 млн. и в 1958–1959 гг. – 1,7 млн. кв. м.

В городах и рабочих поселках Бурятской АССР в шестой пятилетке введено в эксплуатацию 1175,4 тыс. кв. м жилья, или в 1,6 раза больше по сравнению со всем послевоенным десятилетием⁴⁸.

Именно во второй половине 1950-х гг. произошел заметный сдвиг в обеспеченности городского населения Сибири жилплощадью. Если ее размер в расчете на одного человека в 1940 г. в Новосибирске составлял 3,5 кв. м, а в 1955 г. – 3,7, то в 1960 г. – 5,6 кв. м. В Омске этот показатель в 1950 г. равнялся 3,4 кв. м, в 1956 г. – 3,8, а в 1960 г. – 5,8 кв. м. По степени обеспеченности жильем сибиряки практически достигли среднереспубликанского уровня. В начале 1960 г. в городах и рабочих поселках РСФСР в среднем на одного человека приходилось 6,0 кв. м, в Западной и Восточной Сибири – 5,9 кв. м жилплощади⁴⁹.

Произошли существенные изменения в благоустройстве городского обобщественного жилого фонда. С 1950 г. по 1960 г. в его составе удельный вес жилплощади, оборудованной водопроводом, повысился в Новосибирской области с 19 до 30 %, в Красноярском крае с 14 до 37, в Иркутской области с 12 до 34 %, канализацией – соответственно с 17 до 27 %, с 11 до 34 % и с 8 до 32 %, централизованным отоплением – с 18 до 31 %, с 14 до 40 и с 9 до 35 %. В Новосибирской области 16 % квартир были оборудованы ванной или душем, 14 % имели горячее водоснабжение⁵⁰. На рубеже 1950-х – 60-х гг. эти коммунальные удобства стали входить в быт широких слоев городского населения Сибири.

Необходимо, однако, отметить, что данные изменения коснулись прежде всего крупных населенных пунктов, областных и краевых административных центров. Небольшие города и поселки имели преимущественно неблагоустроенный жилой фонд. В начале 1959 г. в Томской области из всей жилой площади, оборудованной водопроводом, канализацией и центральным отоплением, на г. Томск приходилось соответственно 97,1; 99,5 и 95,1 %⁵¹.

Сибирские города и поселки к началу 1960-х гг. по уровню благоустройства жилого фонда еще заметно отставали от среднереспубликанского уровня. Если в РСФСР на 1 января 1960 г. удельный вес жилплощади, оборудованной водопроводом, составлял 38 %, то в Западной Сибири – 25, а в Восточной – 18 %, канализацией – соответственно 35, 19 и 16 %, централизованным отоплением – 32, 23 и 19 %, ванной (душем) – 21, 13 и 11 %⁵².

О том, как выглядел жилой фонд сибирских городов, можно судить на примере Омска и городских поселений Томской области. В Омске в январе 1960 г. насчитывалось 604 тыс. жителей. Местным Советам и предприятиям принадлежало 52,2 % жилплощади, а 47,8 % приходилось на индивидуальные дома. В составе обобщественного жилого фонда Омска 40,4 % составляли одноэтажные строения, 27,0 % – двухэтажные, 11,2 % трех-, 11,2 % – четырех- и 10,2 % – пятиэтажные и выше. Их распределение по материалу стен выглядело следующим образом: 54,3 % приходилось на каменные, кирпичные и блочные дома, 21,7 % – на деревянные рубленые и брусчатые, 21,1 % – на деревянные каркасно-щитовые, 2,9 % были из смешанных и прочих материалов. Индивидуальный сектор отличала одноэтажная застройка. Из 50 564 строений лишь 56 были двухэтажные. Среди всех этих домов 6,7 % были построены из блоков, кирпича и естественного камня, 3,7 % – из смешанных материалов, 34,8 % являлись деревянными рублеными и брусчатыми, 54,8 % – каркасно-щитовыми⁵³.

В городах Томской области в начале 1960 г. проживало 416,4 тыс. человек, в том числе 279,0 тыс. в обобщественном и 137,4 тыс. в индивидуальном жилом фонде. В первом из них на одного проживающего, приходилось 6, а во втором – 5 кв. м. В обобщественном жилфонде имелось 32,3 тыс. квартир, из них 44,0 % однокомнатных, 31,9 % двухкомнатных и 24,1 % с тремя комнатами и более. В среднем в одной комнате размещалось 3 чел. Из всей жилой площади в городах Томской области на кирпичные и каменные дома приходилось 13,0 %, деревянные и брусчатые – 77,7, каркасно-щитовые – 9,3 %. Одноэтажными были 58,7 % строений, двухэтажными – 34,1, трехэтажными – 3,5, четырехэтажными – 2,2 и пятиэтажными – 1,5 %⁵⁴.

Таким образом, для сибирского города была характерна одноэтажная застройка, в нем преобладали деревянные и каркасно-щитовые дома. Кирпичных многоэтажных и благоустроенных зданий было сравнительно немного. Они концентрировались преимущественно в центральных районах.

Революционное значение для преобразования быта имел наметившийся на рубеже 1950-х – 60-х гг. качественно новый подход к распределению жилплощади – предоставление одной семье отдельной квартиры. Социологические обследования, проведенные в 1964 г. на новосибирских заводах радиодеталей, газокарбидном и шоколад-

ной фабрике, показали, что их имели 40,5 % рабочих, ИТР и служащих. В коммунальных квартирах проживали 39,9 % трудящихся, в общежитиях – 4,9, снимали часть комнаты – 14,7 %. Несколько отличались жилищные условия у различных категорий промышленно-производственного персонала. На жилплощади, принадлежавшей предприятиям и местным Советам, размещались 62,7 % инженерно-технических работников, 54,9 % служащих и 42,8 % рабочих, в собственных домах – соответственно 16,0, 25,0 и 28,1 %, снимали жилье у частных лиц – 7,6, 10,1 и 16,1 %, проживали у родственников – 13,7, 10,0 и 12,0 %.

Предоставление семьям отдельных квартир было прогрессивным явлением, менявшим сами устои повседневной жизни. Однако следует заметить, что эти жилища были обычно невелики по размерам и недостаточно приспособлены к сибирским условиям. Подсобные площади в них сокращались до минимума. Небольшие кухни и совмещенные санузлы доставляли немало неудобств. Практически отсутствовали встроенные шкафы и антресоли⁵⁵.

К началу 1960-х гг. в сибирских городах значительно смягчилась, но далеко не была решена проблема переселения трудящихся из неблагоустроенных и непригодных под жилье помещений. В Омске в 1959 г. имелось 660 обветшавших барачных и подвалов, в которых размещалось 13,5 тыс. чел. Около 8,5 тыс. индивидуальных домов не имели водопровода, а свыше 3 тыс. – электрического освещения⁵⁶. В Новосибирске в жилой фонд предприятий союзного подчинения входили 1,5 тыс. строений барачного типа общей площадью 270 тыс. кв. м, которые находились в аварийном состоянии. В 1960 г. на Кузнецком металлургическом комбинате имелось 180 барачных, построенных еще в 1930-е гг. и отслуживших положенный им срок. В них размещалось 2,8 тыс. семей, или около 9 тыс. чел., в том числе 430 семей металлургов, проработавших на предприятии 15–20 лет. Жилой фонд красноярского завода «Сибтяжмаш» включал каркасно-засыпные бараки общей площадью 20,6 тыс. кв. м, лишенные, кроме электрического освещения, коммунальных удобств, в которых проживали 14,1 тыс. чел.⁵⁷

Таким образом, для второй половины 1950-х – начале 60-х гг. характерен ощутимый сдвиг в обеспечении жилищно-бытовых потребностей людей, что непосредственно связано с усилением социальной политики государства. Коренному перелому в решении жи-

лишней проблемы способствовали индустриализация строительства, расширение индивидуальной застройки, внедрение хозяйственного способа возведения домов, развертывание жилищной кооперации. Впервые в процессе социалистических преобразований увеличился средний размер жилплощади, приходящейся на одного жителя в городских поселениях Сибири. Повысился удельный вес капитальных зданий в составе жилого фонда, возрос уровень его благоустройства. На месте неказистых частных домов и обветшавших бараков вырастали кварталы панельных пятиэтажек. Через несколько десятилетий малогабаритные квартиры в них получили обидное наименование «хрущевки». Но для своего времени они являлись огромным социальным завоеванием, существенным фактором становления индустриально-урбанистического образа жизни.

*Статья подготовлена при поддержке РГНФ,
проект № 07-01-00426а*

-
- ¹ Букин С.С., Исаев В.И. Тенденции формирования и развития быта городского населения Сибири в XX в.// Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история, 2006. № 2. С. 36.
 - ² ГАНО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 2618. Л. 170; РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 1. Д. 759. Л. 204; Д. 1273. Л. 172; Д. 1395. Л. 21; ЦХИДНИКК. Ф. 26. Оп. 30. Д. 28. Л. 80; ГАКО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 52. Л. 2
 - ³ Шарипов А. Ю. Сфера услуг сибирского региона. Новосибирск, 1979. С. 118.
 - ⁴ НФ ГАКО. Ф. 143. Оп. 86. Д. 156. Л. 148; Оп. 98. Д. 1. Л. 1.
 - ⁵ Братская ГЭС: Сб. документов. Т. 1 (1955-1961 гг.). Иркутск, 1964. С. 102-104, 122-123, 505.
 - ⁶ Народное хозяйство РСФСР в 1960 г.: Стат. ежегод. М., 1961. С. 382; Народное хозяйство Красноярского края: Стат. сб. Красноярск, 1967. С. 155.
 - ⁷ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 1. Д. 759. Л. 205.
 - ⁸ Там же. Д. 301. Л. 45а.
 - ⁹ Шарипов А. Ю. Сфера услуг. С. 115-116.
 - ¹⁰ ГАНО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 2161. Л. 170-172.
 - ¹¹ ЦХИДНИКК. Ф. 26. Оп. 29. Д. 27. Л. 6; РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 2. Д. 1274. Л. 58.
 - ¹² ГАНО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 2261. Л. 151.

-
- ¹³ **РГАСПИ.** Ф. 556. Оп. 1. Д. 1. Л. 90; Д. 1202. Л. 20.
- ¹⁴ **ГАНО.** Ф. 22. Оп. 1. Д. 753. Л. 4-5; **ГАКО.** Ф. 794. Оп. 1. Д. 75. Л. 15; **РГАСПИ.** Ф. 556. Оп. 1. Д. 1. Л. 90.
- ¹⁵ **ГАНО.** Ф. 4. Оп. 33. Д. 1710. Л. 5-6.
- ¹⁶ **РГАСПИ.** Ф. 556. Оп. 3. Д. 1. Л. 218-219.
- ¹⁷ См.: **ГАНО.** Ф. 4. Оп. 33. Д. 2424. Л. 32.
- ¹⁸ **ГАНО.** Ф. 4. Оп. 33. Д. 2261. Л. 150; **ГАТО.** Ф. 1598. Оп. 1. Д. 193, Л. 14; **РГАСПИ.** Ф. 556. Оп. 1. Д. 301. Л. 43; Оп. 3. Д. 163. Л. 27.
- ¹⁹ **РГАСПИ.** Ф. 556. Оп. 3. Д. 1. Л. 104.
- ²⁰ Там же. Оп. 2. Д. 475. Л. 32; Оп. 3. Д. 1281. Л. 44.
- ²¹ Там же. Оп. 1. Д. 301. Л. 42-43.
- ²² **ГАНО.** Ф. 22. Оп. 1. Д. 709. Л. 37; Д. 734. Л. 29.
- ²³ **КПСС** в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. Т. 7. С. 278-294.
- ²⁴ **ЦХИДНИКК.** Ф. 26, Оп. 30. Д. 28. Л. 25.
- ²⁵ **ГАНО.** Ф. 4. Оп. 33. Д. 2260. Л. 3.
- ²⁶ **РГАСПИ.** Ф. 556. Оп. 2. Д. 1274. Л. 129.
- ²⁷ **ГАНО.** Ф. 22. Оп. 1. Д. 794. Л. 25-27.
- ²⁸ **ГАТюмО.** Ф. 1809. Оп. 1. Д. 102. Л. 19, 31.
- ²⁹ **ГАРФ.** Ф. 5451. Оп. 25а. Д. 8654. Л. 6.
- ³⁰ **ЦХИДНИКК.** Ф. 26. Оп. 29. Д. 27. Л. 27; Оп. 33. Д. 17. Л. 20.
- ³¹ **РГАСПИ.** Ф. 556. Оп. 2. Д. 837. Л. 68-70.
- ³² Там же. Д. 1395. Л. 18.
- ³³ **Лебедев А. И.** Партийные организации Кузбасса во главе технического прогресса в строительстве после XX съезда КПСС (1956-1965 гг.) // Осуществление ленинских идей превращения Сибири в экономически развитый район страны. Кемерово, 1972. С. 441.
- ³⁴ **Лукьяненко В. И.** Политика КПСС в жилищном вопросе и ее осуществление в новых городах Восточной Сибири // Вопросы партийной работы на современном этапе. М., 1969. С. 171-176; Она же. Города, рожденные волей партии. Иркутск, 1973. С. 145-147.
- ³⁵ **ГАНО.** Ф. 22. Оп. 1. Д. 794. Л. 30-31; **ЦГАОР.** Ф. 5451. Оп. 25а. Д. 6212. Л. 44-45.
- ³⁶ **РГАСПИ.** Ф. 556. Оп. 2. Д. 25. Л. 19-21.
- ³⁷ **ЦХИДНИКК.** Ф. 26. Оп. 29. Д. 27. Л. 42; **ГАОО.** Ф. 2138. Оп. 1. Д. Из. Л. 135.
- ³⁸ **Народное** хозяйство Омской области. С. 195; **Народное** хозяйство Красноярского края. С. 156; **Народное** хозяйство Иркутской области: Стат. сб. Иркутск, 1972. С. 150.
- ³⁹ **ГАНО.** Ф. 4. Оп. 33. Д. 2261. Л. 156, 203-204.
- ⁴⁰ **ГААК.** Ф. 717. Оп. 4. Д. 4. Л. 34-36.

-
- ⁴¹ **ГАТО**. Ф. 1598. Оп. 1. Д. 111. Л. 49; **ГАТюмО**. Ф. 1809. Оп. 1. Д. 264. Л. 26.
- ⁴² **Рабочий** класс Сибири в период строительства социализма (1917-1937 гг.). Новосибирск, 1982. С. 146.
- ⁴³ **ЦГА РСФСР**. Ф. 314. Оп. 3. Д. 3151. Л. 48, 73.
- ⁴⁴ **Рафикова С.А.** Быт рабочей семьи Западной Сибири в 1960-е годы. Красноярск: СибГТУ, 2007. С.106-108.
- ⁴⁵ **Долголюк А.А., Ефимкин М.М., Ламин В.А.** Трансформационные процессы в социально-индустриальной структуре Новосибирской области в XX столетии. Новосибирск, 2005. С.116.
- ⁴⁶ **ЦХИДНИКК**. Ф. 26. Оп. 29. Д. 27. Л. 41; **История** Кузнецкого металлургического комбината им. В.И. Ленина. М., 1973. С. 384
- ⁴⁷ **ГАНО**. Ф.4. Оп. 33. Д.2261. Л.156; **РГАСПИ**. Ф.556. Оп. 2. Л.25.Л.22; Д. 582. Л.130; Д.1274. Л.131; Д. 1404. Л.18.
- ⁴⁸ **ГАНО**. Ф. 4. Оп. 33; Д. 1710. Л. 5; Д. 2161. Л. 168; Ф. 1650. Оп. 1. Д. 93. Л. 23; Д. 306. Л. 32; **ЦГАОР**. Ф. 5451. Оп. 25а. Д. 4635. Л. 74; Д. 6212. Л. 44. 238; Д. 8415. Л. 52, 274; Д. 8443. Л. 39; **Бурятская АССР в цифрах (1923-1973 гг.)**. С. 135.
- ⁴⁹ **ГАНО**. Ф. 1020. Оп. 1. Д. 1026. Л. 3; **ГАОО**. Ф. 2138. Оп. 1. Д. 63. Л. 30; Д. 74. Л. 124; Ф. 2122. Оп. 1. Д. 3585. Л. 6, 55-56; **Болгов В. И.** Вне рабочее время и уровень жизни трудящихся. Новосибирск, 1964. С. 88.
- ⁵⁰ **Федорова И. В.** Улучшение жилищных условий рабочих Новосибирска в послевоенный период // Из истории рабочего класса Сибири. Новосибирск, 1964. С. 66-67; **Макиевский Г. М.** Рабочие Восточной Сибири на пути к развитому социализму (1946-1960 гг.). Красноярск, 1983. С. 171.
- ⁵¹ **ГАТО**. Ф. 1085. Оп. 2. Д. 3769. Л. 1.
- ⁵² **Болгов В. И.** Вне рабочее время. С. 88.
- ⁵³ Рассчитано по данным: **ГАОО**. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 3285. Л; 6, 32, 35-37, 49-56 (расчеты произведены по количеству жилплощади, имевшейся в строениях определенного вида).
- ⁵⁴ Рассчитано по данным: **ГАТО**. Ф. 1085. Оп. 2. Д. 3774. Л. 19, 22, 24, 26, 59, 73-75 (расчеты произведены по количеству жилплощади в строениях определенного типа).
- ⁵⁵ **Федорова И. В.** Улучшение жилищных условий. С. 68-69; **Она же.** К вопросу об обеспеченности жильем работников промышленных предприятий г. Новосибирска // Труды Новосибирского инженерно-строительного института. Новосибирск, 1962. Т. 10. С. 68.
- ⁵⁶ **ГАРФ**. Ф. 314. Оп. 3. Д. 5250. Л. 71, 88.
- ⁵⁷ **ГАНО**. Ф. 22. Оп. 1. Д. 709. Л. 3-4; Д. 753. Л. 6; **РГАСПИ**. Ф. 5451. Оп. 30. Д. 442. Л. 103-105; **ГАКК**. Ф. 1300. Оп. 2. Д. 2369. Л. 54.

А.И. Тимошенко

**Разработка и реализация жилищных программ
в районах нового промышленного освоения Сибири
в 1950–1980-е гг.**

Интенсивное промышленное строительство в Сибири в 1950–1980-е гг. развивалось в условиях, когда к социальным проблемам советское правительство стало проявлять особый интерес. Важнейшее значение придавалось жилищной проблеме. В июле 1957 г. было принято специальное постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О развитии жилищного строительства в СССР», в котором намечались реальные планы решения жилищной проблемы в стране, увеличения капитальных вложений в сферу жилищного строительства, расширения производства строительных материалов, всемерного развития индустриальных методов и технологий не только в производственном, но и гражданском строительстве¹.

Основной путь решения жилищной проблемы определялся через государственное строительство новых многоэтажных и многоквартирных домов специализированными подрядными организациями. На шестую пятилетку (1956–1960 гг.) объем государственного жилищного строительства был определен в 215 млн. кв. м. Затем с переходом на семилетнее планирование на период 1959–1965 гг. – 650–660 млн., на восьмую пятилетку (1965–1970 гг.) – 466 млн. кв. м жилой площади². В результате реализации этих планов в 1956–1965 гг. в СССР получили новые квартиры и улучшили жилищные условия более 100 млн. человек, что превышало всё население Англии и Франции вместе взятых³.

В районах нового промышленного освоения (РНПО) Сибири в этот период намечалось масштабное жилищное строительство, так как здесь сооружение предприятий начиналось часто в необжитых местах, иногда при полном отсутствии жилого фонда. Вместе с тем привлекалось значительное количество людей, которых необходимо было где-то расселять, снабжать хотя бы самым необходимым минимумом жизнеобеспечения. В связи с чем разрабатывались специальные жилищные программы, составляющие важную часть стратегии освоения того или иного района. По мнению проектантов и организато-

ров строительства от успешного и своевременного жилищного и в целом социального строительства в РНПО в большой степени зависело выполнение и всех намечаемых хозяйственных планов.

В 1950–1960-е гг. наиболее активное промышленное строительство происходило в Восточной Сибири. Здесь же и наблюдался значительный рост населения, превышавший показатели как по Сибири, так и в целом по стране. По данным переписей 1959 и 1970 гг. население в РСФСР и в сибирском регионе выросло примерно на 10 %, а по Восточной Сибири – на 15 %⁴.

Наиболее быстрыми темпами росло городское население. В связи с реализацией Ангаро-Енисейского проекта активное индустриальное строительство происходило в Иркутской области и Красноярском крае. Здесь в данный период был построен не только целый ряд уникальных предприятий, но и совершенно новых городов и рабочих поселков. Доля городского населения увеличилась с 54,9 % в 1959 г. до 66,4 % в 1970 г.⁵

Несмотря на то, что постоянно дискутировались проблемы о характере хозяйственного освоения Сибири, особенно северных её территорий, о дилемме создания здесь постоянных или временных поселений в процессе индустриального строительства, главная стратегическая линия государственной политики основывалась на долгосрочном освоении и обживании сибирских территорий. Планы строительства крупных энергетических и промышленных объектов, обустройства месторождений полезных ископаемых, как правило, сопровождались проектами создания новых городов и рабочих поселков, которые затем становились опорными пунктами дальнейшего освоения территории, центрами формирования экономических районов.

Все проблемы управления промышленным строительством в Сибири государственные организации пытались решать в процессе разработки и реализации комплексных социально-экономических программ, включающих как производственное, так и социальное строительство с учетом особенностей природно-климатического и экономико-географического характера той или иной сибирской территории, где планировалось или уже организовывалось индустриальное строительство. Через государственные программы вырабатывались основные методы и направления хозяйственного освоения РНПО, связанные с

созданием здесь преимущественно социокультурной среды урбанистического характера.

Проекты новых городов и рабочих поселков по заданиям Госплана и других правительственных организаций и учреждений разрабатывались, как правило, в столичных проектных институтах, которые мало учитывали сибирскую, а тем более северную специфику. Поэтому новые города в Сибири мало отличались от европейских, создавались по единым типовым проектам и не всегда были удобными и комфортными для проживания. Но тем не менее, жилищное строительство в этот период быстро наращивало темпы и помогало в достаточно короткие сроки как-то решать жилищную проблему в новых городах, переселять людей из палаток, избегать по возможности землянок и бараков и другого временного жилья, которое было неизбежным спутником индустриальных строек в довоенные и военные годы. Был выработан целый ряд принципов, которые способствовали росту не только экономического потенциала в регионе, но и социального.

Жилищное строительство в новых городах происходило в рамках разработки так называемых районных схем планировки, которые включали в себя все без исключения производственные и непроизводственные объекты в том или ином новом экономическом районе. Следование схемам районной планировки было основной задачей в деятельности как проектантов, так и затем градостроителей. На этот счет было принято даже специальное постановление ЦК КПСС и СМ СССР, где говорилось, что «проекты планировки и застройки городов и поселков в районах нового промышленного строительства, где намечается создание промышленных предприятий, связанных между собой одной системой расселения, общей сырьевой и энергетической базой, объединенной системой транспорта, дорог, инженерных сооружений и сетей, составляются на основе утвержденных схем районной планировки, разработка которых для строительства в указанных районах является обязательной»⁶.

В рамках государственной социальной политики определялись принципы рациональности и комплексности в создании жилых районов. В этот период декларировались цели и задачи строительства в СССР коммунистического общества. Поэтому много говорилось о том, что потребности человека должны быть на первом месте в социально-экономическом развитии страны. Задачами партийных и

государственных организаций определялось проведение различных и мероприятий по созданию такого уровня комфорта и благополучия в советском обществе, который мог бы обеспечить каждому его члену нормальную и здоровую жизнь, высвободить время для отдыха, спорта и всестороннего культурного и духовного развития. В Программе КПСС, принятой на XXII съезде, было записано: «Города и поселки должны представлять собой рациональную комплексную организацию производственных зон, жилых районов, сети общественных и культурных учреждений, бытовых предприятий, транспорта, инженерного оборудования и энергетики, обеспечивающих наилучшие условия для труда, быта и отдыха людей»⁷.

Предполагалось, что все эти принципы должны эффективно работать в районах нового промышленного освоения, куда приезжала в основном молодежь и очень важно было, чтобы она не только участвовала в строительстве, но и стала активной частью населения новых городов, в которых организация жизни должна быть максимально комфортной и рациональной. Проектанты считали, что жилые микрорайоны в РНПО должны кардинально отличаться от традиционной застройки городов кварталами и создавать лучшие условия для населения. В каждом жилом комплексе необходимо предусмотреть весь спектр организаций и учреждений социально-бытового и культурного обслуживания населения. Люди, проживающие в новых индустриальных центрах должны иметь не только комфортные отдельные квартиры, но и находящиеся недалеко от жилого дома магазины, школы, больницы и учреждения для проведения досуга. Родители не должны тратить лишнее время, чтобы привести ребенка в ясли или детский сад, взять его оттуда обратно домой. Для того, чтобы пообедать или поужинать, вовсе не нужно совершать путешествия на автобусе или в трамвае. Сеть культурно-бытового обслуживания населения должна размещаться в непосредственной близости от жилья.

Ученые и архитекторы убедительно доказывали, что масштабы Сибири позволяют не только строительство в регионе крупнейших в мире предприятий, но и относительно крупных населенных пунктов вокруг них с полным комплексом современного городского благоустройства. Проектировщиками наиболее рациональным признавалось строительство городов в Сибири на 50–200 тыс. жителей.

Одним из первых новых индустриальных центров Восточной Сибири в послевоенные годы стал город Ангарск. Его строительство планировалось в четвертой пятилетке в связи с проектами создания крупной промышленности жидкого топлива на базе углей Черемховского бассейна. Работы по застройке площадки будущего города по проектам Ленинградского института градостроения начались в 1949 г. Вначале предполагалось строить недалеко от предприятия рабочий поселок на 30 тыс. жителей. Однако, уже в 1950–1951 гг. планы резко изменились. В связи с разработкой схемы районной планировки Иркутско-Черемховского ТПК и строительством Иркутской ГЭС было принято в ближайшие 8–10 лет строить город Ангарск примерно на 200 тыс. жителей⁸.

К 1954 г. Гипрогор (г. Москва) при участии Академии наук СССР, института гигиены им. Эрисмана, географического факультета МГУ в основном завершил работу по составлению схемы районной планировки Иркутско-Черемховского ТПК, где наряду с развитием уже существующих населенных пунктов, строились планы создания новых городов: Ангарска, Шелехова, Байкальска, каждый из которых должен стать новым индустриальным центром.

Планы жилищного строительства поражали воображение. Однако их реализация встретила с большими трудностями. Жилищные программы, с одной стороны, должны были решить с наименьшими издержками проблему жилья для быстро растущего населения новых городов, а с другой стороны, заложить основы совершенно новой для РНПО социокультурной среды. Государственные решения сопровождалась идеологической подоплекой, провозглашением целей воспитания нового человека – строителя коммунизма, достижения более совершенного образа жизни. Однако, в жизненной практике данные устремления наткнулись на элементарные проблемы недостатка материально-технических и финансовых возможностей государства.

В РНПО Сибири, так же как и в стране в целом, в социально-экономической политике сохранялся, ставший традиционным, технократический подход, когда в первую очередь решались производственные задачи, а потом уже все остальные. Поэтому жилищные программы по своей сути являлись декларациями, хотя очень многое и делалось. Строительство жилья в непроизводственном строительстве потребляло основную часть отпущенных средств, но оно не удовлетворяло население быстро растущих городов, которые застраи-

вались в этот период типовыми 4-5 этажными домами, недостаточно выразительными и были как близнецы-братья похожи друг на друга. Главная цель была максимально удешевить строительство жилья, добиться в первую очередь наращивания его количества, а не качества. Такой подход проявился отчетливо при строительстве Ангарска и Шелехова, сохранился он в Братске, Железногорске-Илимском и других городах и рабочих поселках региона.

В идеале жилищная проблема в РНПО Сибири должна была решаться перед началом производственного строительства. Однако так вопрос никогда не ставился ни специалистами, ни в государственном управлении. В лучшем случае, разработка и реализация жилищных программ учитывала этапность развития новых поселений, которые вначале, как правило, создавались как поселки строителей, где допускалось сооружение временного жилья. Основная часть жилых домов в этот период строилась по типу общежитий. Вся жизнь населения управлялась администрацией, партийной, комсомольской и профсоюзной организациями стройки. Культурно-бытовое обслуживание, торговля, общественное питание организовывались по производственному принципу и часто не обеспечивали в полной мере строителей и членов их семей, но тем не менее экономились средства, отпущенные на новое строительство.

В этот период в новых городах Сибири велики были миграционные потоки. Строители по причине своего профессионального назначения переезжать со стройки на стройку, не чувствовали себя постоянными жителями и часто мирились с бытовыми трудностями и неудобствами. В уже сложившейся практике организации строительства ситуация жизненного неустройства первых жителей новых населенных пунктов считалась неизбежной. Жилищное строительство должно было хотя бы обеспечить прибывающих на строительство крышей над головой. Город Братск был в ранге рабочего поселка строителей с 1954 по 1957 г. Железногорск Илимский – с 1958 по 1965 г., Усть-Илимск – с 1967 по 1971 г.⁹.

Следующий этап в биографии новых городов начинался с пуском первых энергетических и промышленных предприятий. Он характеризовался дальнейшим ростом населения преимущественно за счет молодежи, повышением рождаемости. В этот период в городе возникала чрезвычайно острая потребность в жилье, причем в отдельном, семейном. Со временем люди уже не удовлетворялись ме-

стом или комнатой в общежитии. Как правило, в этот период также резко возрастала потребность в детских дошкольных учреждениях, школах и пр. Сфера торговли и бытового обслуживания по производственному принципу уже не удовлетворяла население. Поэтому жилищные программы, учитывая все эти обстоятельства, включали на этом этапе строительства новых городов уже сооружение крупных жилых микрорайонов со всем комплексом культурно-бытовых, лечебных и образовательных услуг.

Период реализации жилищных программ в новом городе растягивался на несколько десятилетий. В результате создавалась особая социокультурная среда, в которой формировался особый тип населения, отличавшегося по своему социальному и профессиональному составу, менталитету от жителей старых городов и соответственно имевшего иные потребности и запросы. Со временем это всё изменялось и нивелировалось. Новые города приобретали зрелость. В них всё более проявлялись обычные черты городской жизни, возрастала роль территориальных органов управления, развивались общегородские учреждения бытового, культурного, образовательного назначения. Жилищное строительство происходило уже более равномерно в рамках существующих городских нормативов.

Характерной чертой в реализации жилищных программ на всех этапах развития новых городов Сибири являлось недостаточное их финансовое и материально-техническое обеспечение. Государственные возможности буквально разрывались между производственным и непроизводственным строительством. В то же время было необходимо решать жилищную проблему. В Ангарске, Братске, Шелехове, Дивногорске, Назарово и других населенных пунктах, где происходило или намечалось крупное промышленное строительство, во второй половине 1950-х гг. предпринимались попытки организовать индивидуальное строительство небольших частных домов.

Это происходило в рамках государственной политики решения жилищной проблемы. Вопросы индивидуального строительства контролировались администрациями, партийными и профсоюзными комитетами строек, местными органами советской власти, которые в соответствии со специальными постановлениями и решениями государственных организаций должны были оказывать помощь индивидуальным застройщикам в приобретении строительных материалов, выделении транспорта, в консультациях специалистов. На отведен-

ной для индивидуальных застройщиков территории бесплатно производилась планировка улиц и усадеб, осуществлялось строительство дорог, подвод электролиний, строительство магазинов. Люди с энтузиазмом строили себе дома, широко была распространена товарищеская помощь застройщиков друг другу¹⁰.

В 1957 г. в Братске индивидуальные застройщики ввели в эксплуатацию 10 тыс. кв. м жилья, а за первое полугодие 1958 г. – 75 тыс. кв. м. В Ангарске в 1956–1960 гг. ежегодно в среднем вводилось по 1500 индивидуальных домов¹¹. Это было весомым вкладом в жилищное строительство в новых городах. Но затем данные процессы пошли на спад. Начиная с 1960 г. количество индивидуальных застройщиков в новых городах стало резко уменьшаться. К концу 1965 г. их практически не стало. Это объяснялось большими трудностями, с которыми сталкивались индивидуальные застройщики в приобретении материалов для строительства, в найме специалистов. В задачу государственных строительных организаций не входило индивидуальное строительство. Местные органы власти не справлялись со своими задачами благоустройства районов индивидуальной застройки, в которых люди долгие годы могли жить без радио, электричества, надежного водоснабжения и т.д. Кроме того, разворот государственного жилищного строительства давал надежду на получение благоустроенных квартир. Поэтому люди перестали стремиться к строительству жилья самостоятельно.

Надо отметить, что городские власти в начале 1960-х гг. также охладели к индивидуальному строительству. В это время в новых городах повсеместно стали составляться генеральные планы благоустройства и застройки на длительную перспективу, а индивидуальный сектор мешал плановой застройке, не позволял рационально развивать городские коммуникации, добиваться более современного уровня благоустройства территории городов¹².

В 1958–1959 гг. в СССР законодательно была оформлена идея так называемого кооперативного строительства, которое предполагало за счет государственного кредитования строительство частного жилья в многоквартирных домах с полным комплексом благоустройства. Вначале данный вид жилищного строительства появился в столичных и наиболее крупных городах СССР. В РНПО он не получил широкого распространения. В лучшем случае жители новых сибирских индустриальных центров, имеющие средства, мечтали постро-

ить себе кооперативную квартиру где-нибудь в крупных городах Европейской части страны или на юге в зоне морских курортов. Некоторым это удавалось сделать.

Основное место в реализации жилищных программ в РНПО Сибири занимало государственное строительство. Именно на него ориентировались специалисты, составляя как предварительные проектировки и схемы, подготовленные для начала строительства в том или ином РНПО Сибири, так и разрабатывая уже конкретные проекты новых населенных пунктов, возникших в процессе строительства предприятий.

С начала 1960-х гг. в строительстве повсеместно стали внедряться индустриальные методы и технологии, которые позволяли широко применять унифицированные сборные детали, конструкции и целые узлы, а также комплексную механизацию на строительной площадке очень многих трудоемких производственных процессов. Индустриальные методы позволяли внедрение в строительство поточных методов организации строительно-монтажных работ. В результате этого резко снижались затраты труда и средств на изготовление и монтаж строительных конструкций, значительно сокращались сроки выполнения работ, отпадала необходимость возведения на каждой стройке временных подсобных помещений и сооружений, которые ранее использовались для обработки и изготовления материалов, растворов, бетонных смесей и т.п.

В жилищном строительстве основным направлением индустриализации стал переход на крупнопанельное строительство. Оно значительно повышало производительность труда строителей, позволяло вести работу практически круглый год, а не сезонно, как ранее, в любых природно-климатических условиях, что было крайне важно для реализации жилищных программ в РНПО Сибири.

Одними из первых стали использовать индустриальные методы в строительстве жилья организации Ангарска. Здесь уже в 1957–1958 гг. осваивалось крупноблочное и крупнопанельное строительство, что значительно увеличивало ввод готового жилья, сокращало сроки возведения домов. С целью изучения опыта крупнопанельного строительства ангарские домостроители выезжали в г. Ленинград на Полостровский домостроительный комбинат. Индустриальные методы жилищного строительства всемерно поддерживались и пропагандировались Иркутским областным и городскими комитетами КПСС,

которые через партийные организации предприятий стремились внедрить их в производственную практику¹³.

В 1959 г. в Ангарске в крупнопанельном исполнении было введено около 9 тыс. кв. м жилья, в 1960 г. – около 65 тыс., а в 1961 – около 100 тыс. кв. м., что резко увеличило жилой фонд города и повысило показатели обеспеченности жильем на каждого жителя¹⁴. В других строящихся городах Восточной Сибири крупноблочное и панельное строительство развивалось гораздо медленнее. В Дивногорске и Братске строительные организации, которым вменялось в обязанность строительство не только предприятий, но и населенных пунктов вокруг них, главное внимание уделяли выполнению планов производственного строительства, что подверглось резкой критике на зональном совещании 30–31 января 1962 г. в г. Иркутске по вопросам внедрения крупнопанельного строительства жилых домов в районах Восточной Сибири и Дальнего Востока. На совещании, организованном партийными и советскими учреждениями, присутствовали лучшие строители регионов, специалисты проектных и научно-исследовательских организаций, в том числе московских и ленинградских, которые первыми начали освоение индустриальных методов.

На выставке, организованной для участников совещания, были представлены лучшие достижения с мест и ВДНХ СССР. Ведущие специалисты страны в области крупнопанельного домостроения рассказывали об его результатах и перспективах. Более 200 участников совещания побывали в Ангарске и познакомились с опытом работы ангарских домостроителей. Это было своеобразным общественным признанием достижений сибирских строителей. Совещание способствовало развитию крупнопанельного и крупноблочного строительства жилья в Сибири и на Дальнем Востоке. К концу 1965 г. общая площадь жилого фонда в новых индустриальных центрах значительно увеличилась: в Братске и Дивногорске примерно в два раза, а в Железногорске-Илимском, где строился Коршуновский горно-обогатительный комбинат, более, чем в три раза¹⁵.

В Братске был простроен крупный завод панельного домостроения, который стал производственной базой для жилищного строительства всего Братско-Усть-Илимского ТПК. Успешной реализации жилищных программ здесь способствовало и своевременное создание специальных строительного-монтажных управлений строительством городов Братска и Усть-Илимска, которые стали наиболее рацио-

нально и квалифицированно использовать имеющиеся строительные мощности и средства в целях повышения темпов и объемов жилищного строительства.

В регионе в этот период активно создавались цементные, железобетонные, кирпичные заводы. В Ангарске появился единственный в то время на востоке страны завод керамических изделий, выпускающий различные виды облицовочной плитки, санитарно-строительный фаянс. В Братске пущен завод отопительного оборудования. Активно производились и применялись новые строительные материалы, такие как перлитобетон, зологазобетон, керамзитобетон, теплоизоляторы и отделочные материалы. Всё это вместе взятое способствовало более успешной реализации жилищных программ в РНПО Сибири, которые по сравнению с другими районами страны отличались высокими темпами строительства, хотя все же не удовлетворявшими потребности быстро растущего населения.

В 1960–1970 гг. активное индустриальное строительство началось в Западной Сибири. Оно было связано с созданием здесь Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК), которое коренным образом меняло значимость Сибири как в хозяйственном комплексе СССР, так и мировой экономике. Правительство страны с самого начала открытия богатейших месторождений нефти и газа в Западной Сибири придавало большое значение обустройству месторождений, созданию рабочих поселков и новых городов с учетом самых последних достижений благоустройства и градостроительства.

В разрабатываемых в лучших проектных организациях страны жилищных программах для ЗСНГК ставилась задача избежать строительства временного жилья, руководствоваться исключительно принципами комплексной застройки, основанной на одновременном создании всех отраслей специализации, производственной и непроизводственной инфраструктуры, строительства населенных пунктов различного ранга и назначения.

Особенно масштабно планировалась застройка городов, которые в дальнейшем предполагалось сделать опорными базами в освоении самых северных месторождений. При этом учитывались многие факторы в выполнении поставленных задач: их чрезвычайная капиталоемкость в условиях Севера, слабая хозяйственная освоенность территорий, отдаленность от развитых промышленных центров, отсутствие транспортных магистралей круглогодичного использования и

самое главное – недостаток трудовых ресурсов соответствующей квалификации в регионе.

В постановлении СМ СССР от 4 декабря 1963 г. «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и о дальнейшем развитии геологоразведочных работ в Тюменской области» предусматривалось одновременно с созданием материально-технической базы нефтегазовой промышленности начать в значительных объёмах жилищное строительство¹⁶.

Для сооружения объектов жилищно-коммунального хозяйства и культурно-бытового назначения Совнархоз и Минстрой РСФСР выделили дополнительные фонды на поставку в Тюменскую область крупнопанельных и деревянных сборных домов общей площадью около 200 тыс. кв. м, строительных материалов. В короткие сроки был решен вопрос о создании базы строительной индустрии непосредственно в нефтегазодобывающих районах: заводов крупнопанельного домостроения в Тюмени, Сургуте, Урае общей мощностью 350 тыс. кв. м жилья в год, заводов легких наполнителей, древесноволокнистых и древесно-стружечных плит, железобетонных и столярных изделий. Местные партийные и советские органы изыскивали возможности для увеличения поставок леса, пиломатериалов, кирпича за счет внутренних ресурсов области. Уже в начале 1964 г. на новое строительство поступили 200 вагонов-домов, 70 тыс. кв. м крупнопанельного жилья, строительные материалы, машины и механизмы, прибыли отряды опытных строителей¹⁷.

Вместе с тем, процесс разработки и реализации жилищных программ для ЗСНГК был затруднен с самого начала в связи с тем, что долгое время не удавалось определить главные научно и технически обоснованные составляющие общей схемы развития и размещения производительных сил всего Западно-Сибирского нефтегазодобывающего района. По свидетельству первого секретаря Тюменского обкома КПСС Б.Е. Щербины, «масштабы, темпы, география добычи нефти и газа были неопределенными на всем протяжении 1960-х годов»¹⁸. Поэтому сложно было определить масштабы и конкретные мероприятия социальной политики в регионе и в частности жилищного строительства.

Открытия в 1960–1970 гг. целого ряда новых крупнейших в мире месторождений углеводородов в Западной Сибири свидетельство-

вали о больших перспективах региона. В тоже время нарушались уже сложившиеся планы нового строительства. Оно теперь должно было продвигаться всё дальше на Север. Именно там намечались к выполнению долговременные задачи форсирования добычи нефти и газа, которые оценивались как чрезвычайно важные с учетом положения с энергоресурсами в стране и в мире. Это сразу же ставило под сомнение реализацию ранее намеченных программ комплексного строительства всех объектов ЗСНГК, в том числе и социальных.

Утверждение идеи ускоренного варианта формирования и развития нефтегазового комплекса повлияло на разработку и реализацию жилищных программ в населенных пунктах ЗСНГК. В 1970-е гг. уже признавалось приемлемым строительство временного жилья, большого количества типовых общежитий, активно обсуждалась возможность освоения многих нефтяных и газовых месторождений, особенно в северных районах, экспедиционно-вахтовым методом, который не требовал больших масштабов строительства благоустроенного комфортабельного жилья.

Данная ситуация отразилась в целом на региональной социальной и градостроительной политике. Если в 1960-е гг. за её основу принимались методы создания в основном стационарных поселений до 100 тыс. жителей с постоянным населением, которое будет задействовано со временем не только в добывающих, но и перерабатывающих отраслях производства, то теперь с открытием месторождений на Крайнем севере и с необходимостью форсирования добычи нефти и газа любыми средствами данные планы стали корректироваться.

Первые нефтяные города: Урай, Сургут, Нефтеюганск, Нижневартовск, получившие свой статус в 1960-е гг., стали оцениваться как «базовые», в которых должны были формироваться экспедиционно-вахтовые отряды. Соответственно изменялись ранее намеченные планы городского строительства, Быстрое увеличение населения заставляло пренебрегать комплексным строительством жилых микрорайонов. На первый план выдвинулись мероприятия по ускоренному сооружению домов самых дешевых серий и по упрощенным стандартам. В итоге жилой фонд новых городов ЗСНГК очень быстро рос, но качество и благоустройство жилья оставляло желать лучшего.

Жилищное строительство, как и в прежние времена в РНПО Сибири, финансировалось по сравнению с производственным во вто-

рую очередь. Рост населения опережал темпы строительства жилья, а вместе с тем доля непроизводственного строительства в капиталовложениях в ЗСНГК составляла лишь 12–15 %, что было в два-три раза ниже данного показателя в обжитых районах страны¹⁹.

Жилищная проблема ещё в большей степени обострилась в конце 1970-х гг. Неуклонный рост объемов работ в нефтегазодобывающей промышленности, требовавший большого притока новых кадровых контингентов, приводил к серьезным противоречиям в социальной политике в регионе. При всем желании трудно было обеспечить в условиях такого масштаба производства работникам и их семьям нормальные по современным понятиям условия жизнедеятельности. Например, в начальный период освоения Уренгойского месторождения половина населения Нового Уренгоя проживала в балках и вагончиках. Водители автомобилей, не имевшие места в общежитии, ночевали прямо в кабинах машин. По состоянию на 1 мая 1981 г. в Надыме и Новом Уренгое на 1 жителя приходилось примерно 4 кв. м жилой площади. При численности населения Нового Уренгоя в 1983 г. 45 тыс. чел. обеспеченность объектами бытового и социального назначения составляла от 20 до 50 % к городским нормам²⁰.

Государственные финансовые и прочие возможности не позволяли в короткие сроки, как того требовали вызовы времени, достойно решать социальные проблемы в процессе формирования ЗСНГК. Большие надежды возлагались на применение вахтовой организации труда, которая здесь впервые в отечественной экономике и социальной практике достигла значительных масштабов. Если в 1960-е гг. вахтовые методы больше обсуждались, чем использовались, то в 1970–1980-е гг. они получили достаточно широкое распространение при освоении самых северных месторождений полезных ископаемых и в транспортном строительстве.

Вахтовые бригады формировались не только в близлежащих районах Тюменской области и Сибири, но и в более отдаленных: в Белоруссии, Татарии, на Северном Кавказе. В начале 1980-х гг. вахтовым методом организации труда выполнялось более 30 % всех буровых работ в нефтяной промышленности, более 43 % строительно-монтажных и 26 % геологоразведочных. К 1985 г. на территории ЗСНГК работало около 130 тыс. вахтовиков, которые составляли примерно 20 % численности всех производственных коллективов²¹.

Широкий размах вахтовой организации труда требовал особых принципов социальной политики и соответственно разработки жилищных программ с учетом данного явления, которое несмотря на уже многолетние дискуссии до сих пор не получило однозначной оценки. С точки зрения экономики производства, затрат на непроизводственное строительство достигается бесспорный эффект, однако социально-психологические и социально-демографические последствия этого явления с учетом перспективы развития не поддаются пока оценке.

Разнобой в использовании методов организации труда по освоению месторождений нефти и газа на Крайнем севере определял и разнобой в градостроительной стратегии при формировании ЗСНГК, в том числе и в разработке и реализации жилищных программ. Наиболее четко их удалось сформулировать и наметить для южных районов комплекса. В Среднем Приобье появилось несколько десятков новых городов и рабочих поселков. В 1970–1980-е гг. прирост населения в Тюменской области был выше, чем в Алтайском крае, Новосибирской, Кемеровской, Томской и Омской областях вместе взятых. По темпам урбанизации Тюменская область, а в особенности её северные районы, занимали первое место в СССР. В Приполярной зоне, где традиционно был низким процент городского населения, выросли новые города: Надым, Новый Уренгой, Лабитнанги, Ноябрьск, получил новый импульс развития город Салехард.

К концу 1980-х гг. сформировалась новая модель освоения северных районов Западной Сибири, которая с небольшими изменениями используется и в настоящее время. Она предполагает как традиционные методы заселения и хозяйственного освоения РНПО, так и мобильные, экспедиционные, без сооружения дорогостоящих для северных условий постоянных стационарных городов и поселков. Главные затраты на жилищное и прочее социальное строительство планируются в так называемых «базовых» населенных пунктах. Здесь жилищные программы по-прежнему намечают реализацию самых современных проектов строительства. Однако, в нынешних экономических и политических условиях они осуществляются уже не за государственный счет.

В вахтовых поселках допускается минимум социальных затрат. Здесь создается специфическая система поселения, рассчитанная на временное пребывание работников без семей, вместе с тем содер-

жащая весь необходимый комплекс социально-культурной и бытовой инфраструктуры, необходимый человеку, чтобы он особо не чувствовал житейский дискомфорт и психологическую оторванность от привычной жизни, отягощенной ещё и условиями Севера.

В целом же необходимо отметить, что в 1970–1980-е гг. в разработке и реализации жилищных программ для РНПО Сибири произошли существенные изменения. Стало больше внимания уделяться так называемой привязке к местности, сохранению природных ландшафтов, экологии поселений. Изменился и сам вид городов. Несмотря на то, что по-прежнему применялось типовое жилищное строительство, использовались проекты наиболее подходящие для того или иного РНПО, новые серии жилых домов, соответствующие отделочные материалы.

В работе над проектированием городов и рабочих поселков в РНПО Сибири стали участвовать не только столичные, но и специализированные региональные организации, которые иногда создавали поистине сказочные проекты. Так, в 1975 г. НИИ «Красноярскгражданпроект» разработал проект застройки г. Шарыпово на КАТЭКе с расчетом возможностей проживания 300 тыс. чел. населения в 11 комплексных микрорайонах с полным социокультурным и бытовым обеспечением, с широким использованием больших и малых архитектурных форм в многоэтажном домостроении, декоративных вставок в домах, городской скульптуры и т.д. Планировалось внедрение в городскую архитектуру значительных парковых зон, линий зеленых насаждений и различного растительного декора. Предполагалось, что Шарыпово будет прекрасным современным индустриальным центром, настоящей столицей КАТЭКа.

На БАМе с началом строительства был создан специальный архитектурный Совет во главе с главным архитектором для координации и управления сооружением всех городов и поселков в зоне магистрали с тем, чтобы в результате был создан художественный ансамбль с единой архитектурной направленностью. И это было сделано не случайно, так как согласно постановлению правительства над стройками БАМа шефствовали все республики СССР, каждая из которых на своем участке магистрали должна была строить и населенные пункты, причем поощрялась национальная и региональная специфика в создании архитектурных образов.

Не все проекты городской застройки принимались Советом к реализации. Так, проекты комплексных многоэтажных микрорайонов признаны подходящими только для крупных индустриальных и административных центров. Для небольших городов и железнодорожных поселков выбиралась более компактная малоэтажная архитектура, сочетающая в себе как городское благоустройство, так и деревенскую планировку. По мнению проектантов даже небольшие населенные пункты при железной дороге, рассчитанные на 500–1000 чел., должны иметь свою индивидуальность и полный набор социокультурных и бытовых учреждений: торговых предприятий, школ, кинотеатров, библиотек, стадионов и спортзалов, комбинатов бытового обслуживания, необходимых для комфортного проживания современного человека, эстетично вписываться в природный пейзаж.

Для суровых в климатическом отношении районов проектировался особый тип жилых домов и различных учреждений, соединенных теплыми и крытыми переходами, с закрытыми балконами, противосейсмической защитой и т.д. В домах предусматривались вместительные прихожие со специальными сушильными шкафами для обуви и верхней одежды. В 4–5 этажных домах предусматривались лифты. Архитекторы объясняли, что это не излишество, а внимание к людям, которые в тяжелой рабочей одежде и обуви после работы на улице, в условиях холодной и вьюжной погоды возвращаются домой, «каждый лестничный пролет дается с трудом»²².

Специалисты, разрабатывающие жилищные программы, со всем основанием, подтвержденным научными исследованиями, ставили важные вопросы перед государственными планирующими и управленческими организациями, что для РНПО Сибири и особенно северных районов должны быть пересмотрены нормы обеспеченности жилой площадью. Здесь должны строиться иные жилые микрорайоны, чем в южных районах, чтобы компенсировать суровые природно-климатические условия, долгие полярные зимы. В обязательном порядке дома должны быть оборудованы водопроводом и канализацией, центральным отоплением и горячим водоснабжением, электроосвещением и газом, лифтовым хозяйством мусоропроводом, телефоном, радио и телевизионной сетью. В квартирах достаточной площади для проживания должны быть установлены современные системы вентиляции, защиты от пыли и шума и т.п.

Исследования кафедры архитектуры гражданских и промышленных зданий Норильского вечернего индустриального института, проведенные в 1983–1984 гг. с применением социологических методов, доказывали, что более 70 % норильчан в зимнее время проводят свободное время дома. Многие занимаются творчеством, учебной, повышением кругозора и профессиональной квалификации. В то же время только 1,5 % имеют в своих квартирах рабочую комнату, библиотеку или кабинет. Очень немногие имеют отдельные комнаты для каждого члена семьи. Профессиональный труд, самообразование, просмотр телепередач, занятия с детьми, встречи и общения с друзьями, любительское творчество – все эти и многие другие занятия происходят в общих комнатах, часто при отсутствии в квартирах отдельных спален. А ведь половина работающего населения Норильска работает посменно²³.

Исследователями был сделан вывод, что в Норильске жилые помещения и их архитектурно-планировочные решения не отвечали потребностям населения. Перед проектировщиками и архитекторами, а также государственным управлением социально-экономическим развитием должны стоять задачи оптимизации жизненной среды в суровых климатических зонах. Жизненные условия здесь должны отвечать современным потребностям людей, учитывать особенности их функционирования и проживания, способствовать более полной реализации творческих способностей.

Таким образом, разработка и реализация жилищных программ в РНПО Сибири в 1950–1980-е гг. претерпела самые различные изменения. В результате не только многократно увеличился жилой фонд региона, но и появились в ранее малозаселенных и не освоенных в хозяйственном отношении районах десятки новых городских поселений. Изменялась сама государственная стратегия хозяйственного освоения новых сибирских территорий, расширялись возможности государства. Наибольшее воздействие на историческое развитие изучаемых явлений и процессов оказали изменения в социальной политике советского правительства в послевоенные годы, когда большое внимание стало уделяться улучшению условий жизни населения страны, увеличению всех жизненных благ, способствующих изменению в лучшую сторону образа жизни людей. Несмотря на некоторую декларативность, государственная политика постепенно давала свои плоды. В результате уже в конце 1950-х – 1960-е гг. наме-

тилось стойкое повышение показателей жизненного уровня в стране, в том числе и увеличение количества жилой площади на человека, качественных показателей жилья, уровня комфортности и благоустройства жилых кварталов. Это достигалось в результате разработки и реализации особых жилищных программ в градостроительстве.

В РНПО Сибири стратегия жилищного строительства имела свои особенности. С одной стороны, она должна была обеспечить приток и закрепление трудоспособного населения, а с другой стороны, способствовать заселению и соответственно дальнейшему социально-экономическому развитию новых территорий региона. Жилищные программы разрабатывались, как правило, достаточно квалифицированно, с учетом лучших достижений науки и техники, а также практики градостроительства. В процессе же реализации они вынужденно корректировались, так как приоритет получало выполнение производственных задач. Несмотря на декларации в государственных плановых документах и, казалось бы, разумные управленческие решения, сохранялась на всех уровнях так называемая технократическая идеология.

В рассматриваемый нами период упорно поддерживалась традиция рассматривать процессы хозяйственного освоения новых территорий и природных ресурсов, развития новых производств в отрыве от человека, ради которого по сути это все и делалось. Развитие социальной сферы, в частности строительство комфортного жилья для населения районов нового индустриального освоения, оценивалось лишь с точки зрения обеспечения производства и строительства трудовыми ресурсами. Основная задача государственной политики и хозяйственного управления связывалась исключительно с закреплением населения в новых городах и поселках, формированием стабильных трудовых коллективов для выполнения производственных программ. Комфортные условия для проживания людей в РНПО Сибири создавались во вторую очередь. Данное пренебрежение нуждами населения сказалось на его активном оттоке из новых городов в 1990-е гг., когда наступил период стагнации производства. РНПО Сибири в первую очередь по сравнению с другими, более комфортными для проживания районами Сибири, стали терять население, причем наиболее квалифицированное и трудоспособное. Данную ситуацию очень трудно исправить в настоящее время, когда ставятся задачи дальнейшего хозяйственного и социального

развития РНПО. Исторический опыт свидетельствует о значительных потерях общества в целом в случае пренебрежения нуждами людей, в частности их жилищными проблемами.

*Статья подготовлена при поддержке РГНФ,
проект № 07-01-00426а*

-
- ¹ **КПСС** в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. Т. 7. С. 278-294
 - ² См: **КПСС** в резолюциях и решениях... Ч.IV. изд. 7-е. М., 1960. С. 278, 283, 393.
 - ³ **Коммунист**. 1965. № 6. С. 41
 - ⁴ См: **Итоги** Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 1. Численность населения СССР. М.1972. С.7, 10-15.
 - ⁵ **Цыкунов Г.А.** Ангаро-Енисейские ТПК: проблемы и опыт. Исторический аспект. Иркутск, 1991. С.70.
 - ⁶ **Постановления** ЦК КПСС и Совета Министров СССР по вопросам строительства. М., 1956. С. 160
 - ⁷ **Материалы** XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 391.
 - ⁸ **Ангарск**. Планировка и застройка. М., 1958. С.12.
 - ⁹ **Куцев Г.Ф.** Молодежь и молодые города. М., 1977. С.22
 - ¹⁰ **Восточно-Сибирская правда**. 1960. 14 февраля.
 - ¹¹ **Социальные** проблемы новых городов Восточной Сибири. Иркутск, 1971. С. 45.
 - ¹² **ГАИО**. Ф. П-127. Оп. 70. Д. 585. Л. 27.
 - ¹³ См: **Лукьяненко В.И.** Города, рожденные волей партии. Иркутск, 1973. С. 154-158.
 - ¹⁴ Там же. С. 160
 - ¹⁵ Там же. С. 167
 - ¹⁶ **Решения** партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т.5. С. 431.).
 - ¹⁷ **Нефть** и газ Тюмени в документах. 1901–1965 гг. Свердловск, 1971. С. 331-332.
 - ¹⁸ Там же. С.266.
 - ¹⁹ См: **Орлов Б.П.** Сибирь: шаги индустрии. М., 1988. С. 78.
 - ²⁰ Там же. С.78-79.
 - ²¹ **Очерки** истории Тюменской области. Тюмень, 1992. С.226.
 - ²² **БАМ** – дорога созидания. М., 1983. С. 172
 - ²³ **Проблемы** совершенствования образа жизни в условиях Севера. Красноярск, 1985. С. 130-131.

И.Б. Карпунина, А.П. Мелентьева

Изменение жилищных условий сельских семей в Западной Сибири в 1960–1980-е гг.

В 1960–1980-е гг. на селе происходили существенные изменения под влиянием государственной политики, направленной на ликвидацию различий между городом и деревней в рамках активно развивающихся процессов урбанизации. Определенные перемены происходили и в жилищной сфере. Жилищные условия для сельского населения – не только показатель уровня его жизни, но и важнейший фактор социально-экономического развития села и адаптации его населения к условиям проживания в нем. Отсутствие в деревне развитой системы бытовых услуг, торговли, досуга и дошкольных учреждений возлагало на жилище особые функции, которые в городе традиционно реализовывались в социально-бытовой и культурной сферах. Обеспеченность жильем, его условия и уровень благоустройства всегда играли большую роль для закрепления на селе кадров, влияли на их текучесть, миграцию населения, а значит, и на эффективность сельскохозяйственного производства. Учитывая сложные задачи и высокий удельный вес производственных функций сельской семьи, можно сказать, что она, по сравнению с городской, нуждалась в особых архитектурно-функциональных формах жилья, обеспеченного дополнительными хозяйственными и бытовыми помещениями, испытывала повышенные потребности в водоснабжении и отоплении, в быстрой и надежной связи с предприятиями социальной инфраструктуры, отсутствующими на селе. Поэтому в жизнеобеспечении сельского жителя важное значение имело не столько само жилье, сколько его обустройство дорогами, телефонной связью и другими жизненно важными средствами.

В 1950–1960-е гг. в стране разворачивалось массовое жилищное строительство. Однако в сельской местности определенные улучшения состояния жилищной сферы произошли позднее, ибо стартовые условия здесь были гораздо менее благоприятные, чем в городской. Почти весь сельский жилой фонд характеризовался высокой степенью изношенности, несоответствием числа комнат и жилой площади социально-демографическому составу семей и нормативам

заселения. Большинство многодетных семей проживало в условиях переуплотненности и дефицита жилья.

Жилищное строительство отставало от потребностей сельчан, отличалось низким качеством и высокой стоимостью. Такое положение определялось спецификой организации сельского строительства и слабостью его производственно-технической базы. Далеко не во всех колхозах имелись постоянные строительные бригады, а межколхозных строительных организаций насчитывалось единицы. Темпы строительства постоянно сдерживались нехваткой строительных материалов.

В июле 1957 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О развитии жилищного строительства в СССР», в котором была поставлена задача «...в ближайшие 10–12 лет покончить в стране с недостатком в жилье, усилить жилищное строительство в колхозах, значительно расширить сеть колхозных и межколхозных предприятий и увеличить производство местных строительных материалов, повсеместно организовать строительство жилых домов в колхозах силами колхозных строительных бригад и межколхозных строительных организаций. Начиная с 1958 г., в жилых домах, строящихся как в городах, так и в сельской местности, предусматривать экономичные, благоустроенные квартиры для заселения одной семьи. Строительство осуществлять по типовым проектам»¹.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. сельское население западно-сибирской деревни проживало в основном в индивидуальных домах без каких-либо коммунальных удобств, даже не все сельские дворы были электрифицированы. По данным выборочных обследований, примерно пятая часть колхозных семей проживала в стесненных условиях и имела менее 5 кв. м на человека, более половины из них – от 5 до 11 кв. м на человека². Однако сельский дом, несмотря на трудности его содержания и отсутствие элементов благоустройства, был привычен для сельской семьи и позволял выполнять ряд специфических функций, очень важных для нее: ведение личного подсобного хозяйства, сохранение крестьянского быта, обеспечение стабильности места жительства.

Большую роль в расширении сельского жилищного строительства сыграло постановление Совета Министров СССР «О кредитовании строительства жилых домов для колхозников», принятое в феврале 1965 г.³ Желаям строить свой дом выделялись кредиты в

размере от 700 до 1500 руб. на 7 лет с началом погашения ссуды после окончания строительства. Установка сельских семей на отдельные дома определялась экономической ситуацией в стране 1960–1970-х гг., которая диктовала необходимость для них иметь личное подсобное хозяйство, что было возможным только в условиях проживания в индивидуальных домах. Личное хозяйство служило практически основным источником получения продуктов питания. В начале 1970-х гг. на средства населения возводилась почти четвертая часть жилья.

Но уже к концу 1970-х и в 1980-е гг. строительство жилья населением за счет собственных средств и с помощью кредита стало повсеместно сокращаться. Объемы индивидуального строительства только в Алтайском крае уменьшились в 1,3 раза, а в Новосибирской области – почти в 2 раза. Однако сокращение объемов строительства жилья на средства населения было признано властью нежелательным явлением. В постановлениях партии и правительства (1978, 1979, 1981 гг.) указывалось на необходимость возрождения индивидуальной застройки на селе.

Таблица 1

**Группировка сельских семей Западной Сибири
по форме собственности занимаемого жилища (в %)***

Семьи, проживавшие	Рабочие и служащие		Колхозники	
	1972 г.	1989 г.	1972 г.	1989 г.
– в государственных и кооперативных домах	45,2	73,6	1,2	50,8
из них:				
в отдельных квартирах	40,2	70,6	–	50,3
в общих квартирах	3,7	0,3	–	0,5
в общежитиях	0,4	2,0	–	–
в бараках и др. помещениях	0,9	0,7	–	–
– в собственных домах	52,4	24,5	84,2	48,7
– на съемной площади	2,1	1,3	1,6	0,3
– в домах, принадлежавших колхозам	0,3	–	13,0	–

*Состав семей рабочих, служащих и колхозников, их доходы и жилищные условия (Стат. сб. по материалам единовременного выборочного обследования за сентябрь 1972 года). М., 1974. Ч. II. С. 202, 203, 205; Состав семей, доходы и жилищные условия рабочих, служащих и колхозников: Стат. сб. М., 1989. Ч. II. С. 108, 112.

Государству и сельхозпредприятиям предписывалось расширять производство и рынок стройматериалов для индивидуального жилищного строительства, предоставлять селянам различные льготы, в том числе и кредиты с рассрочкой выплаты на 20 лет⁴. Тем не менее объемы индивидуального жилищного строительства на средства населения, по данным за 1980-е гг., не поднимались выше 10–12 % всей площади возводимых жилых домов. Жилищное строительство велось в основном за счет государства (70%), колхозов и межколхозных организаций. Это привело к тому, что доля семей, проживавших в собственных домах, сократилась в 2 раза (табл. 1).

В складывающихся условиях сельские семьи стали надеяться на бесплатное получение жилья от государства. В этом случае они приобретали льготы по квартплате, которые составляли 1/3 расходов на содержание жилья, остальные 2/3 доплачивало государство. А семьи специалистов сельского хозяйства, учителей, врачей и работников культуры от нее освобождались совсем.

Развертывание масштабов государственного строительства повысило на селе долю благоустроенного жилья. Все колхозные дома были электрифицированы уже к 1970 г. В некоторых колхозах появились водопровод и канализация. Происходил рост газификации сел. Именно в 1970-е гг. были достигнуты наиболее значительные результаты в благоустройстве сельского жилья. В период с 1972 по 1982 г. доля семей, проживающих в квартирах с водопроводом, газом, канализацией, ванной и душем, увеличилась в 3 раза. Но в основном благоустраивались только новые дома государственного сектора застройки и преимущественно в райцентрах. Так, в Новосибирской области в 1979 г. жилье сельчан было оборудовано (%)⁵:

	Колхозы	Совхозы
водопроводом	20,9	19,6
канализацией	11,1	11,4
центральной отоплением	14,7	19,1
горячей водой	4,7	3,1
ванной	9,4	9,1
газом	65,3	85,3

Низкие темпы возведения жилья на селе и уровень его благоустройства были предопределены недостаточными капитальными вложениями. На протяжении 1960–1970-х гг. они в расчете на одного

жителя были в селах в 3–5 раз ниже, чем в городах⁶. По данным выборочного обследования, к началу 1970-х гг. показатели обеспечения сельского жилья газом были невысокими – им пользовались 51 % семей рабочих и служащих, занимавших государственные и кооперативные квартиры, 15 % проживавших в собственных домах и 17 % семей колхозников.

К концу 1980-х гг. уровень благоустройства сельского жилья повысился, но еще существенно отставал от городского (табл. 2). Колхозные семьи в большинстве своем по-прежнему не имели возможности пользоваться горячим водоснабжением, водопроводом, канализацией, телефоном. В 1980-е гг. в общем объеме ежегодно возводимого жилья только 20 % оснащалось всеми или основными видами благоустройства.

Таблица 2

Уровень благоустройства жилища семей рабочих и служащих Западной Сибири, проживающих в государственных и кооперативных квартирах (в % ко всем семьям)*

Семьи, проживающие в домах, оборудованных:	Город		Село	
	1972 г.	1989 г.	1972 г.	1989 г.
центральным отоплением	78	93	17	50
водопроводом	82	92	19	52
канализацией	76	90	12	36
горячим водоснабжением	65	81	3	13
газом	39	33	51	84
ванной или душем	67	82	10	26
телефоном	13	27	6	17

*Состав семей рабочих, служащих и колхозников... С. 255, 256; Состав семей, доходы и жилищные условия... С. 166, 170.

В 1970–1980 гг. темпы и объемы жилищного строительства в селах Западной Сибири нарастали: в 1976–1980 гг. за счет средств государства и колхозов ежегодно сдавалось в эксплуатацию 1515,2 тыс. кв. м жилья, в 1981–1985 гг. – 1980,6 тыс., в 1986–1988 гг. – 2107,0 тыс. кв. м⁷. Причем за рассматриваемый период темпы ввода жилья в сибирских селах были самыми высокими в стране⁸. Произошли позитивные изменения и в обеспечении сельских семей общей и жилой площадью. В 1972 г. на одного члена семьи рабочих и служащих, проживавших в квартирах государственных и кооперативных домов, в среднем приходилось 9,3 кв. м общей площади, в 1989 г. – 12,9,

жилой – соответственно 7,0 и 9,1 кв. м. Обеспеченность жилплощадью семей в собственных домах была еще выше: у рабочих и служащих общая площадь увеличилась с 9,8 до 14,3, а жилая – с 7,4 до 10,3 кв. м; у колхозников – с 11,3 до 13,6 и с 8,8 до 10,1 кв. м⁹. Доля семей, имеющих стесненные условия (на одного человека приходилось до 7 кв. м жилой площади), сократилась в 1,5–1,8 раза (табл. 3). За 1970–1980-е гг. увеличилось число жилых комнат, занимаемых семьей, с 2,2 до 2,5. Снижение плотности заселения жилых помещений было связано еще и с сокращением размера сельской семьи. Количество жильцов в доме в среднем уменьшилось с 4,0 до 3,5 чел.

Таблица 3

Распределение сельских семей Западной Сибири по размеру площади жилища (на одного члена семьи, в %)*

Семьи	1972 г.	1989 г.
рабочих и служащих		
– с размером общей площади, кв. м до 7	25,2	8,3
7,1–15,0	58,1	54,4
15,1 и выше	16,7	37,3
– с размером жилой площади, кв. м до 7	48,8	27,3
7,1–15,0	44,1	57,2
15,1 и выше	7,1	15,5
колхозников		
– с размером общей площади, кв. м до 7	17,2	7,3
7,1–15,0	54,9	49,3
15,1 и выше	27,9	43,4
– с размером жилой площади, кв. м до 7	32,7	21,8
7,1–15,0	52,1	56,7
15,1 и выше	15,2	21,5

Состав семей рабочих, служащих и колхозников... С. 225, 227, 241, 243; Состав семей, доходы и жилищные условия... С. 143, 147, 156, 159.

Позитивные изменения в целом не решали жилищную проблему в селах Сибири, она по-прежнему оставалась острой. Так, Томская и Тюменская области входили в группу регионов с самыми худшими в РСФСР жилищными условиями: средняя обеспеченность населения общей площадью здесь была ниже принятого при заселении социального норматива (13,5 кв. м) на 15–20%. В Новосибирской, Омской областях и в Алтайском крае, относящихся к группе регионов с жилищными условиями ниже среднего уровня, этот показатель оказывался меньше норматива в среднем на 5–10%. Даже Кемеровская область, имеющая лучшие среди сибирских регионов показатели жилищных условий населения, находилась всего лишь на среднереспубликанском уровне¹⁰.

Жилищные условия в колхозах и совхозах мало чем отличались друг от друга по характеру, этажности застройки, по материалам, используемым для возведения жилья, по давности строений и степени износа, уровню благоустройства. Однако колхозные поселки в большей степени соответствовали традициям, условиям проживания на селе и ведения личного хозяйства. Доля колхозных семей, имевших собственные дома, была в 2 раза выше, чем семей рабочих и служащих совхозов. Это во многом предопределило большую роль ЛПХ в жизни семей колхозников. По данным выборочных обследований 1989 г., 91,4 % колхозников Западной Сибири имели приусадебный участок, в том числе 43,3 % из них – свыше 0,21 га. В селах региона среди семей рабочих и служащих 12,5 % не имели земельного участка, 10,1 % имели садовый дачный участок и 74,4 % – приусадебный, в том числе лишь 11,8 % – крупный.

Большая часть совхозных работников проживала в так называемом обобществленном жилом фонде, где средние размеры квартир (домов) были меньше, чем в индивидуальном секторе, а плотность заселения выше. С 1982 г. все жилые помещения в домах совхозов включались в число служебных, условия получения которых существенно отличались от порядка предоставления жилья по государственному законодательству. Квартиры в таких домах выделялись администрацией хозяйства работникам, а при увольнении из совхоза они должны были выселиться из служебного помещения без предоставления им другого жилья¹¹.

Колхозные поселки были меньше ориентированы на городские стандарты и в меньшей степени пострадали от непродуманного вне-

дрения в 1970-е гг. на селе многоквартирной застройки. В 1982 г. лишь 6 % колхозников и колхозных специалистов проживали в многоквартирных домах, в то время как в совхозах – 21 %¹². Практика перенесения городского опыта многоэтажного домостроения на село не оправдала себя и породила немало проблем, связанных с негативной реакцией населения, лишенного в условиях многоквартирной застройки земельного участка рядом с жильем, надворных построек для содержания скота и птицы и получившего, таким образом, большие неудобства для ведения личного подсобного хозяйства. Ориентация на дома городского образца нарушала традиционно сложившийся сельский образ жизни. Поэтому уже к концу 1970-х гг. городской тип жилища был признан неподходящим для сельской местности. Июльский (1978 г.) пленум ЦК КПСС постановил обеспечить адекватный подход к жилищному строительству на селе с учетом особенностей жизни и интересов населения¹³. Строительство многоэтажек начинало замедляться. Так, в Новосибирской области в 1980 г. жилые дома 3–4-этажной застройки составляли 4,3 % от общего вводимого жилья, 5-этажной – 13,0 %, в 1984 г. – лишь 3,2 и 0,8%¹⁴. Тем не менее и в 1980-х гг. городские стандарты жилища переносились в практику сельского жилищного строительства, а новые серии типовых проектов, разработанных для села, осваивались медленно. Низкий удельный вес строительства многоквартирных жилых домов, составлявший 2–4 % его общего объема, приводил к сокращению личного хозяйства, увеличению миграции сельского населения.

Для всех сельских семей, как правило, существовало две основные проблемы: расширение жилплощади и повышение степени благоустроенности жилья. К концу 1980-х гг. около трети сельских семей имели обеспеченность жилой площадью менее 7 кв. м на одного члена (см. табл. 3). Существовал значительный разрыв между качеством сельского и городского жилья. Это было одной из наиболее серьезных проблем социально-территориальной дифференциации уровня жизни населения. По данным социологических обследований, доля семей, проживавших в благоустроенных квартирах, в селах была в 9–10 раз ниже, чем в городах¹⁵. Благоустройство индивидуального жилого фонда оставалось самым минимальным: водоснабжение в основном из колодцев и водозаборных колонок, канализация почти повсеместно отсутствовала. Печное отопление требовало регуляр-

ного снабжения населения твердым топливом. Не случайно расходы на оплату и содержание жилища в индивидуальном секторе были в 6–10 раз выше, чем у тех, кто проживал в государственных, более благоустроенных, домах. Однако это благоустройство было весьма относительным. Кроме того, по мере увеличения в сельской местности доли государственного жилого фонда обострялась проблема эксплуатации и ремонта центральных систем инженерного оборудования и жилья, т.к. соответствующие службы (коммухозы) только начинали создаваться и во многих деревнях фактически отсутствовали. Потребности в их услугах ощущались очень остро, поскольку они должны были обслуживать не только государственный, но и индивидуальный жилой фонд села, степень изношенности которого более высокая. Но в условиях недостаточного обеспечения сельского населения строительными материалами через торговую сеть, низкого развития строительной базы решать многие вопросы на селе было намного сложнее, чем в городе.

Тем не менее в рассматриваемые годы в жилищной сфере западносибирского села произошли значительные перемены. Претерпела изменения обустроенность сельских поселений, расширились масштабы строительства, увеличился жилой фонд. Изменились способы обеспечения сельских семей жильем – индивидуальное строительство за счет средств населения и кредита повсеместно сокращалось, преобладающим становилось государственное и колхозно-кооперативное, что способствовало существенному обновлению жилого фонда. Оснащенный санитарно-техническим и инженерным оборудованием, он стал качественно другим. Но обустройство сельского жилья на уровне городских стандартов происходило крайне медленно. Доля жилья с полным или частичным благоустройством хотя и увеличивалась, но оставалась очень низкой.

В обеспеченности сельских и городских семей жильем, соответствующим санитарно-гигиеническим и демографическим нормам, существовал огромный разрыв – отставание села от города составляло около 20 лет. Степень приближения сельского жилья к городским стандартам отставала и от развития потребностей сельчан, формирующихся все в большей степени под влиянием урбанизационных процессов.

К концу 1980-х гг. в сибирской деревне значительная часть сельских семей проживала, как и их предки, в деревенских избах, лишен-

ных каких-либо удобств. С одной стороны, такое жилье соответствовало запросам населения, связанным с содержанием личного подсобного хозяйства, с другой – затрудняло совершенствование семейного быта и досуга. Такое положение должно было разрешаться в ходе дальнейшего благоустройства сельских поселков, развертывания и улучшения жилищного строительства в деревне. Решение этих задач во многом связывалось с работой строительных организаций, разработкой и внедрением новых форм обеспечения населения жильем, налаживанием производства средств частичного благоустройства индивидуальных домов (малой механизации), массовым производством типовых домов для сельской местности с учетом особенностей разных районов страны¹⁶. На выполнение этих задач была нацелена принятая Советом Министров СССР в 1989 г. «Программа социального развития села»¹⁷.

Однако этим планам не суждено было реализоваться. В 1990-е гг. в ходе рыночных реформ и кардинальных перемен в стране решение жилищной проблемы стало связываться с продвижением рыночной модели жилищной политики, что коренным образом изменило ситуацию в этой сфере.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. Т. 7. С. 283, 291–292.

² Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. Новосибирск, 1991. С. 262.

³ Справочник партийного работника. М., 1966. Вып. 6. С. 300.

⁴ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1979. Т. 12. С. 300–303; М., 1981. Т. 13. С. 165–168; М., 1983. Т. 14. С. 213.

⁵ Карпунина И.Б., Мелентьева А.П., Ильиных В.А. Сельское население Западной Сибири в 1960–1980-е гг. (факторы, тенденции и результаты социально-демографической адаптации). Новосибирск, 2003. С. 60.

⁶ Тапилина В.С. Проблемы улучшения жилищных условий сельского населения // Управление сферой общественного обслуживания сельского населения и решение жилищной проблемы на селе. Барнаул, 1987. С. 95.

⁷ Подсчитано по данным: Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. С. 264.

-
- ⁸ **Заславская Т.И., Калмык В.А., Хахулина Л.А.** Проблемы социального развития Сибири и пути их решения // Известия СО АН СССР. Серия: экономика, прикладная социология. Новосибирск, 1986. Вып. 1. № 1. С. 40.
- ⁹ **Состав** семей рабочих, служащих и колхозников, их доходы и жилищные условия (Стат. сб. по материалам единовременного выборочного обследования за сентябрь 1972 года). М., 1974. Ч. II. С. 211, 219; **Состав** семей, доходы и жилищные условия рабочих, служащих и колхозников: Стат. сб. М., 1989. Ч. II. С. 115, 118, 130.
- ¹⁰ **Заславская Т.И., Калмык В.А., Хахулина Л.А.** Проблемы социального развития... С. 41.
- ¹¹ **Тапилина В.С.** Проблемы улучшения жилищных условий сельского населения. С. 97.
- ¹² **Крестьянство** и сельское хозяйство Сибири. С. 265.
- ¹³ **КПСС** в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1987. Т. 13. С. 263–277.
- ¹⁴ **Карпунина И.Б., Мелентьева А.П., Ильиных В.А.** Сельское население Западной Сибири в 1960–1980-е гг. С. 59.
- ¹⁵ **Тапилина В.С.** Проблемы улучшения жилищных условий сельского населения. С. 96.
- ¹⁶ **Рывкина Р.В.** Жилищные условия и образ жизни сельского населения.// Социологические исследования. 1975. № 4. С. 101.
- ¹⁷ **Правда.** 1989. 13 апр.

Д.В. Чернов

Пожизненная рента в Новосибирске как фактор перераспределения жилья

Очевидным следствием противоречий социально-экономического развития в последнее десятилетие XX в. как в России в целом, так и в её отдельных регионах является ухудшение материально-бытового положения пожилых людей. С 1991 г. по 2000 г. число лиц старше 60 лет увеличилось в Новосибирской области на 15 %, тогда как уровень их доходов и жизни оставался одним из самых низких¹. Вышедший на заслуженный отдых человек мог рассчитывать, как правило, на пенсию, которая практически у всех оказывалась ниже прожиточного минимума. При этом большинству пенсионеров требовались в силу возраста регулярное лечение, диеты, медикаменты. Учитывая уровень заболеваемости в России, а среди людей пожилого возраста здоровых практически нет, этой категории горожан приходилось значительную часть доходов тратить на поддержание здоровья. На продукты питания и одежду оставался минимум средств, которого часто не хватало. Поэтому самая многочисленная группа жителей области, состоявших в 1990-е гг. на учете в органах социальной защиты, находилась в преклонном возрасте. Опасение за свое будущее возникало и среди тех, кому еще предстояло выйти на пенсию.

В этой связи в конце 1990-х гг. в Новосибирске обозначился интерес к новой форме социального обслуживания малообеспеченных одиноких горожан. Договор пожизненной ренты, который им предлагали заключать с мэрией, давал определенную надежду на спокойную, безопасную и обеспеченную старость, а в работе Новосибирского управления социальной поддержки населения началась реализация проекта «*Пожизненная рента*». Положение «О пожизненной ренте в городе Новосибирске» было утверждено постановлением мэра № 1275 от 30 июня 2000 г. «О мерах дополнительной социальной поддержки пожилых граждан и инвалидов»². Заключив официальный юридический договор о том, что после их смерти квартира, единоличными собственниками которой они являются, будет

передана муниципалитету, эти категории горожан получали право на пожизненное регулярное пособие, которое выплачивалось наряду с пенсией и другими социальными пособиями. Гражданин, заключивший договор, определялся как получатель ренты. В роли её плательщика выступала мэрия г. Новосибирска. Детально регламентировались условия предоставления и величина пожизненной ренты. Получать её могли горожане, имеющие в собственности квартиру или комнату и достигшие 65-летнего возраста. В отдельных случаях договор мог заключаться с инвалидами, не достигшими установленной возрастной границы.

Как таковой институт пожизненной ренты для гражданского права России является новым, однако отношения по предоставлению пожизненного содержания в обмен на отчуждение жилого дома (квартиры) существовали и в период действия Гражданского кодекса РСФСР 1964 г. В него были включены статьи 253 и 254, в которые входили нормы о договоре купли-продажи с условием пожизненного содержания продавца. Данные статьи помещались в главу ГК РСФСР «Купля-продажа» и соответственно законодатель рассматривал договор о пожизненном содержании как разновидность договора купли-продажи. Иначе решался вопрос в гражданских кодексах союзных республик, которые были приняты практически одновременно с ГК РСФСР. Договоры о пожизненном содержании признавались самостоятельными, соответствующие нормы помещались в отдельные главы Гражданского кодекса.

С введением в действие второй части ГК РФ рентные отношения регулируются нормами главы 33 «Рента и пожизненное содержание с иждивением». В структуру данного института пожизненная рента вошла как разновидность ренты, а пожизненное содержание с иждивением как вид пожизненной ренты. Такая структура явно непротиворечива. Непоследовательность норм главы 33 ГК РФ, отсутствие четких понятий и определенности в общей части данной главы вызывают трудности в правоприменительной практике.

Гражданским кодексом предусмотрены пять разновидностей ренты: договор постоянной (пожизненной) ренты, договор постоянной (платной) бесплатной ренты и договор пожизненного содержания с иждивением, который предусматривает предоставление не денежных сумм, а в натуральном виде всего того, что обеспечивает потребности получателя ренты в жилье, медицинской помощи, питании и т.д.

Собственность, которая передается рентополучателем плательщику ренты под периодические платежи, может передаваться безвозмездно, либо за плату, размер которой определяют между собой участники договора. Как правило, она ниже рыночной на аналогичное имущество, учитывая, что рентные платежи по договору периодические и могут длиться неопределенно долгое время. Рентные платежи устанавливаются либо на период жизни получателя (пожизненная), либо постоянно, т.е. они наследуются по таким же договорам наследниками рентополучателя³.

Пожизненная рента в законодательстве 1990-х гг. и правоприменительной практике определяется как один из видов социальной помощи одиноко проживающим пожилым горожанам, которые передают принадлежащее им жилое помещение в собственность мэрии, а в обмен ежемесячно получают определенную денежную сумму. Начало этой работы в современной России связано с решением, принятым Государственной думой 22 декабря 1995 г. № 14 ФЗ (статьи № 601–605) «О заключении договоров ренты и пожизненном содержании с иждивением»⁴

Размер пожизненной ренты устанавливался в зависимости от возраста, группы инвалидности клиента и характера жилого помещения. Базой для вычислений служил минимальный размер оплаты труда. Кроме того, пожилой человек или инвалид, заключивший договор с мэрией, получал единовременное пособие в размере 100 минимальных размеров оплаты труда за однокомнатную квартиру. За каждую дополнительную комнату сумма увеличивалась на 10 %.

Приказом директора департамента по социальной политике Т.Г. Шароглазовой (№ 156 от 28 августа 2001 г.)⁵ одинокие престарелые граждане и инвалиды, получающие пожизненную ренту, прикреплялись к социальным учреждениям города для обслуживания на дому, им предоставлялись разнообразные социальные услуги: доставка продуктов на дом, помощь в приобретении лекарств, промышленных товаров первой необходимости, уборка квартиры и др. Закрепленный за таким горожанином социальный работник посещал его не менее двух раз в неделю, а нередко ежедневно, в зависимости от состояния здоровья. К тем, кто не нуждался в обслуживании на дому, сотрудники социальной службы приходили обычно раз в месяц. Фонд социальной поддержки населения города организовывал ремонт квартир получателей ренты.

Договоры пожизненной ренты действуют в Новосибирске с 2001 г. На 2006 г. заключено 123 договора. Средний размер ежемесячной ренты за время её существования в Новосибирске составляет около 1000 руб. Кроме того, мэрия выплачивает получателям ренты единовременную денежную выплату: 18 тыс. руб. – за однокомнатную квартиру, 21 тыс. руб. – за двухкомнатную и 24 тыс. руб. – за трехкомнатную квартиру.

В отличие от коммерческих структур, действующих на рынке данного вида услуг (агентства недвижимости, риэлтерские конторы), мэрия Новосибирска, помимо денежных выплат, оказывает своим подопечным широкий спектр социально-бытовых услуг. Производятся социальное обслуживание на дому, ремонт квартир за счет средств бюджета города, 100-процентное возмещение расходов при оплате жилищно-коммунальных услуг (за исключением льгот и субсидий), оказание адресной социальной помощи на зубопротезирование, слухопротезирование, хирургические операции, приобретение лекарств. Получателям ренты предоставляется также помощь в ремонте сантехнического оборудования, холодильников, электропечей и других электробытовых приборов.

В случае смерти получателя ренты плательщик (точнее городская администрация как посредник) гарантирует организацию достойных похорон с учетом оставленных им письменных пожеланий о месте захоронения и его обустройстве с соблюдением религиозных обычаев и вероисповедания. Кроме того, рентодатель устанавливает памятник усопшему и осуществляет уход за местом захоронения (два раза в год, через шесть месяцев со дня смерти). Для этого мэрия г. Новосибирска заключила договор с МУП «Похоронный дом ИМИ», где четко прописаны обязанности, сроки исполнения и ответственность сторон за выполнение последней воли умершего⁶.

Горожане, пожелавшие заключить договор пожизненной ренты, обращаются в районные отделы социальной защиты к специалисту, ответственному за сбор документов, который передает их в управление социальной поддержки населения мэрии. Здесь документы рассматриваются и поступают затем в городскую межведомственную комиссию, которая принимает окончательное решение. В соответствии с ним составляется договор. После подписания он регистрируется в учреждении юстиции Новосибирской области. Все расходы по оформлению документов берет на себя мэрия.

В соответствии с дополнительным решением городского Совета, получателями ренты смогли стать также инвалиды 1-й группы от 50 лет, инвалиды 2-й и 3-й групп от 60 лет, другие лица в возрасте от 65 лет, имеющие собственную отдельную благоустроенную жилплощадь. Инвалиды, заключившие договор пожизненной ренты, также получают все причитающиеся выплаты, пользуются бесплатным социальным обслуживанием на дому. При необходимости им предоставляется медицинское обследование, помощь в проведении дорогостоящего лечения, протезирования и другие услуги.

В Положение об установлении пожизненной ренты, которое действует в Новосибирске с 2001 г., продолжают вноситься существенные изменения, направленные на усиление социальной защищенности одиноко проживающих пенсионеров и инвалидов. Учитывая, что большинство из них находится в крайне тяжелом материальном положении, мэрия ввела дополнительные коэффициенты кратности рентных платежей относительно минимального размера оплаты труда. Так, для рентополучателей старше 80 лет установлена ежемесячная компенсация в сумме 7 минимальных размеров оплаты труда, для инвалидов I группы старше 70 лет – 7,5, также для лиц старше 75 лет (инвалидов II и III групп)⁷.

Необходимо отметить, что и в дальнейшем управление социальной поддержки населения мэрии г. Новосибирска планирует постоянно увеличивать размер ежемесячной ренты и расширять круг граждан, которые могут заключить с мэрией такой договор. Так, на пожизненную ренту на современном этапе предоставлено право инвалидам детства, достигшим 50-летнего возраста. Для людей с тяжелыми недугами это очень важное решение: они могут получать социальные услуги на дому и находиться под постоянным патронажем социальных работников. Кроме того, к получателям ренты присоединились одинокие собственники комнат в коммунальных квартирах (ранее договоры заключались только с собственниками квартир). Единовременная выплата для них составит 120 минимальных размеров оплаты труда за комнату плюс 20 МРОТ за каждую последующую комнату (если на правах собственности одинокому пожилому человеку принадлежат две комнаты в коммунальной квартире).

Несомненно, в развитии данного вида социальных услуг сделано уже немало, однако судить об эффективности его функционирования пока не берутся даже специалисты, ссылаясь на этический аспект

вопроса. Многие желающие получать пожизненную ренту пожилые одинокие граждане, опасаясь потерять свою квартиру, т.е. единственное ценное имущество, которым они располагают, отказываются заключать договора даже с представителями власти.

Договор пожизненной ренты также смущает многих людей, для которых эта форма – единственный шанс приобретения в будущем собственной квартиры: ждать чьей-то смерти кажется аморальным. Подробное же рассмотрение вопросов пожизненной ренты убеждает в том, что по сути заключающие с пожилыми людьми договор пожизненной ренты горожане не только в перспективе решают свою жилищную проблему, но и оказывают материальное содействие пожилому человеку. Задача же органов власти (мэрии Новосибирска) – гарантировать соблюдение прав пожилых людей, обеспечивая их социально-бытовыми услугами, и рентодателей, гарантируя им получение собственного жилья. За счет ренты пожилой человек (инвалид) получает и моральную поддержку: он спокойнее и увереннее чувствует себя в мире, преодолевает чувство одиночества.

Преимущество заключения договора ренты с городской администрацией очевидно: те, кто станут осуществлять уход за одинокими пенсионерами и инвалидами (сотрудники социальных служб) лично не заинтересованы в скорейшем высвобождении квартиры, что само по себе исключает корыстные мотивы.

Сегодня распространены ситуации, когда в качестве плательщика выступает юридическое лицо. Специалисты мэрии считают, что это формирует ряд угроз полноценному выполнению договора. Коммерческая структура может ликвидироваться, перестать выполнять свои обязанности. При этом квартира получателя ренты уже находится в собственности юридического лица, правда распоряжаться по своему желанию возможно лишь с письменного согласия рентополучателя, который уже не может распорядиться своей «бывшей» собственностью и никаких благ при этом не получает.

В реальной жизни возможны и обратные ситуации, когда получающий ренту пожилой человек находит другого рентодателя, готового платить больше, после чего идет в суд и требует расторгнуть договор, на основании его неисполнения плательщиком. Однако специалисты новосибирской мэрии отмечают, что подобные неприятные обстоятельства возникают нечасто.

Важным положением в договоре с городской администрацией является то, что получателей ренты может быть и больше одного, например, пожилые супруги. В случае смерти одного из них его доля переходит к другому получателю.

Конечно, случается и такое, когда пожилые люди заключают договор ренты, но от родственников это скрывают, что может привести к конфликтным ситуациям. Так, после смерти рентополучателя, обнаружившиеся родственники, претендующие на жилье, начинают доказывать недееспособность пожилого человека при жизни, более того существуют случаи назначения психиатрической экспертизы человеку после его смерти.

На современном этапе предлагается всем кандидатам в рентополучатели пройти добровольное освидетельствование на предмет дееспособности в момент заключения договора. Полученное психиатрическое заключение может защитить будущего плательщика ренты от корыстных родственников, а получателя ренты – от исков, порочащих его имя.

Несомненно, для успешного осуществления такого вида социальных услуг, как пожизненная рента, специалисты административных структур детально прорабатывают каждый договор и отмечают, что единого шаблона не существует и необходимо учесть очень много особенностей, касающихся конкретной жизненной ситуации. Возможно, именно этот подход повлиял на расширение данного вида услуг. В 2008 г. число рентополучателей, подписавших договор с мэрией, составило 60 человек.

Итак, механизм пожизненной ренты в Новосибирске формировался постепенно. Первые шаги в данном направлении были сделаны ещё в середине тяжелых 1990-х гг. Очевидно, уверенная позиция в организации системы социальной защиты населения мэрии г. Новосибирска, понимание основных подходов в социальной работе с пожилыми гражданами и высокая потребность в жилье у горожан с небольшими доходами определили введение в 2000 г. положения «О пожизненной ренте». Развитие данного вида услуг влияет как на качество социальной работы, так и на решение остро стоящей перед новосибирцами проблемы приобретения собственного жилья.

*Статья подготовлена при поддержке РГНФ,
проект № 06-01-00330а*

-
- ¹ Уровень жизни населения Новосибирской области (1995-2000). Стат. сб. Новосибирск, 2001. С.74
- ² Отчет Управления социальной поддержки населения за 2000 г. Текущий архив мэрии г. Новосибирска
- ³ Аргументы и факты на Оби. 2008, № 24. С. 18
- ⁴ Брагинский М.И. Договорное право. М., 2006. С. 163
- ⁵ Отчет Управления социальной поддержки населения за 2001 г. Текущий архив мэрии г. Новосибирска.
- ⁶ Отчеты Управления социальной поддержки населения за 2004 г. Текущий архив мэрии г. Новосибирска.
- ⁷ Отчеты Управления социальной поддержки населения за 2006 г. Текущий архив мэрии г. Новосибирска.

С.С. Букин, А.А. Долголюк, В.И. Исаев, А.И. Тимошенко

Социокультурная адаптация населения Сибири в условиях урбанизации (1930–1980-е гг.)

Социокультурную адаптацию населения в условиях урбанизованного общества целесообразно рассматривать в самом широком смысле этого понятия, обозначающего изменение не только количественных параметров, связанных с ростом городов и численности городских жителей, но и качественных характеристик, определяющих динамику в социальном и культурном статусе горожан, эволюцию их образа жизни и занятий, досуговых пристрастий и ментальных установок. В конечном итоге это позволяет представить, как в ходе формирования и развития городской среды, через механизмы адаптации населения происходили процессы общецивилизационного значения, связанные с переходом от традиционного общества к индустриально-урбанистическому, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Социокультурная адаптация населения Сибири к городской среде и городскому образу жизни происходила как в рамках мировых модернизационных процессов, так и имела свою специфику, связанную с внутренним развитием, геополитическим и экономическим положением региона. Начиная с конца XIX столетия в социально-экономическом развитии Сибири стали выдвигаться на первый план интересы центральной государственной политики, в рамках которой формировались главные стратегические установки и механизмы, определяющие и регулирующие жизнедеятельность в регионе как отдельных индивидуумов, так и целых социальных сообществ.

В 1930–1980-е гг. государственное вмешательство в жизнь населения ещё более активизировалось по сравнению с предшествовавшими историческими периодами. В связи с решениями центральной государственной власти социокультурная адаптация в регионе происходила в рамках форсирования процессов индустриализации и урбанизации. В государственной политике в этот период сформировалось особое направление, связанное с реализацией планов наиболее активного хозяйственного освоения и обживания Сибири, вовлечения её в процессы общегосударственного развития. В этот период

разрабатывались и осуществлялись крупнейшие национальные народнохозяйственные программы, которые способствовали значительному увеличению экономического и социально-демографического потенциала региона.

Вместе с тем в процессе индустриализации и урбанизации Сибири накапливался определенный опыт социокультурной адаптации населения. Она представляла собой исторически обусловленную практическую деятельность людей, приспосабливающихся к постоянно меняющимся условиям окружающей их действительности, формам и способам общественной жизни, преобразованиям её под воздействием объективных и субъективных факторов. С одной стороны, отдельные личности или социальные сообщества изменяли свою жизнь и отношение к ней под давлением внешних обстоятельств, а с другой стороны, они сами являлись преобразующим началом для окружающей их среды, изменяли её в соответствии со своими личными и общественными потребностями. В результате создавалась новая социокультурная реальность, в которой наиболее отчетливо проявлялись адаптивные способности людей, позволяющие им не просто выживать в новых условиях, а активно включаться в производство как материальных, так и духовных благ и услуг, наследовать и обогащать социальный опыт, который, передаваясь из поколения в поколение, вообще представляет крайне важное и непреходящее значение для существования человеческой цивилизации.

Феномен социокультурной адаптации населения Сибири в условиях урбанизации имеет длительную историю. Он возник со строительством первых сибирских городов, но наиболее активно стал проявляться в годы первых советских пятилеток, когда в процессе форсирования индустриализации начался беспрецедентный за всю историю региона в рамках российской государственности рост городов и городского населения, связанный в первую очередь с масштабным промышленным и транспортным строительством в регионе, освоением его природных богатств.

В исследовании процессов социокультурной адаптации населения Сибири к быстро менявшимся в XX в. социально-экономическим условиям жизнедеятельности необходимо учитывать диалектику общего и особенного. С точки зрения утвердившегося сегодня в отечественной исторической науке цивилизационного подхода, изменения, происходившие в условиях жизни и самой жизнедеятельности населе-

ния Сибири, следует изучать как часть общемирового процесса становления индустриальной цивилизации. Вместе с тем бесспорно, что перед историками Сибири в качестве одной из основных стоит задача выявления специфики процесса формирования индустриально-урбанистического общества в регионе и адаптации населения к новым реалиям. Причем, в свою очередь, во многом сибирская специфика обусловлена историческими особенностями развития России в целом.

Условия жизни населения Сибири в начале XX в. определялись исходным низким социально-экономическим уровнем, местом региона в составе России как колониальной окраины. Сибирь представляла собой территорию с преимущественно крестьянским населением, ведущим традиционный образ жизни. Достаточно сказать, что перед началом Первой мировой войны удельный вес горожан составлял всего лишь около 10 % от всего населения Сибири. Между тем, главным изменением социальной среды, к которому предстояло адаптироваться большинству людей в начинавшемся XX в., являлся переход от сельского к городскому обществу.

Процесс становления индустриальной цивилизации на территории Сибири начал ускоряться с открытием Транссибирской железнодорожной магистрали. Однако социально-политические потрясения начала XX в. существенно затормозили этот процесс. За годы мировой, а затем и гражданской войны произошла существенная деградация всей экономики, в том числе и городской инфраструктуры, обусловившая спад в формировании индустриально-урбанистического образа жизни.

К началу 1920-х гг. только 10,6 % населения Сибири проживало в городах, а основная часть – 89,4 % - в деревне¹. Плотность заселения территории Сибири была очень низкой, в среднем по региону в середине двадцатых годов приходилось два человека на 1 кв. км. Наиболее заселенной территорией являлись западные и юго-западные зоны Сибири, благодаря характеру местности и климатическим условиям. Так, в Барнаульском округе на 1 кв. км приходилось 15,7 жителей, в Бийском – 12,3. Это обусловило сосредоточение в юго-западной Сибири большей части земледельческого населения – 63,2 %.

По мере продвижения на восток и северо-восток более суровый климат, являвшийся препятствием для успешной хозяйственной деятельности, определял слабую заселенность. В Томском округе на

1 кв. км проживало менее 2 чел. (1,7), в Канском – чуть больше 1 (1,2), в Иркутской губернии менее 1 (0,6)².

По мере восстановления народного хозяйства в двадцатые годы возобновились урбанизационные тенденции, наметился ускоренный рост городского населения. Наиболее точные и полные данные первой Всесоюзной переписи населения 1926 г. констатируют, что в Сибири (включая Якутию) проживало 11 024 тыс. чел. Городское население составляло 1415 тыс. (12,8 %), а сельское – 9609 тыс. чел. (87,2 %)³.

Правда, площадь и населенность большинства сибирских городов были невелики, в 1926 г. около половины городского населения Сибири проживало в малых городах численностью до 20 тыс. чел. Образ жизни и ментальные представления городских жителей еще мало отличались от деревенских традиций. Можно сказать, что в двадцатых годах население Сибири пребывало только на начальной стадии перехода от сельского уклада жизни к городскому.

О преобладании аграрного сектора в экономике региона говорит следующий показатель: в 1925/26 хоз. г. в валовой продукции Сибирского края только 22,2 % составляло промышленное производство, в то время как в целом по СССР – 40,5 %⁴.

Резкое ускорение урбанизационных процессов в Сибири наблюдается с началом первой пятилетки, когда в регионе развернулось масштабное индустриальное строительство. За годы первых пятилеток соотношение аграрного и промышленного секторов в экономике региона кардинально изменилось: например, к концу второй пятилетки в валовой продукции Новосибирской области промышленность давала 82,5 %, Красноярского края – 65,3 %, Бурятии – 71,1 %⁵.

Сравнение данных Всесоюзных переписей населения в 1926 и 1939 гг. показывает, что под влиянием индустриализации в Сибири за короткое время произошли существенные перемены в составе населения, позволяющие констатировать ускоренное развитие процесса урбанизации. В 1939 г. в Сибири (включая Якутию) проживало 14112 тыс. чел., в том числе жители городов составляли 4424 тыс., т.е. 31,3 %. А к началу Великой Отечественной войны городское население Сибири увеличилось еще более чем на полмиллиона и составляло 33,1 % в составе населения региона⁶.

Особенно быстрыми темпами процесс урбанизации развивался на территории новых и интенсивно развивавшихся старых промышленных центров. Так, в 1926 г. численность городского населения Кузбасса составляла всего 120 тыс. чел., а в 1939 г. она приблизилась к миллиону (910 тыс. чел.), увеличившись в 7,6 раза⁷. Существенно выросло количество крупных городов. Если в 1929 г. в Сибири было только два города с населением более 100 тыс., то в 1939 г. их стало уже 11.

Процессы индустриализации и урбанизации существенно изменяли не только соотношение долей горожан и сельских жителей в населении Сибири в целом, но и социальный состав самого городского населения (табл.1).

Таблица 1

Изменения социальной структуры городского населения Сибири в 1926 - 1939 гг. (в % к итогу) *

Социальная группа	Перепись 1926 г.	Городской учет 1931 г.	Перепись 1939 г.
Рабочие	26,7	40,1	62,2
Служащие	27,6	30,0	30,3
Некооперированные мелкие товаропроизводители	20,3	3,3	0,9
Буржуазные элементы	5,6	1,2	-
Безработные	6,7	-	-
Прочие	13,1	25,4	6,6

*Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917-1937 гг.). Новосибирск, 1982. С. 233

В составе горожан более половины теперь принадлежали к рабочему классу, который формировался в этот период в основном из жителей села. По данным профсоюзной статистики в Западной Сибири в составе новых рабочих в 1930 г. выходцы из крестьян составляли 80 %, в 1931 г. – 88 %, в 1931 г. – 85 %. Пополнение происходило преимущественно за счет населения сел и деревень Западной Сибири. На строительстве КМК доля крестьян в новых пополнениях коллектива строителей достигала в эти годы примерно 90 %⁸.

Стремление новобранцев индустрии влиться в состав городского населения было обусловлено целым рядом стимулов. Но в качестве ведущих оставались все-таки элементарные проблемы выживания. Изгнанные или бежавшие из деревни вчерашние крестьяне плохо ориентировались в новом для них городском мире. Перспектива остаться без работы, а значит и без места в новом обществе, пугала их больше всего. В отличие от отходников досоветского времени и периода нэпа у них уже не было тыла в деревне, куда они могли бы отступить. Поэтому, зацепившись за любое рабочее место на стройках социализма, они готовы были мириться с низким уровнем оплаты труда, бытовыми трудностями, диктатом партийных и профсоюзных руководителей

Развитие процесса урбанизации определяло кардинальные изменения социокультурной среды обитания, ценностных ориентаций городского, а затем и сельского населения Сибири. В картине будущего, рисуемой партийно-государственной пропагандой, ведущее место в обществе должно принадлежать жителям городов, которые будут жить в прекрасных социалистических городах, работать на фабриках и заводах, оборудованных по последнему слову техники. Крестьянство и сельский образ жизни в общественном сознании населения Сибири начинали оцениваться негативно, несмотря на периодически провозглашаемые пропагандой призывы повернуться лицом к деревне и крепить смычку с крестьянством.

Складывавшийся в государственной политике, а также и в общественном мнении приоритет рабочего класса и городского образа жизни отражался, прежде всего, в жизненных планах молодого поколения деревни. По данным опроса, проведенного в 1928 г. в одной из сельских организаций ВЛКСМ Тарского округа, среди комсомольцев, уже имеющих крестьянское хозяйство или являвшихся основным работником в семье, только 48 % предполагали в будущем продолжать работать в сельском хозяйстве, 26 % надеялись поступить на учебу, а затем стать советскими служащими, 15 % ставили себе целью просто переезд в город, еще около 11 % собирались овладеть каким-либо ремеслом, т.е., видимо, также предполагали порвать с сельским хозяйством⁹.

Таким образом, даже среди тех молодых людей, которые уже фактически заняли свое место в деревенском обществе, сохранялась высокая потенциальная мобильность, ориентация на изменение сво-

ей будущей деятельности в пользу городских видов труда. Еще более высокой была степень потенциальной социальной мобильности среди сельских подростков, только выбиравших свою судьбу. По данным опросов, проводившихся в конце 1920-х гг. среди сельских школьников Сибири, до 80 % из них связывали свое будущее с жизнью в городе¹⁰.

Сельская молодежь начинала ощущать своеобразный комплекс социальной неполноценности, к тому же оказавшись в положении между двух огней. С одной стороны, старшее поколение требовало от молодежи помощи, поддержки, а в будущем принятия на себя функций хозяина и работника в крестьянском хозяйстве. С другой стороны, школа и пропаганда внушали молодежи, что прекрасное будущее связано с рабочим классом, с городом. Для многих сельских подростков выход из этой психологически некомфортной ситуации виделся в разрыве со своими корнями: крестьянской семьей, деревней, в переходе в город и занятии социально привилегированной позиции рабочих – передовых строителей социализма.

Развернувшееся в конце 1920-х раскулачивание зажиточного крестьянства окончательно убедило сельское население, что традиционная для деревни перспектива создания собственного крепкого хозяйства становилась теперь не только непривлекательной, но и опасной. Неизбежным следствием такой ситуации становилось стремление значительной части крестьян, прежде всего, сельской молодежи, переехать в город.

Массовый переход населения из села в город вызвал множество проблем, требовавших государственного регулирования, управления процессом адаптации людей к новым условиям жизни. Самой острой проблемой для городского населения Сибири, обусловленной форсированным характером индустриализации, стала жилищная. Обострение ее наблюдалось уже в начале двадцатых годов. Только с 1923 г. по 1926 г. население 30 городов Сибири выросло на 158,9 тыс. человек. Если в 1923 г. на одного жителя городов Сибири приходилось 5,37 кв. м, то в 1926 г. только 4,8 кв. м жилья, в то время как в среднем по стране этот показатель составлял 5,86 кв. м¹¹.

Разворачивающийся процесс ускоренной индустриализации, рост численности городского населения при медленных темпах жилищного строительства и слабом финансировании не позволяли решить жилищный вопрос. На рубеже тридцатых годов интенсивный при-

ток населения в города Сибири, как из центральной части страны, так и из сибирской деревни, вызвал острый жилищный кризис. Так, если жилая площадь основных городов Кузбасса за 1927–1930 гг. выросла в 2 раза, то численность населения – почти в 3 раза. В итоге здесь на начало 1931 г. в среднем приходилось лишь 2,4 кв. м жилой площади на человека¹². Не лучше обстояло дело и в Восточной Сибири, где в индустриальных районах обеспеченность жильем колебалась от 2 до 2,5 кв. м. В Черемховском угольном бассейне 90 % шахтерских семей имели для проживания лишь комнату в общем помещении¹³.

Особенно трудным было жилищное положение на стройках новых промышленных предприятий Сибири. Основная масса строителей, а затем еще длительное время и работников предприятий, жила в бараках, землянках, палатках, шалашах. Условия проживания в них были крайне тяжелыми. В бараках «Сибкомбайна», например, в 1930 г. на одного человека приходилось менее 2 кв. м¹⁴.

В первые годы строительства Кузнецкого металлургического комбината 95 % рабочих жило в бараках и землянках. В 1932 г. в Новокузнецке на одного человека приходилось 1,27 кв. м жилплощади, только 47,9 % рабочих были обеспечены хоть какой-то жилплощадью от предприятия, остальные проживали в частном секторе, близлежащих деревнях и т.п.¹⁵

За годы первой пятилетки происходило постоянное снижение средних показателей обеспеченности населения сибирских городов жильем. В городах Западной Сибири на одного жителя в 1929 г. приходилось 4,2 кв. м, в 1930 г. – 4, в 1931 г. – 3,8, в 1932 г. – 3,6 кв. м¹⁶. Во второй половине 30-х гг. жилищный кризис в городах Сибири продолжал обостряться. Причины этого заключались в «остаточном принципе» финансирования социальных потребностей населения.

Например, в Кузбассе, где острота жилищной проблемы была просто вопиющая, из общего объема капиталовложений в 1932–1937 гг. только 15–25 % пошло на строительство жилья. В результате такой политики по данным на 1937 г. 89 % жилого фонда шахтеров Кузбасса составляли дощатые, бревенчатые и саманные жилища, а также землянки. В Прокопьевске количество землянок достигало 2500, в Новокузнецке более половины работников КМК по-прежнему размещалось в бараках¹⁷. В Барнауле на окраине пос. Ильича раскинулась пролетарская слободка из землянок под названием «Копай-

город», продолжали использоваться землянки и в других частях города¹⁸. Только постепенно вместо бараков и землянок, а чаще рядом с ними создавались районы нормальной городской застройки.

Среднедушевая обеспеченность жильем в городах Сибири оставалась очень низкой. В 1937 г. в Новосибирске на 1 жителя приходилось 3,2 кв. м жилой площади, в Новокузнецке, Кемерово, Анжеро-Судженске – 3,1, в Красноярске – 2,8, в Ленинске-Кузнецком, Игарке – 2,5 кв. м¹⁹.

Правда, следует отметить, что в тридцатые годы центры сибирских городов стали застраиваться зданиями, которые отвечали современным представлениям об урбанизированной жилищной среде. В связи с этим происходило значительное улучшение жилищных условий определенной части городского населения. Прежде всего, это коснулось представителей нового господствующего класса – партийно-государственной номенклатуры, а также высших слоев интеллигенции. Кроме того, для части рабочих-ударников, стахановцев вне очереди предоставлялись благоустроенные квартиры во вновь строящихся домах.

В целом объем жилплощади в городах Западной Сибири за 1928–1932 гг. вырос на 1 млн. кв. м., т.е. в 1,7 раза, а в городах Кузбасса – в 3,2 раза²⁰. За годы второй пятилетки в городах Новосибирской области было введено в строй (с учетом индивидуального строительства) 1,5 млн. кв. м, в городах Восточной Сибири – 3,3 млн. кв. м жилья²¹. Только государственный жилой фонд в городах Западной Сибири вырос с 2,5 млн. кв. м в 1932 г. до 3,8 млн. кв. м в 1937 г.²². Все это свидетельствовало об интенсивном развитии городов Сибири, но численность городского населения возрастала все же значительно быстрее, чем объемы вводимого жилья.

В создавшихся условиях стало невозможно обойтись без государственного вмешательства, выработки мер по адаптации больших масс переселенцев к городскому образу жизни. Это потребовало активизации вокруг этих проблем общественного мнения, выработки и утверждения новых норм и принципов организации быта. Ответом на потребности жизни стало, в частности, движение за социалистическую перестройку быта, которое в числе других задач ставило задачу разрушения и вытеснения тех элементов и сторон прежнего бытового уклада, которые мешали формированию необ-

ходимой для индустриального производства культуры повседневной жизни.

Борьба с наследием старого быта, под которым понимались пьянство, грязь и антисанитария в быту, нерациональное использование свободного времени, остатки Домостроя в семейных отношениях, оказывала действительно положительное воздействие на формирование нового образа жизни. Вместе с тем, кампанейщина и декларативность, свойственные тому времени, а также исходный низкий уровень экономического и культурного развития не позволяли добиться за несколько лет серьезных изменений.

Необходимость в выработке мер влияния на устройство быта быстро растущего населения городов Сибири диктовалась не только экономическими потребностями, но и обострившимися санитарно-гигиеническими проблемами. Без обеспечения хотя бы минимального уровня социальной гигиены быта было невозможно нормальное функционирование народного хозяйства. Постоянная опасность возникновения массовых эпидемий в условиях неустроенного быта заставляла искать способы пропаганды и утверждения норм и привычек городского образа жизни, так называемого культурного социалистического быта.

В конце 20-х гг. в условиях объявленного партией и профсоюзами наступления на старый быт и развернувшейся в 1929 г. общественно-политической кампании по развитию социалистического соревнования в Сибири возникали и утверждались разнообразные формы воздействия на быт горожан. При всей социалистической риторике, представления внедрявшихся способов воздействия как новых форм социалистического соревнования, очевидно, что на самом деле смыслом и содержанием этой деятельности было утверждение норм социальной гигиены, воспитание культуры повседневной жизни, необходимой для индустриально-урбанистического общества.

Соревнование в сфере быта развернулось практически следом за его внедрением на производстве. Иногда даже мероприятия по развертыванию соревнования начинались проведением субботников и воскресников по благоустройству и наведению порядка в местах проживания. Так, железнодорожники Красноярска объявили началом массового социалистического соревнования воскресник чистоты²³.

Важное место в соревновании по вопросам быта заняла борьба за чистоту и культуру мест проживания. Журнал сибирских профсою-

зов «Профессиональное движение» отмечал, что в 1929 г. на многих предприятиях Сибири началось движение за культурное рабочее жилище²⁴.

Особое значение приобретали общественные формы регулирования быта в бараках, поскольку именно в них проживало большое количество переселенцев из села. В бараках было тесно, не хватало самых элементарных удобств, но даже в этих условиях люди пытались как-то обустроить свой быт. Создавались советы жильцов, которые возглавляли борьбу за чистоту и общественный порядок. Совет избирался на общем собрании жильцов в составе 3–7 человек, во многих бараках также избирались товарищеские суды, общественные трибуналы, которые должны были призывать к порядку хулиганов и пьяниц.

Положительный опыт работы барачных советов в 1931 г. имелся в Щегловске (Кемерово), где они организовали постоянное дежурство в бараках по поддержанию чистоты и порядка. Задачи создания благоприятных культурно-бытовых условий жизни в бараках и роль в этом барачных советов обсудила районная конференция рабочих Кемеровского рудника, проживающих в бараках²⁵. В Прокопьевске в соревнование за лучшую организацию быта включились 28 барачников, в нем застрельщиками и активными участниками стали 2500 рабочих-ударников, являвшихся передовиками и в борьбе за культурный быт²⁶.

Соревнование за культурный быт в бараках развернулось в Черемховском бассейне, его инициаторами выступили рабочие барака № 7, которые вызвали на соревнование барак № 320, послав туда «общественный буксир». Этот почин был поддержан и жильцами других барачников, объявлен конкурс под девизом: «Сделаем рабочие общежития очагами нового быта». Проведение конкурса существенно улучшило условия жизни в бараках²⁷.

Хорошие результаты дал месячник борьбы за культурный барак на строительстве завода «Сибкомбайн». В качестве примера можно привести работу совета жильцов барака № 7, который постоянно проводил общие собрания, добился образцовой чистоты и уюта в бараке, ежедневно здесь проводилась утренняя зарядка, устраивались коллективные чтения и обсуждения книг, газет и журналов²⁸.

Большая работа по улучшению быта рабочих, проживавших в бараках, развернулась на Кузнецкстрое. В марте 1931 г. здесь было

организовано 156 бригад по проверке культурно-бытовых условий жизни рабочих, живущих в бараках²⁹. Ф. Елизаренко, председатель рабочкома Кузнецкстроя, отмечал, что профсоюзная организация развернула массовое соревнование между бараками за чистоту и организацию культурного быта. К этой работе был подключен профсоюзный актив, информация о ходе соревнования передавалась по местному радио. Рабочие Кузнецкстроя вызвали на соревнование за лучшую организацию быта рабочих Магнитогорского металлургического комбината³⁰.

Профсоюзные организации возглавляли работу по проверке и улучшению культурно-бытовых условий проживания рабочих в бараках. Так, в августе 1931 г. Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский краевые советы профсоюзов организовали рейды по проверке барачков, в ходе которых были выявлены недостатки в организации быта рабочих, приняты меры по улучшению культурно-бытового обслуживания³¹.

Много внимания уделялось организации конкурсов на лучшее содержание жилищ, благоустройство мест проживания. В 1929 г. в рамках культурно-бытового похода проводились обследования жилищ рабочих, на предприятиях и по месту жительства организовывались бытовые конференции. Профсоюзы оказывали и практическую помощь рабочим в перестройке быта. Так, в июне 1929 г. профсоюз металлистов в Омске обследовал более 800 квартир, пропагандируя принципы культурного быта, решая при этом и конкретные задачи улучшения быта рабочих³². Подобные обследования жилищ рабочих проводились и в других городах и рабочих поселках Сибири.

На заводе «Труд» в Новосибирске осенью 1929 г. был организован конкурс-смотр по социалистической перестройке быта, во время которого обследовались квартиры рабочих. Своеобразной формой активизации общественного воздействия на бытовую жизнь людей стали так называемые «митинги на кухне», во время которых обсуждались вопросы борьбы за новый быт³³.

В 30-е гг. соревнование за культурную квартиру стало традиционным и повсеместным направлением в работе по совершенствованию быта. Так, в Ленинск-Кузнецке осенью 1933 г. в конкурс на лучшее жилище было вовлечено значительное число рабочих семей. Газета «Ленинский шахтер», призывая рабочих включиться в соревнование, опубликовала условия конкурса³⁴. На собраниях, через газету или

устно рабочие или домохозяйки вызывали на соревнование по наведению порядка и уюта в доме своих товарищей по работе, знакомых³⁵.

Составлялись также коллективные договоры о соревновании по вопросам быта. Так, 400 рабочих семей шахты им. Р.И. Эйхе (Прокопьевск) на 1934 г. заключили договор, по которому каждая семья должна была посадить у дома не менее трех деревьев, в квартире регулярно проводить уборку, побелку, оборудовать детский уголок или уголок школьника, выписывать газеты.

Всего в 1932–1933 гг. в конкурсе на лучшую квартиру приняли участие 2340 рабочих семей Прокопьевска. Итоги конкурса показали, что почти во всех квартирах на хорошем уровне поддерживается чистота, проводятся побелка и покраска, половина квартир регулярно проветривается, около трети участников в период конкурса приобрели мебель, другие предметы культурно-бытового пользования³⁶.

Итак, типичной чертой городского образа жизни в советской России стало государственное и общественное регулирование бытовой жизнедеятельности людей, в первую очередь рабочих. По существу их быт переставал быть областью частной жизни, подвергаясь различным формам контроля и регулирования.

Вопросы обустройства жилища, разнообразные проблемы в сфере быта стали предметом деятельности и контроля партийных, профсоюзных, советских органов, а также различных общественных организаций. Они использовали для адаптации населения к городскому образу жизни привычные для них формы общественно-политических кампаний: смотров и конкурсов, декадников и месячников, походов и эстафет. Развитие социалистического соревнования также было внедрено в арсенал средств адаптации населения к новым условиям существования, став одной из основных форм работы по оздоровлению и улучшению городского образа жизни.

Эффективным способом адаптации населения Сибири к новым социально-политическим и экономическим условиям становилась культурно-просветительная работа. С ее помощью открывались возможности формировать у населения необходимые для успешного выживания формы и привычки повседневной жизни, нормы и ценности, соответствующие индустриально-урбанистическому обществу.

В годы первых пятилеток в советской России была создана небывалая по масштабам и задачам система культурно-просветительной работы. Происходило массированное воздействие государства и пра-

вающей коммунистической партии на сознание населения, особенно интенсивной идеологической обработке подвергалось городское население, прежде всего, рабочий класс. Сегодня, рассматривая исторический путь страны и критически оценивая принудительное насаждение коммунистической идеологии со стороны партии и государства, мы все же должны по достоинству оценить позитивную роль огромной культурно-просветительной работы, проводившейся в советский период. В частности, усилия государства и общественно-политических организаций по организации культурно-просветительной работы в годы первых пятилеток бесспорно помогли сотням тысяч людей успешнее адаптироваться к условиям промышленного производства и городского образа жизни.

Формирование новых норм и ценностей не могло строиться только на прямолинейной пропаганде коммунистической идеологии и веры в светлое будущее. Для этого с неизбежностью должны были разрабатываться и использоваться механизмы приобщения людей к культуре, позволяющие сделать новые нормы и ценности частью их духовного мира, повседневного существования. Такими механизмами стали, прежде всего, внедрение в повседневную жизнь людей элементов потребления массовой культуры с соответствующим идеологическим содержанием: чтение газет, слушание радио, посещение культурно-зрелищных учреждений, занятия в различных любительских кружках и т.п.

Важным каналом влияния на сознания людей в XX в. стали средства массовой информации. Распространению газет, их внедрению в повседневную жизнь рабочих в годы первых пятилеток партийными, профсоюзными и комсомольскими организациями Сибири уделялось особенно много внимания. На промышленных предприятиях постоянно проходили кампании по подписке, пропаганде газет. В Иркутске, например, в декабре 1929 г. был проведен ударный штурм по продвижению в массы газет и журналов. На предприятиях организованы митинги, на которых разъяснялось значение газеты для расширения кругозора, повышения уровня культуры рабочих. Организовывались бригады из комсомольцев, которые ходили по квартирам рабочих, агитировали подписаться на газету и тут же оформляли подписку на центральные и местные газеты³⁷.

Можно сказать, что именно в годы первых пятилеток чтение газет стало неотъемлемой чертой повседневной жизни. Так, известные спе-

циалисты по истории рабочего класса Л.А. Гордон и Э.В. Клопов считают, что в годы первых пятилеток более половины рабочих промышленности СССР являлись постоянными читателями газет³⁸.

Наряду с подпиской многие граждане покупали газеты в розничной продаже. Так, по данным обследования, проведенного ВЦСПС в центральной части страны, глава рабочей семьи в среднем за год покупал 305 газет, т.е. почти ежедневно³⁹. В Сибири эта цифра была, видимо, несколько ниже из-за неразвитости сети розничной продажи, но, скорее всего, близкой к приведенной в обследовании ВЦСПС. Постепенно потребность в чтении газет становилась постоянной и естественной.

Приобщение к чтению газет имело своим логическим продолжением обращение к книгам, журналам, научно-популярной и художественной литературе. Развитию сети библиотек уделялось очень серьезное внимание. В 1928 г. всего по Сибири из 1607 профсоюзных организаций (без союза сельскохозяйственных и лесных рабочих), насчитывавших 220 тыс. членов, 518 обслуживалось стационарными библиотеками, их читателями являлись 81970 рабочих, т.е. около 37 % всех членов профсоюзов⁴⁰.

Видимо, этот показатель действительно отражает распространенность чтения как одного из основных способов проведения свободного времени. Это, в частности, видно из сравнения с данными в целом по стране. Л.А. Гордон и Э.В. Клопов считают, что в 1920–30-е гг. около 35–40 % рабочих промышленности СССР являлись постоянными читателями книг и журналов⁴¹.

Деятельность профсоюзных организаций по приобщению рабочих к чтению художественной и иной литературы являлась постоянной частью их культурно-просветительной работы. Группы книгонош, чтцов организовывались на всех предприятиях Сибири. Так, в 1935 г. на предприятиях города Тулун (Восточная Сибирь) были созданы группы «читчиков и беседчиков», которые каждую неделю проводили чтение и обсуждение литературных произведений⁴². На заводах № 104 и им. Куйбышева в Иркутске в марте 1935 г. состоялись литературные вечера, на которых обсуждались произведения А. Толстого «Петр I» и И. Эренбурга «День второй»⁴³.

Особенно важное значение придавалось ускоренной адаптации рабочих на строительство новых индустриальных центров. Бригадир каменщиков-огнеупорщиков В.Я. Шидек, рассказывая о быте рабо-

чих Кузнецкстроя, отмечал, что, несмотря на серьезные материальные трудности, тесноту и перенаселенность бараков, в проведении свободного времени рабочих много места занимали разнообразные формы культурно-просветительной работы: организовывались концерты и лекции, ликвидация неграмотности, устраивались коллективные читки газет, проходил обмен мнениями о событиях внутренней жизни страны и международной политики⁴⁴.

Адаптации новых рабочих к индустриально-урбанистическому образу жизни активно помогало радио. В годы первых пятилеток слушание радиопередач обычно проходило коллективно. Люди собирались в клубе, красном уголке или на квартире счастливого обладателя радиоточки после прослушивания начиналось обсуждение. Передачи длились 3–4 часа в день, по содержанию более половины их занимали сообщения о внутренней и международной жизни, лекции и беседы на различные темы⁴⁵.

В 1930-е гг. радиовещание велось с 6 до 8 час. утра, затем с 10 до 12 час. и с 18 до 24 час.⁴⁶ Таким образом, жители, собираясь на работу, в обеденный перерыв и в вечерние часы отдыха имели возможность слушать радио. В частности, существовавшая весь советский период популярная радиопередача «В рабочий полдень» зародилась именно в эти годы. В конце 1930-х гг. радиовещание стало круглосуточным, по местной сети объявлялся перерыв с 24 до 6 час.

Большую роль играло радио в пропаганде новых норм и ценностей, организовывались тематические лекции, выступления передовых рабочих. Кроме того, участвовало радио и в воспитании эстетических вкусов, приобщении населения Сибири к сокровищам классической культуры. Радиостудии вели диалог со своими слушателями, при составлении радиопрограмм учитывались их интересы и пожелания. Так, Иркутский радиоцентр в сентябре 1930 г. провел анкетный опрос своих слушателей, в ходе которого выяснялись их требования и пожелания к радиопрограммам⁴⁷.

О популярности радио и внимании к нему свидетельствуют письма радиослушателей. Только с января по сентябрь 1935 г. в адрес Западно-Сибирского краевого комитета по радиовещанию поступило 3433 письма, в которых содержались просьбы передать любимы произведения, дать ответы на те или иные вопросы. В письмах отмечалось, что во многих семьях складывается традиция по вечерам слушать радио, обсуждать передачи⁴⁸. В целом внедрение радио в

быт становилось неотъемлемой чертой повседневной жизни населения Сибири.

Среди новых способов проведения свободного времени, которые в большей степени соответствовали задачам формирования городского образа жизни, важное место занимало приобщение жителей Сибири к посещению зрелищных учреждений. Просмотр кинофильма, театрального спектакля, других представлений создавал хорошие возможности для целенаправленного воздействия на сознание людей через эмоционально-художественное восприятие мира. С другой стороны, это обеспечивало возможности для полноценного отдыха, восстановления физических и духовных сил, необходимых для дальнейшего процесса производства. Формирование привычки к посещению зрелищных учреждений являлось также эффективным средством вытеснения негативных форм проведения свободного времени.

Самым массовым зрелищем на рубеже 20–30-х гг. становится кино. Быстро росла посещаемость кинотеатров, кроме того, жители посещали киносеансы в клубах, где цены на билеты были ниже, часто организовывались также бесплатные сеансы. В среднем на каждого жителя городов и рабочих поселков Сибири в 1928 г. приходилось 14 посещений кино⁴⁹. В крупных городах эта цифра была еще выше. В Омске в 1926 г. на одного жителя приходилось два посещения кино в месяц, в Барнауле в 1928 г. на одного рабочего приходилось даже три посещения в месяц⁵⁰.

Расширялась сеть кинотеатров и киноустановок в Сибири. На 1 июня 1928 г. в Сибирском крае действовало 170 кинотеатров с 61020 местами⁵¹. Кроме того, действовало много киноустановок в рабочих клубах: общее их число в 1928 г. составляло 520, а к началу второй пятилетки только в Западной Сибири насчитывалось 1157 киноустановок, в 1938 г. их было уже 1490⁵². На 1 января 1935 г. в Восточной Сибири действовало 277 стационарных установок в городе, 61 – в деревне и 405 передвижных киноустановок⁵³.

В дни праздников киноэкраны устанавливались прямо на улицах, бесплатно демонстрировались популярные и любимые народом фильмы: «Броненосец «Потемкин», «Чапаев», «Встречный», «Путевка в жизнь» и др. В дни празднования годовщины Октябрьской революции в 1936 г. и на Первомай 1937 г. в Иркутске, например, были установлены экраны на площади Кирова, на ул. Ленина, в рабочем поселке имени Марата⁵⁴.

Наряду с практиковавшимися обсуждениями кинофильмов после сеансов, формированию новых норм и ценностей способствовали конференции кинозрителей, проводившиеся в клубах. Так, в апреле 1927 г. в одном из рабочих клубов Иркутска была организована конференция зрителей, на которой разгорелся интересный диспут о кино, присутствовало более 300 чел.⁵⁵ В конце 1927 г. Сибирский краевой совет профсоюзов провел широкое обследование клубных киноустановок и работы клубов по пропаганде кино⁵⁶. По его итогам президиум Сибирского краевого совета профсоюзов 9 февраля 1928 г. принял специальное постановление, обязывающее клубы развернуть культурно-воспитательную работу, пропагандируя новые нормы и ценности через советские кинофильмы⁵⁷.

Первое краевое совещание профсоюзных клубов Восточно-Сибирского края (13–16 января 1931 г.) отметило «недостаток развития киносети края, слабое развитие культурно-массовой работы вокруг кино, недостаточное продвижение лучших фильмов в рабочие клубы». В своем постановлении совещание обязало клубы развернуть пропаганду лучших образцов киноискусства, организовывать лекции о кино, обсуждение фильмов, диспуты и т.п.⁵⁸.

По данным ВЦСПС на 1932 г., рабочие и члены их семей в среднем посещали кинотеатры около 33 раз в год⁵⁹. Близкая к этим данным частота посещения кинотеатров наблюдалась и в Сибири. По данным обследования в 1936 г. рабочих завода № 104 в Иркутске, рабочие бывали в кинотеатрах 2–3 раза в месяц⁶⁰. Еще чаще смотрела кинофильмы молодежь. Так, по данным обследования рабочей молодежи, проведенного ЦУНХУ совместно с ЦК ВЛКСМ в конце 1935 г., юноши посещали кино около 41,6 раз в год, девушки – 29,6⁶¹. Таким образом, можно сделать вывод, что в Сибири за годы первых пятилеток посещение кино стало типичным видом культурного отдыха.

Число мест в зрелищных учреждениях Сибири увеличивалось год от года, что, несомненно, способствовало более широкому распространению у рабочих привычки к их посещению. Если в 1929 г. число мест в театрах составляло 4 тыс., в цирках – 900, то в 1931 г. соответственно 9,3 тыс. и 9 тыс., а в 1932 г. – 15 тыс. и 17 тыс. По данным на 1 января 1935 г. в Сибири было 36 театров и цирков, в которых насчитывалось 33,1 тыс. мест⁶².

В организации культурного досуга городского населения Сибири большую роль играли рабочие клубы. По данным Сибирского краевого совета профессиональных союзов в 1928 г. по 1607 профсоюзным организациям (без Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих), в которых насчитывалось 220 тыс. чел., клубами обслуживалось более 120 тыс. чел., красными уголками – 165,8 тыс.⁶³.

В 1928 г. в Сибирском крае действовало 215 клубов и 3 тыс. красных уголков, а в 1937 г. только на территории Новосибирской, Омской областей и Красноярского края насчитывалось более 5,3 тыс. клубных учреждений⁶⁴. Большинство жителей Сибири имели возможность посещать клубы и красные уголки.

Одним из направлений приобщения рабочих к новым формам проведения досуга являлось вовлечение их в кружки при клубах. Предоставлялся широкий выбор любительских занятий. В 1928 г. в клубах Сибири действовало 26 видов различных кружков⁶⁵. Из 1607 профсоюзных организаций Сибири в 1025 были созданы и работали различные кружки, их число достигало 4920, а количество занимающихся – 72850 чел.⁶⁶ Таким образом, в среднем каждый третий член профсоюза принимал участие в работе какого-либо кружка. Примерно такой же уровень охвата рабочих кружковой работой сохранялся и в годы второй пятилетки. Так, в 1936 г., по данным профсоюзов Восточно-Сибирского края, в кружковую работу при клубах было вовлечено от 35 до 50 % рабочих⁶⁷. Посещение клубов являлось типичным видом отдыха.

В целом разнообразные формы культурно-просветительной работы, применявшиеся в годы первых пятилеток, помогали выработке у населения Сибири культуры проведения свободного времени, свойственной индустриально-урбанистическому образу жизни. Следует особо подчеркнуть, что в процессе утверждения в повседневной жизни жителей Сибири устойчивых привычек к новым формам проведения свободного времени, в частности, к чтению, занятиям в кружках, посещению культурно-зрелищных учреждений большое значение имела целенаправленная работа профсоюзных, партийных и комсомольских организаций. Как бы негативно не оценивалось становление тоталитарного режима в России и роль коммунистической партии в его создании, следует все же отдать должное звеньям партийно-государственной машины, немало сделавшим для приобщения населения к духовной культуре.

Одним из главных результатов предвоенных пятилеток можно считать то, что значительная часть населения Сибири перешла от традиционного крестьянского образа жизни к современному индустриально-урбанистическому, причем эти перемены коснулись не только городских, но и сельских жителей.

Процесс урбанизации Сибири сопровождался расширением старых и появлением новых городских поселений, в которых колоссальные массы людей оказывались в экстремальных условиях проживания. При этом государство не успевало, а часто и не ставило задачи создавать для них необходимые элементы коммунально-бытовой инфраструктуры.

Форсированная, а в некоторых моментах и насильственная (если учесть вынужденное бегство крестьян в города, обусловленное эксцессами коллективизации и раскулачивания) урбанизация не могла создать благоприятную и благополучную среду в сибирских городах. Они представляли собой сочетание очагов индустриальной цивилизации, в которых были воплощены современные достижения городского образа жизни, с сохранением трущобных городских районов, так называемых «шанхаев», где наблюдались самые негативные проявления начального этапа урбанизации. Рассматривая переход к городскому обществу в Сибири, приходится признать значительные отличия российской урбанизации от ее европейских образцов, выразившиеся, по выражению А.Г. Вишневого, в «крестьянивании», рурализации городов⁶⁸.

Необходимо отметить и другие серьезные негативные явления, сделавшие урбанизацию в регионе неполной, болезненной, незавершенной. Она явилась процессом, который инициировался «сверху» и форсировался государственными органами власти. Жизненные потребности населения региона в ходе проведения урбанизации не получали достаточного удовлетворения. Более того, зачастую они просто игнорировались, приносились в жертву геополитическим амбициям.

Таким образом, очевиден разрыв между грандиозными планами преобразования общества на урбанистической основе, декларировавшимися пропагандистским аппаратом большевистской партии, и реальными возможностями их осуществления. Можно сказать, что этот разрыв наглядно проявился в ходе и особенностях урбанизации Сибири, обусловив низкое качество жизни городского населения на протяжении всего довоенного этапа.

Однако население Сибири сумело адаптироваться к таким неблагоприятным условиям и смогло существенно укрепить и нарастить социально-экономический потенциал региона в преддверии надвигавшегося исторического испытания на прочность.

Разразившаяся Великая Отечественная война поглотила миллионы человеческих жизней, принесла неисчислимые лишения и жителям тыловых районов. Большинство из них оказалось далеко за чертой бедности, на грани выживания. Материальные ресурсы сибирских городов направлялись на обеспечение потребностей фронта, на нужды населения оставались крайне ограниченные товарные фонды. Вводилась жесткая нормированная система распределения продуктов, обеспечивавшая людям лишь полуголодное существование. Адаптационные процессы в таких условиях приобрели экстремальный характер.

Нарастали жилищно-бытовые проблемы. Испытывая большую нехватку жилой площади, сибирские города приняли значительную массу эвакуированного населения. К концу 1942 г. в них проживало 908,2 тыс. эвакуированных, многие из которых размещались за счет уплотнения местных жителей. Усилился приток людей из сельской местности, в том числе в ходе регулярно проводившихся мобилизаций, для работы на оборонных заводах, других промышленных предприятиях и транспорте. Социально-бытовое обустройство мигрантов представляло острейшую адаптационную проблему военных лет.

Под жилье приспособлялись хозяйственные и культурно-бытовые помещения, в общежитиях устанавливались двухъярусные нары. Строились каркасно-засыпные бараки и землянки. Но и такого жилья не хватало. К концу войны в среднем на одного жителя в городах Сибири приходилось от 2 до 4 кв. м жилплощади. Особенно в тяжелом положении находилась молодежь, проживавшая в бараках-общежитиях.

Приход на производство женщин, ранее занятых в домашнем хозяйстве, городской и сельской молодежи, сокращение внерабочего времени определили развитие системы общественного питания. Уже к концу 1942 г. сеть столовых в сибирских городах увеличилась почти на треть. Но эти «очаги общепита» имели ограниченные продовольственные фонды и не могли обеспечить доброкачественное питание. Позитивные изменения проявились с середины 1943 г., что

было связано с развитием подсобных хозяйств предприятий и более активным использованием местных продовольственных ресурсов.

Большим подспорьем в повседневной жизни сибиряков и переселенцев, существенным фактором их адаптации к трудностям военных лет стало коллективное и индивидуальное огородничество. На предприятиях немалую помощь рабочим, ИТР и служащим оказывали созданные при профсоюзных комитетах огородные комиссии. Они решали вопросы распределения земельных участков, их вспашки, получения семян, обеспечения инвентарем, уборки и вывозки урожая.

Первоначально особенно не хватало посадочного материала. Каждая картофелина разрезалась на несколько частей. Собирались картофельные очистки, которые проращивались и с «глазками» высаживались на поле. Залежная, плодородная земля вокруг сибирских городов давала очень хорошие урожаи. Многие семьи в достаточной мере обеспечили себя уже на зиму 1942 г. «вторым хлебом». В общежитиях выкопанный картофель складывался прямо под нарами и койками. Использовались под огороды и земельные участки около барачных бараков. На них выращивали свеклу, лук, морковь и другие растения.

Трудящиеся Новосибирска в 1941 г. имели под огородами 7 тыс. га земельных угодий, в 1943 г. – 13,1 и в 1945 г. – свыше 22 тыс. га. Число огородников в 1944 г. достигло 205 тыс. чел. В 1943 г. они получили 98,4 тыс. т картофеля, 27 тыс. т овощей, в 1944 г. – соответственно 148,5 и 48 тыс. т. В расчете на одну семью поступления картофеля (за исключением семян) в 1943 г. составили 492 кг, а в 1944 г. – 830 кг, овощей – соответственно 135 и 240 кг.

В городах Кемеровской области посевные площади, занятые огородами, составили в 1941 г. 20,1 тыс. га, в 1943 г. – 30,7 и в 1945 г. – 41,1 тыс. га. За годы войны валовой сбор картофеля на душу населения вырос в 2 раза и овощей в 2,5 раза. В Омске и Тюмени в 1942 г. огородничеством занимались 118 тыс. семей, которые посадили картофель и овощи на площади 4,7 тыс. га, что составило около 400 кв. м на семью. В 1943 г. огородников стало 140 тыс. Они использовали для выращивания картофеля и овощей 8,5 тыс. га земельных угодий, или около 700 кв. м на одну семью. Было собрано 28 тыс. т картофеля и овощей, т.е. каждая семья получила их примерно 200 кг. По распространению огородничества среди городского населения Сибирский регион вышел на одно из первых мест в стране. В большинстве городов им занималось более половины жителей⁶⁹.

Но в целом продовольственная проблема стояла очень остро, чувство голода не покидало сибиряков в течение всех военных лет. Калорийность пищи не обеспечивала восстановления энергетических затрат организма. По данным бюджетных обследований в рабочих семьях дома и в столовых среднестатистическое потребление хлеба и хлебопродуктов (муки, макаронных изделий, крупы и бобовых) уменьшилось с 247,6 кг в 1942 г. до 217,6 кг в 1944 г., мяса и мясопродуктов (включая субпродукты) – с 10,6 до 9,2 кг, сахара и сахараина – с 3,4 до 1,2 кг, кондитерских изделий – с 1,6 до 0,9 кг, молока – с 32,1 до 27,2 л, молочных продуктов – с 4,4 до 3,2 кг. Других видов продовольствия, особенно животного происхождения, потреблялось крайне мало, хотя в 1944 г. больше, чем в 1942 г.: рыбы (включая консервы) – соответственно 6,1 и 9,1 кг, масла животного – 1,8 и 1,9 кг, маргарина и прочих жиров – 1,2 и 3,0 кг, наконец, яиц – 4 и 7 шт.

Пожалуй, единственным продуктом, потребление которого стабильно увеличивалось в течение всей войны, был картофель. В 1944 г. его потреблялось на человека в рабочих семьях 324,5 кг, тогда как в 1942 г. – 198,2 кг. Такой рост был связан с широким распространением огородничества. В очередной раз картошка спасала Россию, помогая ее народу выжить в лихолетье. Без «второго хлеба», ставшего по существу первым продуктом питания, не обходилась ни одна «трапеза». В рабочих бараках-общежитиях из-за нехватки дров картофель варили так: на печку ставился котелок, как только вода закипала, его снимали и завертывали в фуфайку, чтобы картошка «дошла». А на разогретую плиту ставилась новая посуда. Уже ранней весной на пригородных полях можно было увидеть женщин и подростков, которые из еще промерзшей земли выдалбливали картофелины. Из них пекли так называемые «тошнотики». Иногда за высокую цену картофельные лепешки можно было купить прямо в бараке. Картофелины обжаривали также в цехах и мастерских.

Как проникновенно написал Виктор Астафьев, «если уж по уму да по совести и чести – спаситель наш – огород! Тут и голову ломать незачем. В огороде же том самоглавнейший спаситель – скромное, многотерпеливое существо, участью-долей схожее с русской женщиной, – картошка!»⁷⁰

Другой основой рациона питания сибиряков были овощи и дикорастущая зелень. Их потребление в расчете на человека в обследуе-

мых рабочих семьях увеличилось с 62,2 кг в 1942 г. до 72,3 кг в 1944 г. Среди овощей преобладала капуста, потреблялись также крапива, лебеда, щавель, дикий лук и т.д. Наряду с крупой они образовывали продукты, из которых преимущественно готовились жидкие блюда: «щи», состоявшие из воды с крупно нарубленной капустой, «суп» из гороха или галушек, «затируха» – болтушка из крупы и муки, нарезались «салаты из дикорастущих трав. Качество питания не соответствовало продолжительному и напряженному рабочему дню, что вело к ослаблению организма, распространению дистрофии.

Не менее сложно, чем пропитаться, было раздобыть одежду и обувь. В основном люди пользовались теми вещами, которые приобрели в довоенное время, причем до полного износа, постоянно ремонтируя и перешивая их. Новые товары реализовывались по ордерам, предоставление которых являлось редким и счастливым событием. В 1942 г. обследуемые рабочие семьи приобрели в расчете на человека 0,44 м тканей и 0,39 пары обуви. В 1944 г. эти показатели увеличились, составив соответственно 1,24 м и 0,75 пар. Однако это был рост в пределах нищеты, метр ткани и пара обуви в год оставались в среднем стандартом военной поры.

Отсутствие одежды и обуви нередко становилось причиной заболеваний детей и взрослых, пропусков учениками занятий в школе. Случалось, что рабочие-подростки шли на завод босиком, разбивая ноги о камни. В цехе обматывали ступни пергаментной бумагой, чтобы не так холодно было стоять на полу.

Очень своеобразно выглядели потребительские товары военных лет. Многие носили тапочки и ботинки, верх которых состоял из хлопчатобумажной ткани, а подошва изготовлена из дерева. Передвигаться в такой обуви «на деревянном ходу» было очень не просто, но и ей искренне радовались. Зимой одевали ватные «стеганки» или «ноговицы», которые носили вместе с галошами. Верхней одеждой часто служили фуфайки и ватные брюки, покрытые редкой бязью, сквозь которую просвечивалась вата⁷¹.

В сибирских городах пришло в упадок коммунальное хозяйство, ухудшалось санитарное состояние городских улиц и дворов. Их уборка, вывоз мусора производились редко. Лишь весной 1944 г. в большинстве городов Сибири была проведена капитальная санитарная очистка территорий при активном участии самих горожан.

Немногочисленные коммунальные и ведомственные бани часто простаивали из-за отсутствия топлива и электроэнергии. Городскому жителю попасть в них было непросто. Приходилось отстаивать длинную очередь, мыться в тесноте.

Общественный транспорт в крупных сибирских городах был представлен трамваем. Но вагоны не ремонтировались, все реже выходили на линию. В Новосибирске в начале 1943 г. действовало 29 трамваев, а к январю 1944 их осталось всего 10⁷². Большинство горожан отправлялись на работу и домой, в другие места пешком.

Несмотря на изнурительный труд, тяготы быта, социокультурная адаптация продолжалась, каждодневные трудности становились привычным атрибутом повседневности. Молодежь находила время для развлечений, «посиделок» и танцев. В свободную минуту около барачных образовывались громкие и веселые «пяточки-толчки», где под балалайку, гармошку или просто гребенку с бумажкой пели и танцевали.

Наиболее распространенным досуговым развлечением горожан в военные годы являлось кино. Фильмы показывали в клубах, столовых и других помещениях один-два раза в неделю. Демонстрировались, прежде всего, киноленты, которые способствовали воспитанию патриотических чувств. С 1943 г. в общежитиях стали устраиваться красные уголки, в которых имелись газеты и журналы, небольшие библиотеки, шахматы и шашки. Проводилась культурно-просветительная работа: лекции, встречи с фронтовиками, литературные читки и вечера.

Своеобразие социокультурных процессов в военные годы состояло в том, что огромное воздействие на духовную жизнь населения Сибири оказала эвакуация высокопрофессиональных творческих коллективов из западных районов страны. В сибирские города прибыли московские театры им. Е. Вахтангова, оперетты, детский, Ленинградский им. А.С. Пушкина, Киевский и Харьковский оперы и балета, Минский, Днепропетровский драматические, джаз под руководством Л. Утесова, симфонический оркестр Е. Мравинского и другие. Они приложили много сил и творческой энергии для приобщения сибиряков к высшим достижениям театрального искусства, воспитания у них чувства прекрасного, формирования эстетических потребностей. Следовательно, Сибирь не только сыграла огромную роль в укреплении оборонного потенциала страны, но и способст-

вовала сохранению и развитию традиций национальной культуры. Жители тыловых районов смогли преодолеть тяготы и лишения повседневной жизни, адаптироваться к обстановке военного лихолетья.

В послевоенный период восстановительные процессы охватили как производство, так и социокультурную сферу. Вместе с тем вторая половина 1940-х и 50-е гг. стали важным этапом в урбанизации и формировании городского образа жизни в сибирском регионе. Его масштабное индустриальное освоение определило быстрый рост городского населения. В начале 1959 г. оно превысило 9 млн. чел., или увеличилось в 2 раза по сравнению с 1939 г. В конце 1950-х гг. доля горожан составляла более половины среди всех жителей Сибири⁷³. Изменились характер и механизмы адаптационных процессов.

С большим напряжением в быстро растущих городах решалась жилищная проблема. Коренной перелом наметился во второй половине 1950-х гг., когда возросший экономический потенциал советского общества и усиление социальной политики государства позволили в 3–4 раза увеличить темпы жилищного строительства. Оно стало опережать прирост жителей. Впервые в XX столетии произошел существенный сдвиг в обеспечении городского населения Сибири жилплощадью. В 1960 г. этот показатель достиг в регионе 6 кв. м, что соответствовало среднероссийскому уровню. Не отдельные семьи, а массы горожан переселялись в благоустроенные многоэтажные дома. В январе 1960 г. в городском общественном жилом фонде удельный вес жилплощади, оборудованной водопроводом, составил в Западной Сибири 25 %, а в Восточной – 18 %, канализацией – соответственно – 19 и 16 %, центральным отоплением – 23 и 19 %, ванной (душем) – 13 и 11 %. Именно в данное время эти коммунальные удобства стали входить в быт горожан, что свидетельствовало о начале его коренной реконструкции, способствовало адаптационным процессам⁷⁴.

Больше капитальных вложений направлялось на развитие коммунального хозяйства и бытового обслуживания. Если в 1955 г. потребление воды населением Новосибирска из водопроводной сети составляло 45 л на одного человека, то в 1959 г. – 98 л. Однако потребности горожан удовлетворялись не полностью. К тому же существовал большой разрыв между подачей воды водопроводом и ее приемом в канализационную систему, что отражалось на санитарной обстановке в городе⁷⁵. Расширились благоустроительные рабо-

ты: в послевоенный период многие улицы и площади в сибирских городах впервые получили асфальтовое покрытие, высаживались в большом количестве деревья, кустарники, цветы.

Быстрый рост городских поселений требовал ускоренного развития транспортной сети. В первые послевоенные годы важнейшей задачей являлось восстановление и развитие трамвайного сообщения. К началу войны оно функционировало в Омске, Новосибирске, Сталинске (Новокузнецке), Кемерово, Прокопьевске. В 1947 г. трамвай был пущен в Иркутске, в 1948 г. – в Барнауле, в 1949 г. – в Томске, а затем в 1958 г. – в Улан-Удэ, в 1960 г. – в Бийске.

Новым видом пассажирского транспорта стал троллейбус. Впервые в Сибири его ввели в эксплуатацию в ноябре 1955 г. в Омске. Первая троллейбусная линия в Новосибирске открылась в ноябре 1957 г., позднее троллейбусы появились в ряде других сибирских городов. Развитие электрифицированного транспорта – экономичного и не загрязняющего воздух, имело большое социально-экономическое значение для городской среды.

Однако основной объем пассажироперевозок стали выполнять автобусы. В Новосибирске их число возросло с 85 в 1953 г. до 170 в 1961 г. Жители города получили возможность также пользоваться услугами такси. В 1960 г. новосибирцев обслуживало свыше 600 автомобилей, тогда как в 1950 г. – всего 27. В то же время развитие транспорта не соответствовало потребностям растущих городов. Нарушался график движения, автобусы, троллейбусы и трамваи в часы пик были сильно перегружены. Нередко с трудом удавалось «поймать» свободное такси. Транспортная проблема в Сибири ощущалась острее, чем в европейской части страны. В 1962 г. количество поездок на всех видах транспорта в среднем на одного жителя в Омске, Новосибирске, Красноярске составляло 87 % по сравнению с этим показателем в Горьком, Куйбышеве, Воронеже. Сибиряки затрачивали на передвижение к месту работы и обратно на 35–40 % больше времени ⁷⁶.

Крупные изменения произошли в отраслях социальной сферы, призванных облегчать домашний труд. Значительно расширилась система общественного питания. Если в 1950 г. она насчитывала в Сибири 7,4 тыс. столовых, буфетов, кафе и ресторанов, то в 1958 г. – 12,2 тыс. В 1956 г. начался массовый перевод предприятий общепита на самообслуживание, что позволило намного увеличить их пропу-

скую способность, а посетители стали затрачивать гораздо меньше времени на обед. К концу 1960 г. в сибирских городах по системе самообслуживания работало свыше 60 % всех столовых. Использовались новые формы торговли: отпуск обедов по абонементам или на дом с десятипроцентной скидкой к цене. Расширилась продажа полуфабрикатов и кулинарных изделий. Открылись первые домовые кухни.

Во всех сибирских городах вошли в строй новые бани, прачечные, мастерские по пошиву и ремонту одежды и обуви. Во второй половине 1950-х гг. появились услуги, непосредственно связанные с начавшейся коренной реконструкцией быта городского населения: ремонт технически сложных предметов домашнего обихода – стиральных машин, пылесосов, холодильников, радиоприемников, фотоаппаратов.

Однако в Сибири бытовое обслуживание в целом в меньшей мере воздействовало на повседневную жизнь горожан, чем в европейской части страны. Социологические обследования, проведенные в 1958–1959 гг., показали, что работающие женщины в Новокузнецке и Новосибирске тратили на домашнее хозяйство на четверть больше времени, чем в крупных городах западных районов России⁷⁷.

Продолжало развиваться огородничество и появился такой феномен повседневной жизни широких слоев горожан как садоводство. Возникновение большого числа садоводческих товариществ в Сибири связано с реализацией постановления Совета Министров СССР от 24 февраля 1949 г. «О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих». В нем, в частности, предлагалось выделять предприятиям и организациям расположенные на территории городов, рабочих поселков и вокруг них свободные земельные массивы под садоводческие объединения. В рамках этих объединений рабочим и служащим на правах бессрочного пользования нарезались садовые участки площадью по 0,04 га в расчете на семью. Владельцам участков разрешалось строить на их территории небольшие дачные домики. Руководители предприятий и организаций обязывались оказывать помощь и содействие своим сотрудникам в деле развития новой формы садоводства, получившего официальное наименование коллективного. Члены садоводческих товариществ освобождались от налогообложения доходов, получаемых с закрепленных за ними участков, а также от уплаты земельной рен-

ты. Предприятиям местной промышленности доводились задания по изготовлению садового и огородного инвентаря, а плодопитомникам предписывалось вырастить дополнительное количество посадочного материала для обеспечения потребностей членов садоводческой кооперации.

Весной 1950 г. коллективные сады впервые заложили трудящиеся ряда новосибирских заводов. В 1954 г. к организации коллективных садов приступили промышленные предприятия Омска. Для них отводилось свыше 400 га земли. Число садоводов составило 6,5 тыс. чел. С каждым годом увеличивалась их численность во всех сибирских городах.

Расширились возможности для более разнообразного проведения досуга, реализации индивидуальных интересов и увлечений горожан. В городах Сибири, преимущественно крупными промышленными предприятиями, были построены хорошо оборудованные дворцы и дома культуры, отражавшие своим обликом архитектурные вкусы эпохи. Они, безусловно, способствовали оживлению и развитию культурно-просветительной работы среди населения. Особенно быстро росла киносеть. Уже в 1956 г. число киноустановок в Сибири превысило 7 тыс., тогда как в 1950 г. их имелось 4 тыс., а в 1940 г. 2,8 тыс. Это обуславливалось, с одной стороны, огромным интересом людей к киноискусству, а с другой – коммерческой прибыльностью кинопроката, доходы от которого существенно пополняли государственный бюджет. В 1950-е гг. в сибирских городах строились кинотеатры, имевшие два кинозала и вмещавшие большое число зрителей. Появились первые широкие экраны.

К началу 1960-х гг. завершилась радиофикация сибирского региона. Радио вошло в быт практически каждой городской семьи, а прослушивание радиопередач стало привычной формой проведения досуга.

Поистине революционное значение для социокультурной сферы и духовной жизни населения имело появление телевидения. В крупных городах Сибири телецентры открылись в 1956–1957 гг. Например, первая передача Новосибирской студии телевидения вышла в эфир 7 августа 1957 г. Она продолжалась 2 ч. 14 мин. Были показаны документальные ленты «Путешествие по Швеции», «Из Рима в Милан» и художественный фильм «Весна». В дальнейшем телепрограммы продолжительностью от 2 до 2,5 ч. транслировались 5 раз в

неделю. В начале 1960 г. их могли смотреть 25,5 тыс. семей новосибирцев, которые приобрели телевизоры.

Традиционно высоким оставался интерес к театральному искусству. В 1950-е гг. в городах Сибири работало свыше 40 крупных творческих коллективов. Большой популярностью пользовались новосибирский театр «Красный факел», Омский и Красноярский драматические, Хакасский областной театр русской драмы, Иркутский театр музыкальной комедии, Бурятский музыкально-драматический театр, Якутский национальный театр оперы и балета и др.

Широкую известность приобрел Новосибирский театр оперы и балета. Открытый в мае 1945 г., он в течение последующих 15 лет показал 5 тыс. спектаклей, которые посетили 7 млн. зрителей. С неизменным успехом проходили гастроли творческого коллектива. В 1946–1959 гг. свыше 800 спектаклей было дано в Омске, Томске, Кемерово, Новокузнецке, Прокопьевске, Красноярске, Иркутске, Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре, Владивостоке, Находке. Эти постановки посетили более 700 тыс. чел. Для многих сибиряков посещение театра становилось настоящим праздником, надолго оставалось в памяти.

Среди городских жителей становилось все больше «читающих», что определялось ростом образовательного уровня населения, расширением сети библиотек, развитием книжной торговли. С каждым годом возрастала подписка на периодическую печать. Социологические обследования, проведенные в начале 1960-х гг. в городах Красноярского края, показали, что затраты времени одного работающего человека на чтение газет, журналов и книг составили в среднем 8,2 ч. в неделю, тогда как в середине 1950-х гг. – 5,6 ч.⁷⁸

В культурно-просветительных учреждениях сибирских городов стали чаще организовываться разнообразные вечера, получили распространение объединения по интересам – клубы молодых семей, пенсионеров, технического творчества и др. Возникли и приобрели большую популярность университеты культуры. Развивалось самодеятельное художественное творчество, были созданы первые народные театры.

Широкое распространение в сибирском регионе получил туризм. Если в первое послевоенное десятилетие в турпоходы отправлялись лишь отдельные группы физкультурников, то в конце 1950-х – начале 60-х гг. в них участвовали уже многие тысячи горожан. Привлекали живописные места Горной Шории, Алтая, побережья озера

Байкал и др. Первый в Сибири клуб туристов был создан в Чите. В 1958 г. он организовал 130 походов, в которых побывали свыше 3 тыс. жителей города. В следующем году совершили путешествия по окрестностям озер Арахлей и Арей, долинам рек Ингоды, Онона и Чикоя, другим чудесным местам Забайкалья около 7 тыс. чел. Туристические походы, входившие в повседневную жизнь городского населения Сибири, не только давали людям заряд бодрости, укрепляли здоровье, но и способствовали воспитанию чувства привязанности к родным местам.

Многие горожане посвящали входные дни и отпуска охоте и рыболовству. Активный и увлекательный отдых на свежем воздухе, непосредственное общение с природой приносили большое удовольствие, улучшали физическое и духовное самочувствие. На ряде сибирских предприятий были созданы секции охотников и рыболовов, на берегах рек и в тайге строились рыболовно-охотничьи базы.

Чаще стали организовываться коллективные выезды в окрестности городов, в лес за грибами и ягодами, прогулки на теплоходах. Многие томичи, например, проводили свободное время на Потаповых лужках, в Петухово, Богашево, Заварзино и в других живописных уголках области. Но, пожалуй, самым излюбленным местом отдыха жителей города была Басандайка, расположенная в пригородной зоне. Чистая река с хорошим природным пляжем, сосновый лес, красивая местность придавали этому району большую привлекательность. Однако для большинства мест массового отдыха городского населения Сибири была характерна слабая благоустроенность. В них отсутствовали необходимые санитарно-бытовые помещения, простейшие спортивные и игровые площадки. Живописная местность быстро захламлялась.

В 1950-е гг. в городах Сибири новые импульсы развития получили физическая культура и спорт, организовывались массовые спортивные состязания, охватывавшие большое число жителей. Настоящими праздниками спорта стали зимние и летние спартакиады профсоюзов, которые проходили в 1955–56 гг. В целом число рабочих, ИТР, служащих, учащихся, занимавшихся физкультурой и спортом, за годы послевоенных пятилеток увеличилось в Сибири в несколько раз и составило к началу 1960-х гг. примерно 750 тыс. чел. Регулярно тренировались и участвовали в соревнованиях около 10 % работающих, студентов и школьников. Следовательно, среди жите-

лей сибирских городов значительно возросла доля тех, кто связал свой образ жизни с физической культурой. Однако для большинства горожан спорт продолжал оставаться все же зрелищем, а не сферой непосредственного участия⁷⁹.

В целом в годы послевоенных пятилеток социокультурные процессы приобрели многие новые черты, качественно изменилось их содержание. Освоение нефтегазовых месторождений Западной Сибири, формирование и развитие восточно-сибирских ТПК, в целом рост промышленного производства вызвали кардинальные социально-демографические перемены. В 1980 г. в сибирском регионе проживали 22,4 млн. чел., из них 15,5 млн. или 69 % в городах. Одновременно существенные изменения произошли в повседневной жизни горожан. Ввод в действие комбинатов крупнопанельного домостроения позволил реализовать крупные программы жилищного строительства. За 1965–1980 гг. в Сибирском регионе были сданы в эксплуатацию дома общей площадью 143,4 млн. кв. м. В 1980 г. оснащенность городского обобщественного фонда водопроводом в Западной Сибири достигла 86 %, в Восточной Сибири – 81, канализацией – соответственно 83 и 79, центральным отоплением – 86 и 82, горячим водоснабжением – 70 и 68, ванной (душем) – 76 и 73 %. Обеспеченность одного городского жителя общей жилплощадью составила в Западной Сибири 12,4 кв. м, в Восточной Сибири 11,7 кв. м.

Преобразился и быт горожан. В повседневный обиход вошли потребительские изделия, многие из которых еще в конце 1950-х гг. считались «предметами роскоши». Уже в 1974 г. на каждые 100 городских семей в Сибири приходилось 86 телевизоров, 80 холодильников, 83 стиральных и 66 швейных машин. Более трети семей пользовались магнитофонами и фотоаппаратами. Во второй половине 1970-х гг. в связи с пуском Волжского автозавода началась массовая «автомобилизация» населения.

Сложилась разветвленная сеть предприятий бытового обслуживания. В середине 1970-х гг. их количество составило в Западной Сибири 11,6 тыс., в Восточной – 6,5 тыс. В 1980 г. объем услуг на душу населения по сравнению с 1965 г. увеличился более чем втрое⁸⁰.

Многokратно расширились городские транспортные коммуникации. Наглядным свидетельством прогресса урбанизации стало введение в эксплуатацию первого в восточных регионах страны метрополитена. Его строительство началось в Новосибирске 12 мая 1979 г.,

когда на месте нынешней станции «Октябрьская» была забита первая свая. 28 декабря 1985 г. Государственная комиссия подписала акт о приемке первого пускового комплекса протяженностью 7,3 км от ст. «Красный проспект» до ст. «Студенческая». В апреле 1987 г. открылось движение на участке Дзержинской линии, что позволило связать железнодорожный вокзал с центральной магистралью города – Красным проспектом. В июле 1991 г. вошла в эксплуатацию ст. «Площадь Маркса», в марте 1992 г. – ст. «Гагаринская» и «Завельцовская». С их пуском завершилось сооружение первой очереди Новосибирского метро, лево- и правобережные части города связала надежная и скоростная транспортная артерия⁸¹.

Улучшились условия для проведения досуга. Большое социальное значение имело введение в 1967 г. пятидневной рабочей недели. К началу 1980 г. в Сибири число массовых библиотек составило 10,9 тыс., клубных учреждений – 13,8 тыс., киноустановок – 16,3 тыс. В регионе имелось 134 бассейна, 284 стадиона, 7850 спортивных залов, а также много спортивных площадок, которые создавались внутри жилых кварталов⁸².

В суровых климатических условиях Сибири была создана прочная база для производства овощей, фруктов и ягод. Новый импульс развития садоводческая кооперация получила после принятия в сентябре 1977 г. постановления Совета министров СССР и ЦК КПСС «О личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих, служащих и других граждан и коллективном садоводстве и огородничестве». Возросло количество льгот для садоводческих объединений и их членов. Горожанам была предоставлена возможность увеличения максимального размера садового участка до 0,06 га. На обустройство территорий товариществ, строительство линий электроснабжения, насосных станций, водоводов, внутрихозяйственных подъездных дорог предприятиям и организациям разрешалось использовать до 30 % средств фонда социально-культурного развития и жилищного строительства. Для возведения дачных домиков членам товариществ предоставлялись долгосрочные ссуды.

В 1980-е гг. для создания новых кооперативов были выделены значительные угодья, большая их часть располагалась в относительно отдаленных от городов местностях. В результате потребности горожан, желающих получить землю под дачные участки, были практически полностью удовлетворены. В начале 1990-х гг. значи-

тельно расширились права членов садоводческих товариществ. Допустимая площадь садовых участков была увеличена до 0,12 га на семью. Снимались ограничения на размеры дачных домиков. Помимо них на садовых участках разрешалось размещать баню или сауну, гараж, иные жилые и хозяйственные сооружения. Садоводство не только имело экономическое значение, но и играло огромную роль в организации досуга, превратилось в один из базовых устоев повседневной жизни горожан. В урбанистической среде сформировался своеобразный тип массовой «дачной» культуры.

Наряду с существенными социально-культурными достижениями не было преодолено ключевое противоречие освоения Сибири в XX в. – резкая диспропорция в развитии материального производства и социальной сферы. Жители региона также традиционно отставали по показателям материально-бытового обеспечения от населения более развитой в социальном отношении европейской части страны. Провозглашенная в середине 1980-х гг. «активная и сильная» социальная политика, предусматривавшая «опережающий рост уровня жизни населения в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока», осталась на бумаге, что явилось существенным тормозом перестроечных процессов. Наглядно эта диспропорция проявилась в районах нового промышленного освоения (РНПО).

Именно там в 1950–1980-е гг. происходил основной прирост численности городов и городского населения. На малонаселенных и слабо освоенных в хозяйственном отношении территориях одновременно с транспортным строительством, разработкой месторождений полезных ископаемых, сооружением крупных промышленных и энергетических объектов, начиналось создание новых населенных пунктов, преимущественно городского типа, которые вскоре превращались в города, в том числе крупные.

За 25 лет, прошедших после окончания Великой Отечественной войны, несколько таких поселений возникло в Восточной Сибири в Ангаро-Енисейском регионе. Братск из населенного пункта с количеством жителей менее 1 тыс. человек за десятилетие (1955–1965 гг.) превратился в город с 200-тысячным населением. Рядом со строящимися предприятиями возникли новые города: Ангарск, Байкальск, Шелехово, Железногорск, Усть-Илимск и др. Численность жителей Железногорска-Илимского увеличилась с 1959 г. по 1965 г. – в 7 раз, а Усть-Илимска с 1967 г. по 1977 г – в 14 раз⁸³.

Активное градостроительство в северных районах Западной Сибири началось во второй половине 1960-х гг. в связи с развертыванием промышленного освоения нефтегазовых месторождений и формированием крупнейшего не только в стране, но и в мире топливно-энергетического комплекса. К началу 1980-х гг. здесь построено 15 новых городов и около 30 рабочих поселков. Первые из них – Урай, Нижневартовск, Сургут, Нефтеюганск стали известны уже в 1960-е гг. При участии региональных органов власти Тюменского обкома КПСС и исполкома областного Совета депутатов трудящихся, разрабатывались и утверждались схемы планировки новых городов, из года в год возрастали темпы их строительства. Уже на начальном этапе формирования комплекса, за 1964–1965 гг., для размещения строителей и нефтяников в Среднем Приобье ввели в действие 150 тыс. кв. м жилплощади. В новых городах появились первые школы, больницы, дошкольные детские учреждения, объекты коммунального хозяйства⁸⁴.

Население зоны БАМ возросло с 300 тыс. чел. в 1970 г. до 1,5 млн. в 1988 г.⁸⁵. Здесь также высокими темпами строились новые города и поселки городского типа. На карте Сибири появились новые названия Тында, Северобайкальск, Нерюнгри, Ния, Ургал и др.

В целом по данным Всесоюзных переписей населения с 1959 г. по 1989 г. количество городских жителей в Сибири и на Дальнем Востоке увеличилось почти в два раза – с 12,4 до 23,5 млн. чел., их доля в общей численности населения выросла с 55 до 73,3 %⁸⁶. Эти показатели свидетельствовали об активном процессе урбанизации региона.

Население новых городов формировалось в основном за счет миграций, которые в значительной мере регулировались государством в рамках реализуемой им политики по обеспечению индустриальных новостроек Сибири трудовыми ресурсами. Масштабы миграционных потоков оказывали определяющее влияние на демографическую структуру населения, его профессиональный состав, характер расселения. Среди мигрантов большинство составляла молодежь, приезжавшая с намерениями связать свою судьбу с этим регионом. Здесь они создавали семьи, заводили детей. Поэтому в новых городских поселениях не только механический, но и естественный прирост был более высоким по сравнению с уже обжитыми районами.

Проблемы адаптации и закрепления новоселов в новых городах также протекали в русле централизованной социальной политики.

Несмотря на то, что постоянно дискутировались проблемы о характере хозяйственного освоения Сибири, особенно её северных территорий, о дилемме создания здесь постоянных или временных поселений, главная стратегическая линия государственной политики предусматривала не только хозяйственное строительство, но и развитие социальной сферы.

Для РНПО Сибири разрабатывались комплексные социально-экономические программы, включающие как производственные, так и социальные аспекты с учетом особенностей природно-климатического и экономико-географического характера той или иной местности, где планировалось или уже организовывалось индустриальное строительство. Выработывались основные адаптационные механизмы, связанные в основном с созданием социокультурной среды урбанистического характера на новых, ранее малозаселенных сибирских территориях. Возникшие поселения становились опорными пунктами дальнейшего освоения, центрами формирования экономических районов.

В новых городах происходило взаимовлияние целых социальных сообществ, отдельных личностей, формировалось устойчивое отношение к общим социальным задачам. Особенно трудным оказывался начальный период адаптации, как для отдельных личностей, так и для социальных групп. Людям предстояло приспособиться к новым для них видам производственной деятельности, установить межличностные связи, повседневно участвовать в общественно-культурных и бытовых отношениях. В процессе адаптации разворачивалось тесное, многофакторное взаимодействие социальной среды и отдельной личности.

В 1950–1980-е гг. в Сибири активно осваивались северные районы, имеющие до этого крайне низкую плотность населения, характеризующиеся отдаленностью от сформировавшихся крупных промышленных и культурных центров страны, отличающиеся слабой территориальной доступностью, неразвитостью транспортной и социальной инфраструктуры.

В таких условиях первоочередной становилась задача оперативного обеспечения данных районов трудовыми ресурсами. Государственные программы, разрабатывали различные способы и механизмы привлечения в районы индустриального строительства Сибири трудоспособного населения.

С учетом их природно-климатических и географических особенностей предлагались стимулирующие надбавки к заработной плате и социальные льготы, составлялись планы строительства и обеспечения населения новых индустриальных городов благоустроенным жильем, объектами социокультурной и бытовой сферы. В строящихся городах, где складывалась особая социальная и профессиональная структура населения, намечалось создание соответствующих объектов культурного, спортивного и бытового назначения, детских дошкольных и образовательных учреждений.

Начиная с 1970-х гг. социологами и экономистами регулярно проводились исследования, которые помогали научно обосновывать главные стратегические направления социально-экономической политики в районах нового индустриального строительства. Со временем они становились все более масштабными, охватывали весь комплекс проблем, с которыми сталкивались люди, проживающие в осваиваемых районах Сибири. Многие научные учреждения были организованы на местах. В Тюмени создан академический научно-исследовательский институт проблем освоения Севера, в задачу которого входило комплексное изучение как производственных, так и социальных вопросов, связанных с освоением нефтегазовых месторождений Западной Сибири. Академические институты медицинских и биологических проблем Севера появились в Красноярске, Норильске, Магадане. Большой объем исследований, касающихся северных проблем выполнялся многими другими научными учреждениями страны.

Исследования показывали, что успешная адаптация населения в новых индустриальных городах зависит от целого комплекса различных факторов. Главную роль среди них играла не столько высокая заработная плата, сколько обеспечение населения жильем, решение других жизненно важных социальных проблем, причем не в меньшей степени, чем в обжитых районах страны. Кроме того, крайне важными факторами адаптации для молодого населения новых городов являлось наличие возможностей профессионального и карьерного роста, содержательного проведения свободного времени. На третьем месте по значимости оказалась группа факторов, связанных с удовлетворенностью организацией и условиями труда, состоянием психологического комфорта в производственных коллективах⁸⁷.

Научные разработки позволяли глубже изучать социальные проблемы, «оттачивать» стратегию управления процессами формирования населения в новых городах Сибири и его адаптации к местным условиям. Реализация намеченных планов происходила довольно сложно. Сказывалась пресловутая ведомственность, которая приоритет отдавала решению хозяйственных проблем, зачастую в ущерб социальным. Они в конечном итоге решались, но с запозданием и не в полном объеме.

Часто для этого имелись объективные причины. Дело в том, что разработка и реализация социальных программ происходили в короткие сроки, одновременно с производственным строительством. На скрупулезное изучение социальных проблем не хватало времени. Многие фундаментальные вопросы, от которых зависела стратегия адаптационной политики, не сразу получили научное осмысление. Так, одни специалисты, изучавшие проблемы формирования и закрепления населения в РНПО Сибири, считали, что время адаптации в новых городах должно составлять от 2 до 6 лет, другие рассматривали промежуток в 15–20 лет. Долгое время не было единства во мнении о том, как осваивать северные территории Сибири: стоит ли ориентироваться на создание постоянного населения, либо решать проблему трудовых ресурсов через вахтовые экспедиции и т.д.⁸⁸

Вместе с тем утвердилась точка зрения, что проблемы формирования и адаптации населения в РНПО Сибири имеют сложный и многовариантный характер. Они зависят как от места, так и от времени своего возникновения и их необходимо решать комплексно и в широком диапазоне, одновременно в производственной и в непроизводственной сферах. Если в первой из них приоритет следовало отдавать условиям и оплате труда, карьерному и профессиональному росту, отношениям и микроклимату в трудовом коллективе, то во второй ведущее место принадлежало созданию благоприятных жилищных и бытовых условий, возможностей культурного развития и проведения досуга. Успех в адаптации и закреплении новоселов в новых городах зависел от их личных качеств и способностей, мотивов прибытия в РНПО и дальнейших жизненных планов. Немаловажную роль играли и внешние условия – та природно-климатическая среда, в которой оказывались новички.

На практике проблемы населения в новых городах решались поэтапно. В начальный период строительства крупных градообразую-

щих производственных объектов приходилось обеспечивать элементарное бытовое обустройство жителей новых поселений, иногда в виде палаточных и вагонных городков. Затем разрабатывались и утверждались конкретные планы градостроительства, наращивались темпы строительства жилья и объектов социально-культурного и бытового назначения. Поселения благоустраивались и приобретали городской внешний вид. В них постепенно формировалась урбанистическая инфраструктура и соответствующая социокультурная среда. Она характеризовалась качественно иными характеристиками по сравнению с уже давно существующими городскими центрами и поселениями. Через механизмы социокультурной адаптации в процессе урбанизации в РНПО Сибири создавались новые параметры всей жизнедеятельности в регионе, складывались условия для интенсификации социально-экономического развития тех территорий, где происходило индустриальное строительство.

Большое влияние на процессы социокультурной адаптации населения новых городов оказывали изменения, происходившие в социально-экономической государственной политике во второй половине XX в. Положительную роль сыграл отказ от преимущественно принудительных и насильственных методов обеспечения трудовыми ресурсами предприятий и строек Сибири и переход на добровольные. Через средства массовой информации руководство страны стремилось воздействовать на патриотические чувства молодежи, призывая её принять участие в реализации народнохозяйственных проектов общегосударственного значения. Поэтому долгое время патриотизм являлся основным мотивом для принятия человеком решения о поездке на сибирскую новостройку. Во время анкетирования, проведенного в 1970 г. в коллективе Усть-Илимской ГЭС, на вопрос «Какова основная причина, в силу которой Вы приехали на стройку?», 63 % опрошенных ответили, что главной причиной стало желание участвовать в большом и важном деле, 34 % в качестве ведущего мотива указали интерес к новым местам работы, и лишь 17 % – материальную заинтересованность⁸⁹.

Заметим, что уже в 1970-е гг. структура мотивов приезда новичков в РНПО стала меняться. В трудовые коллективы формирующегося Западно-Сибирского нефтегазового комплекса прибывало все больше тех, кто главную цель видел в решении своих материальных

проблем. Изменение целевых установок естественно влияло на их адаптацию к новым условиям.

На адаптационные процессы воздействовал морально-психологический климат в коллективах. Через партийные и комсомольские организации в сознание людей внедрялись принципы коллективизма и взаимопомощи. Они пропагандировались как в трудовых коллективах, так и через средства массовой информации, систему различных культурных мероприятий. В многонациональных коллективах главным критерием оценки людей выступали их деловые и человеческие качества. Случаи дискриминации по признаку национальной принадлежности случались крайне редко.

Этому способствовало воспитание людей на принципах интернационализма. Государством и Коммунистической партией поощрялось шефство союзных республик, крупных промышленных центров над строительством новых предприятий и населенных пунктов. Опробованные в Братске и Усть-Илимске, эти методы широко применялись на строительстве Байкало-Амурской магистрали. Северобайкальск строили ленинградцы, Нию – грузины, Тынду – москвичи. Затем эта практика в широком масштабе стала использоваться при освоении нефтяных и газовых месторождений севера Западной Сибири. Здесь по существу каждый город в 1980-е гг. имел своих шефов, которые помогали строить жилье, дороги, социальные объекты, осваивать месторождения полезных ископаемых.⁹⁰ Национальные и территориальные землячества в новых городах способствовали переселенцам и их семьям пережить самый трудный начальный период адаптации в новых городах.

Государственная политика привлечения в Сибирь избыточных трудовых ресурсов из практически всех национальных районов и республик СССР, основанная на идеологии интернационализма, оказалась достаточно эффективной. Из союзных республик в регион устремились мощные миграционные потоки, значительно пополнившие население районов интенсивного индустриального строительства. Здесь зародились многие успешные этнолингвистические и этнокультурные процессы, формировалась новая социокультурная среда. В повседневную жизнь жителей новых городов представителями разных народов привносились характерные для них этнические традиции и стереотипы поведения. Одновременно появлялись инновации, порожденными уже новыми условиями жизнедеятельности.

Многие примеры подтверждают вывод о том, что в новых городах формировалась уникальная социальная и культурная самобытность, вобравшая в себя многие национально-культурные ценности народов СССР.

Выходцы из различных регионов страны принесли в Сибирь традиции своей производственной и бытовой культуры. Из крупных городов, как правило, приезжали инженеры, техники, служащие и рабочие с высоким культурно-техническим уровнем. Из малых городов и поселков городского типа, из сельской местности, наоборот, прибывало много рабочих с невысоким уровнем общего и специального образования. Большинству из них приходилось менять профессию или проходить производственную переподготовку с целью адаптации к новому виду труда.

В РНПО Сибири мигранты поступали из самых различных мест. Они ехали одиночками и целыми группами. В целях рационального перераспределения и использования трудовых ресурсов и кадрового потенциала, министерствами и ведомствами поощрялось направление на стройки и промышленные предприятия больших групп специалистов с родственных объектов.

В период пуска в эксплуатацию крупнейших заводов Братско-Усть-Илимского ТПК соответствующие министерства в плановом порядке направляли в этот регион опытных специалистов и высококвалифицированных рабочих, хорошо освоивших аналогичные производственные процессы. Так, большие группы работников прибыли на Братский алюминиевый завод и Коршунровский горно-обогатительный комбинат с предприятий Урала. На крупнейший в отрасли Братско-Усть-Илимский лесопромышленный комплекс поступили специалисты со всех ведущих аналогичных предприятий министерства. Позднее, когда в строй действующих вводился Усть-Илимский ЛПК, уже родственный комбинат Братска стал делиться с ним своими кадрами. При формировании трудовых коллективов строителей и нефтяников Западно-Сибирского нефтегазового комплекса наблюдался мощный приток высококвалифицированных кадров из Татарской и Башкирской АССР, Куйбышевской области и Северного Кавказа. В 1970-е гг. среди территориальных источников формирования кадров и населения городов Нового Уренгоя и Надьма одно из первых мест занимали районы газопромыслов Украины⁹¹. Прежде всего, из таких опытных специалистов формировалось профессиональ-

ное ядро новых производственных коллективов. Их опыт был востребован при освоении вводимых в действие мощностей. Они несли с собой традиции, существовавшие на предприятиях соответствующих отраслей, делились своим опытом и знаниями с новичками, способствовали созданию здорового социально-психологического климата. Как правило, эти люди быстрее других приспосабливались к новым производственным и бытовым условиям, делали очень многое для скорейшей адаптации к труду других членов, помогали им найти свое место в коллективе. Но даже бывалые люди не всегда могли адаптироваться к новым природно-климатическим условиям. Отрицательную роль оказывали и многие другие факторы, что порождало высокую обратную миграцию населения.

Профессиональные сообщества играли важную роль в формировании социокультурной среды новых городов. Вначале это были строители. Именно они, выполняя ответственную социальную функцию, первыми приходили на новые места, создавали здесь материальные условия для быта и труда, формировали облик новых поселений. Составляя большинство этого населения, строители существенно влияли на его образ жизни. В последствие работники строительных организаций нередко составляли ядро эксплуатационников на построенных ими предприятиях. По подсчетам специалистов, в 1960–1970-е гг. до 70 % рабочих и инженерно-технических работников ведущих предприятий Братска, Усть-Илимска, Дивногорска и других городов-новостроек Восточной Сибири образовывали бывшие строители⁹².

Люди, ехавшие в Сибирь из разных регионов страны, отличались своим культурно-техническим уровнем, статусом, жизненным опытом. На их социализацию большое влияние оказывали местные и национальные традиции. Существенными были различия между выходцами из городской и сельской местности. В новых жизненных условиях им приходилось менять свои ценностные ориентации, образ жизни и мыслей.

В целом такие перемены происходили в русле общесоюзных тенденций. Во второй половине XX в. в советском обществе происходили значительные социально-политические изменения, активно трансформировалась его социальная структура. Большая часть сельского населения переезжала на жительство в города. Эта же тенденция наблюдалась в РНПО Сибири. При формировании Братско–Усть-

Илимского ТПК в 1950–1960-е гг. в новые города и рабочие поселки прибывали в основном бывшие сельские жители, которые, адаптируясь к городскому образу жизни, часто попадали в сложные психологические ситуации, связанные с коренными изменениями в ритме жизни и организации труда, принципиально новыми личностными взаимоотношениями.

В 1970–1980-е гг. в северных городах Западной Сибири и БАМа эти проблемы так остро уже не стояли. Основную часть мигрантов составляли бывшие горожане, которые быстрее адаптировались к городской среде. Вместе с тем, они были более требовательны к условиям жизни и труда на новом для них месте по сравнению с бывшими сельчанами. Многими социологами и экономистами отмечалось, что у бывших горожан более высокий уровень потребления социокультурных благ и услуг, разнообразнее круг досуговых интересов. В производственной сфере они уделяли больше внимания вопросам совершенствования условий труда, хотели видеть ясную перспективу своего карьерного и профессионально-технического роста, их больше привлекал труд, насыщенный творческими элементами. В связи с этим часто возникали немалые проблемы. Повышенные требования горожан по сравнению с бывшими сельскими жителями иногда становились препятствием их социокультурной адаптации к новым жизненным условиям.

Новые города в процессе своего возникновения и развития представляли особую социальную среду, где наиболее ярко и полно могли проявиться адаптивные способности людей. Им требовалось постоянно преодолевать непривычные климатические и производственные условия, бытовые трудности, взаимодействовать и устанавливать взаимоотношения с ранее неизвестными людьми. Приходилось существовать в постоянно изменяющихся жизненных обстоятельствах, к которым необходимо было постоянно приспосабливаться как новичкам, так и старожилам.

Большую роль в социокультурной адаптации стали играть специфические проблемы, которые ранее даже не ставились на повестку дня. Например, экологические, которые вызвали интерес как у новичков-переселенцев в новых городах, так у и их старожил. Экологическая ситуация в городе, решение экологических проблем с ростом загрязненности окружающей среды промышленными предприятиями, всё в большей степени волновали горожан и определяли

качественные характеристики той территории, где проходила повседневная жизнь людей. Состояние окружающей среды в немалой степени определяло настроение горожан, их удовлетворенность условиями жизни, здоровьем. Приходило понимание того, что негативное влияние экологических факторов невозможно компенсировать улучшением материальных условий жизни, бытовым и медицинским обслуживанием.

В районах нового промышленного освоения создание гигантских предприятий происходило без должного учета экологических последствий. Потенциальные возможности природы к самоочищению уже в первые годы функционирования промышленных объектов оказывались превышенными. Следствием становилось практически повсеместное загрязнение и даже разрушение окружающей среды. Авторы данной статьи в 1990-е гг. одними из первых обратились к изучению экологического сознания горожан. Социологические исследования, проведенные в Братске и Новокузнецке – городах, находившихся по существу в зонах экологического бедствия, показали, что свыше 70 % опрошенных считали экологическую обстановку в этих населенных пунктах тяжелой, а четвертая часть систематически ощущала воздействие на организм вредных выбросов. Около половины населения отмечало, что на их здоровье сказывается неблагоприятная окружающая среда. Особую тревогу у них вызывало нарастающее загрязнение атмосферы и водоемов. Большинство жителей полагало, что они живут в деформированной среде, не совместимой с нормальным физическим развитием человека. Если же индивид осознаёт причины, влияющие на его здоровье, и ощущает это воздействие, то он не сможет полностью адаптироваться к такой обстановке. Поэтому и в Братске и в Новокузнецке со временем возрастала доля мигрантов, которые среди причин отъезда из города называли неблагоприятную экологическую обстановку. В этих городах оставалось еще много таких, кто планировал в перспективе переехать на новое место жительства. В Новокузнецке каждые трое из четырех потенциальных мигрантов отмечали неблагоприятие в окружающей их природной среде.

Своеобразный характер социокультурная адаптация населения в условиях урбанизации имела в так называемых «закрытых городах», которые появились в послевоенные годы в рамках политики создания в восточных районах страны целого ряда новых отраслей про-

изводства, связанных с новейшими вооружениями. Многие старые городские центры, такие как Красноярск, Омск, Норильск и др., получили статус частичной «закрытости» в связи с тем, что там существовали предприятия оборонной промышленности. Вокруг них формировалась особая социальная среда, в которую входили только специально допущенные люди, подписавшие секретные договора. Взамен они получали дополнительные социальные льготы по сравнению с работниками обычных предприятий, более высокую заработную плату. Работать на оборонных предприятиях считалось престижно. Они лучше финансировались и обеспечивались всем необходимым, имели более высокие нормативы развития жилищно-бытовой и социально-культурной сферы, что в целом привлекало работников, способствовало их адаптации и закреплению в трудовых коллективах.

Наиболее ярко эти особенности проявились в секретных городах – закрытых административно-территориальных образованиях (ЗАТО) при предприятиях атомной промышленности. Таких городов с населением в несколько тысяч человек в стране было немного. По целому ряду параметров они заметно отличались от других поселений. Несмотря на высокую степень секретности, существующую вокруг ЗАТО, о них знали, по крайней мере, жители соседних населенных пунктов, говорили, завидовали их населению, которое, по слухам, обеспечивалось всеми благами гораздо лучше, чем прочие населенные пункты.

Так называемые «атомные» города действительно представляли собой в какой-то степени идеальный вариант советской жизни. Они строились в послевоенные годы по особым секретным приказам. Городские кварталы возводились одновременно с производственными корпусами и даже раньше их, специалисты и рабочие обеспечивались жильем задолго до пуска основных градообразующих предприятий. Так, в Зеленогорске Красноярского края (Красноярск–45) за два года до пуска первой очереди электрохимического завода в 1958–1959 гг. было введено 42 тыс. кв. м благоустроенного жилья, 2,5 тыс. семей получили отдельные квартиры. Вошли в строй поликлиника на 500 посещений в день, 7 детских садов и яслей, хлебозавод, 3 специализированных продуктовых магазина, универмаг, кинотеатр на 60 мест, тепличное и парниковое хозяйство. На всех строительных и промышленных объектах была решена проблема общественного питания⁹³.

В Железногорске (Красноярск-26), по воспоминаниям очевидцев, к 1965 г. весь жилой фонд составляли многоэтажные благоустроенные дома с горячим и холодным водоснабжением, электроплитами и центральным отоплением. Сюда в первую очередь поступали дефицитные в 1960-е гг. товары: телевизоры, холодильники, стиральные машины. Многие имели личные автомобили⁹⁴.

«Закрытые» города, объединенные в единую секретную ведомственную сеть Министерства среднего машиностроения СССР, решали целый комплекс задач атомной промышленности. Здесь осуществлялась добыча сырья, подготовка и производство компонентов для ядерных вооружений, военной техники и атомной энергетики. Это были уникальные индустриальные поселения, превращенные в закрытые зоны с особым пропускным режимом, с целым рядом отличий от обычных городов. «Закрытые» города, живущие по законам секретности, имели особый административный статус и подчинение. Здесь специфически формировались органы городского управления, проводились выборы в местные Советы и т.д.⁹⁵

Вместе с тем «закрытые» города развивались в более благоприятных социально-экономических условиях по сравнению с обычными населенными пунктами СССР, отличались высоким уровнем благоустройства, обеспечения товарами и продовольствием. Приоритетное бюджетное финансирование позволяло вкладывать больше средств в развитие и совершенствование городской инфраструктуры. Города строились по единому плану и были, как близнецы-братья, похожи друг на друга. Они отличались компактностью, благоустроенностью, застраивались с учетом передовых тенденций отечественного домостроения. В них не было типичного для советских индустриальных центров дисбаланса между производственной и социально-бытовой застройкой, её «размытости» от предприятия к предприятию. «Закрытые» города строились комплексно, в короткие сроки, обеспечивали достаточно высокие по советским меркам стандарты условий труда и проживания. Индустриальную основу «закрытых» городов составляли атомные промышленные комбинаты, НИИ, КБ, испытательные полигоны, которые имели самое современное оборудование, технологии, высококвалифицированные кадры, что в целом определяло и специфическую социокультурную среду данных оригинальных городских поселений.

С точки зрения городского развития «закрытые» города представляли собой уникальное явление в истории страны XX в. Впервые не только военно-промышленные объекты были засекречены, но и целые городские поселения превращены в закрытые зоны с особым пропускным режимом, контролем над практически всей жизнедеятельностью населения.

Кандидатуры для работы на предприятиях «закрытых» городов тщательно проверялись органами Комитета государственной безопасности СССР. Сюда отбирались специалисты, хорошо зарекомендовавшие себя на месте прежней работы или учебы. Прошедшие отбор брали обязательства хранить секреты, они ограничивались в зарубежных поездках. В то же время труд на «закрытых» предприятиях оплачивался заметно выше, чем в среднем по стране. Оперативно решалась жилищная проблема. Трудящиеся и их семьи жили в полностью благоустроенных квартирах. Городки обеспечивались объектами социально-культурного назначения в соответствии с действовавшими нормативами.

Текучесть кадров в трудовых коллективах была сравнительно небольшой, даже с учетом вредности производства. Низким оставался и уровень оттока населения из этих городов. Все это свидетельствовало о том, что жители хорошо адаптировались к специфическим условиям жизни в таких поселениях.

Таким образом, говоря о процессах социокультурной адаптации населения новых городов Сибири в районах нового промышленного освоения в 1950–1980-е гг., можно со всем основанием утверждать, что они представляли собой сложные и многофакторные явления, которые регулировались посредством важнейшей составляющей компоненты государственной социально-экономической политики. Она хотя и формировалась в изучаемый период в рамках обеспечения индустриальных строек трудовыми ресурсами, но включала в себя различные направления решения проблем адаптации населения, управления миграционными потоками, повышения степени приживаемости новоселов. Социокультурная адаптация населения в новых городах Сибири являлась совокупностью сложных взаимодействующих процессов и явлений, отражавших особенности образования новых социальных сообществ в условиях модернизационного перехода от традиционного к индустриально-урбанистическому обществу. В целом завершение его формирования в основных чертах

стало важнейшим итогом социально-экономического и демографического развития сибирского региона в XX столетии.

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», а также при поддержке РГНФ, проект № 07-01-00426а.

-
- ¹ **Урбанизация** советской Сибири. Новосибирск, 1987. С. 34.
 - ² **Вся Сибирь** и Дальний Восток. М., Л., 1928. С. 6, 7.
 - ³ **Всесоюзная перепись населения 1926 г.** М., 1928. Т. 6. С. 8.
 - ⁴ **Большевик.** (Орган Новосибирского ОК ВКП(б)). 1927. № 1. С. 31-32.
 - ⁵ **Рабочий** класс Сибири в период строительства социализма. (1917–1937 гг.) Новосибирск, 1982. С. 221.
 - ⁶ **Урбанизация** советской Сибири. С. 35
 - ⁷ **Население СССР.** Численность, состав и движение населения. М., 1975. С. 16, 18.
 - ⁸ **Рабочий** класс Сибири в период строительства социализма. С. 235.
 - ⁹ **РГАСПИ.** Ф. М-1. Оп. 23. Д. 840-в. Л. 95-97
 - ¹⁰ **ГАНО.** Ф. п-188 Оп. 1. Д. 921. Л. 54-56
 - ¹¹ **Жизнь** Сибири. 1926. № 12. С. 15; История социалистической экономики. М., 1977. Т. 3. С. 508.
 - ¹² **ГАРФ.** Ф. А-314. Оп. 1. Д. 304. Л. 17.
 - ¹³ **Сибирский** медицинский журнал. 1929. № 2-3. С. 20; ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 177. Л. 194.
 - ¹⁴ **ГАРФ.** Ф. 5451. Оп. 14. Д. 542. Л. 25.
 - ¹⁵ **АИКМК.** Оп. 2. Д. 45. Л. 205, 216.
 - ¹⁶ **ГАНО.** Ф. Р.-917. Оп. 1. Д. 111. Л. 2.
 - ¹⁷ **ГАНО.** Ф. Р.-1353. Оп. 1. Д. 174. Л. 6-11.
 - ¹⁸ **ГААК.** Ф. 312. Оп. 1-А. Д. 18. Л. 37; Ф. 333. Оп. 1. Д. 170. Л. 157.
 - ¹⁹ **Рабочий** класс Сибири в период строительства социализма. С. 303.
 - ²⁰ **ГАНО.** Ф. Р.-47. Оп. 1. Д. 1609. Л. 11; **Сборник** постановлений и распоряжений президиума Западно-Сибирского крайисполкома. Новосибирск, 1932. № 27-а. С. 6027.
 - ²¹ **Рабочий** класс Сибири в период строительства социализма. С. 302.
 - ²² **Коммунист** (Новосибирск). 1936. № 13-14. С. 49.
 - ²³ **Красноярский рабочий.** 1929. 23 апр.
 - ²⁴ **Профсоюзное** движение. 1929. № 15-16. С. 21.
 - ²⁵ **Демидов И., Абрамович И.** Культурная работа в бараках Кузбасса. Новосибирск, 1934. С. 12, 24.

-
- ²⁶ Там же. С. 40.
- ²⁷ **Восточно-Сибирская правда.** 1930. 24 дек.; 1932. 16 июля; **ГАИО.** Ф. 2280. Оп. 2. Д. 159. Л. 11.
- ²⁸ **Новосибирский рабочий.** 1932. 28 дек.
- ²⁹ **Демидов И., Абрамович И.** Культработа в бараках Кузбасса. С. 11.
- ³⁰ **Кузнецкстрой** в воспоминаниях. Новосибирск, 1934. С. 31-32.
- ³¹ **Советская Сибирь.** 1931. 22 авг.; **Восточно-Сибирская правда.** 1931. 30 авг.
- ³² **ГАОО.** Ф. 337. Оп. 4. Д. 1. Л. 9.
- ³³ **Молодой рабочий.** 1929. 19 нояб.
- ³⁴ **Ленинский шахтер.** 1933. 23 дек.
- ³⁵ **Профработник.** 1934. № 1. С. 29.
- ³⁶ **Советская Сибирь.** 1934. 18 окт.
- ³⁷ **Власть труда.** 1929. 7 дек.
- ³⁸ **Социальное развитие рабочего класса СССР.** М., 1977. С. 207.
- ³⁹ **Революция и культура.** 1929. № 2. С. 49.
- ⁴⁰ **ГАРФ.** Ф. 5451. Оп. 12. Д. 775. Л. 55.
- ⁴¹ **Социальное развитие рабочего класса СССР.** С. 207.
- ⁴² **ГАИО.** Ф. Р-2280. Оп. 2. Д. 519. Л. 76.
- ⁴³ Там же. Л. 109, 125.
- ⁴⁴ **Кузнецкстрой** в воспоминаниях. С. 93-94.
- ⁴⁵ **ГАРФ.** Ф. 5451. Оп. 12. Д. 594. Л. 30.
- ⁴⁶ **ГАИО.** Ф. Р-2280. Оп. 2. Д. 404. Л. 91.
- ⁴⁷ **Восточно-Сибирская правда.** 1930. 24 сент.
- ⁴⁸ **ГАНО.** Ф. П-3. Оп. 1. Д. 650. Л. 133-147.
- ⁴⁹ **Буторин В.П.** Просвещение рабочих. С. 97.
- ⁵⁰ **Советская Сибирь.** 1926. 10 февр.; **ГААК.** Ф. Р-78. Оп. 2. Д. 152. Л. 28.
- ⁵¹ **Жизнь Сибири.** 1929. № 1. С. 106.
- ⁵² **Московский А.С.** Рост культурно-технического уровня рабочих Сибири. 1920–1937 гг. Новосибирск, 1979. С. 273.
- ⁵³ **Молодежь СССР.** М., 1936. С. 268.
- ⁵⁴ **ГАИО.** Ф.Р-2280. Оп. 2. Д. 583. Л. 37; Ф. Р-604. Оп. 1. Д. 35. Л. 5.
- ⁵⁵ **Власть труда.** 1927. 13 апр.
- ⁵⁶ **ГАНО.** Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 404. Л. 10.
- ⁵⁷ Там же. Л. 13.
- ⁵⁸ **ГАИО.** Ф.Р-2280. Оп. 2. Д. 84. Л. 82.
- ⁵⁹ **ГАРФ.** Ф. 5451. Оп. 16. Д. 745. Л. 4-5.
- ⁶⁰ **ГАИО.** Ф. Р-2280. Оп. 2. Д. 519. Л. 109.
- ⁶¹ **Молодежь СССР.** Стат. сборник. С. 270.
- ⁶² Там же. С. 268.
- ⁶³ **ГАРФ.** Ф. 5451. Оп. 12. Д. 773. Л. 55.

-
- ⁶⁴ **Буторин В.П., Казанцева Л.К., Московский А.С.** Роль клубов и театров Сибири в формировании духовного облика рабочих в годы первых пятилеток. 1928-1937 гг. // Культура и быт рабочих Сибири в период строительства социализма. Новосибирск, 1980. С. 135.
- ⁶⁵ **ГАРФ.** Ф. 5451. Оп. 12. Д. 785. Л. 26.
- ⁶⁶ Там же. Д. 549. Л. 74.
- ⁶⁷ **ГАИО.** Ф. Р-2280. Оп.2. Д. 411. Л. 8.
- ⁶⁸ **Вишневецкий А.Г.** Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 111
- ⁶⁹ **Букин С.С.** Обеспечение продуктами питания городского населения Сибири.// Сибирь в годы Великой Отечественной войны. Сб. науч. трудов. Новосибирск, 1986. С.76-77.
- ⁷⁰ **Астафьев В.П.** Ода русскому огороду.// Звездапад. Повести. Кемерово, 1990. С. 302.
- ⁷¹ **Букин С.С.** Повседневная жизнь в городах сибирского тыла.// Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 2005, №2. С.29-30.
- ⁷² **ГАНУ.** Ф. 22. Оп. 22. Д. 255. Л. 64.
- ⁷³ **Итоги** Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 21-29.
- ⁷⁴ **Букин С.С., Исаев В.И.** Урбанизация Сибири в XX веке: закономерности и особенности. // Хозяйственное освоение Сибири в контексте отечественной и мировой истории. Сб. науч. тр. Новосибирск, 2005. С. 158-159.
- ⁷⁵ **ГАНУ.** Ф. 22. Оп. 1. Д. 881. Л. 179.
- ⁷⁶ **Проблемы** повышения уровня жизни населения Сибири. Сб. науч. тр. Новосибирск, 1965. С. 17.
- ⁷⁷ **Народное** хозяйство РСФСР в 1958 г. Стат. ежегодник. М., 1959. С. 413-414; **Болгов В.И.** Внеурочное время и уровень жизни трудящихся. Новосибирск, 1964. С. 46.
- ⁷⁸ **Культурное** строительство РСФСР. Стат. сб. М., 1958. С. 10-11, 16-17, 50-51, 92-97, 134-141, 148-149, 156-157, 180-181; **Васильевская Э.В.** Из истории развития телевидения в Западной Сибири.// Проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1973. С. 319-321; **ГАНУ.** Ф.4. Оп.33. Д. 2556. Л. 249-250; **Болгов В.И.** Внеурочное время. С. 104.
- ⁷⁹ **Букин С.С.** Опыт социально-бытового развития городов Сибири (вторая половина 1940-х–1950-е гг.) С. 157, 194-195.
- ⁸⁰ **Заславская Т.И., Калмык В.А., Хахулина Л.А.** Проблемы социального развития и пути их решения. // Известия СО АН СССР. Сер. экономики и прикладной социологии. Вып. 1. 1986. С. 40; **Рабочий** класс Сибири. 1961-1980 гг. Новосибирск, 1986. С. 100, 250-252, 259-260; **Шарипов А.Ю.** Сфера услуг сибирского региона. Новосибирск, 1979. С.142.
- ⁸¹ **Энциклопедия** Новосибирска. Новосибирск, 2003. С. 522.

-
- ⁸² **Народное** хозяйство РСФСР в 1980 г. Стат. ежегодник. М., 1981. С. 354, 357, 359, 361, 362, 366.
- ⁸³ **Урбанизация** Советской Сибири. С. 129.
- ⁸⁴ Там же. С. 164.
- ⁸⁵ **Власов Г.П.** БАМ: опыт, уроки (1970–1990). Исторический аспект. Иркутск, 1998. С. 99.
- ⁸⁶ **Численность** населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения в 1989 г. М., 1990. С. 14, 25.
- ⁸⁷ **Зайончковская Ж.А.** Новоселы в городах. М., 1972.; **Железко С.Н.** Социально-демографические проблемы в зоне БАМа. М., 1980; **Куцев Г.Ф.** Новые города. М., 1982. и др.
- ⁸⁸ **Гапонова Т.Г.** Проблемы приживаемости новоселов на севере Западной Сибири. // Социологические исследования. 1977, № 2; . **Куцев Г.Ф.** Человек на Севере. М., 1989; **Орлов Б.П.** Сибирь: шаги индустрии. М., 1988.
- ⁸⁹ **Социальные** проблемы новых городов Восточной Сибири. Иркутск, 1971. С. 59.
- ⁹⁰ **Куцев Г.Ф.** Человек на Севере. С.47.
- ⁹¹ Подсчитано по данным: **Гапонова Т.Г.** Формирование и закрепление населения в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири. //Известия СО АН СССР. 1983. № 11. Вып. 3. С. 54-55.
- ⁹² См: **Долголюк А.А.** Формирование трудовых коллективов Братско–Усть-Илимского ТПК. 1955 – 1980 гг. Новосибирск, 1988; **Куцев Г.Ф.** Новые города; **Лукьяненко В.И.** Города, рожденные волей партии. Иркутск, 1973.
- ⁹³ **Савельев В.** Секреты зеленых гор. Красноярск, 2001. С. 249-250.
- ⁹⁴ **Кучин С., Просвирин А.** Железногорск. Красноярск, 2006. С. 132-133.
- ⁹⁵ **Железногорск.** Красноярск, 2000. С. 12, 13.

Оглавление

<i>Ефимкин М.М.</i> Жилищный фактор в процессе индустриальной адаптации населения Сибири в XX–XXI вв.	3
<i>Исаев В.И.</i> Жилищная политика в городах Сибири в период НЭПа	46
<i>Букин С.С., Романов Р.Е.</i> Рабочие общежития военной поры (1941 – 1945 гг.)	57
<i>Долголюк А.А.</i> Индивидуальное жилищное строительство в Сибири в 1946–1970 гг.	81
<i>Букин С.С.</i> Социальный перелом: жилищное строительство в городах Сибири на рубеже 1950 – 60-х гг.	104
<i>Тимошенко А.И.</i> Разработка и реализация жилищных программ в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950-1980-е гг.	125
<i>Карпунина И.Б., Мелентьева А.П.</i> Изменение жилищных условий сельских семей в Западной Сибири в 1960–1980-е гг.	145
<i>Чернов Д.В.</i> Пожизненная рента в Новосибирске как фактор перераспределения жилья.	156
<i>Букин С.С., Долголюк А.А., Исаев В.И., Тимошенко А.И.</i> Социокультурная адаптация населения Сибири в условиях урбанизации (1930-1980-е гг.)	164

Научное издание

**ОПЫТ РЕШЕНИЯ ЖИЛИЩНОЙ ПРОБЛЕМЫ В
ГОРОДАХ СИБИРИ В XX – НАЧАЛЕ XXI вв.**

Сборник научных трудов

Оператор электронной верстки Букина Т.Д

Сдано в набор 04.08.2008. Подписано в печать 23.10.2008. Бумага офсетная.
Формат 60x84 1/16. Уч.-изд. л. 11,40. Усл. п.л. 12,55. Тираж 100 экз. Заказ № 2023.

Отпечатано в типографии ООО «Параллель»
630090 Новосибирск, ул. Институтская, 4/1